

ДРАКОНЪЕ

Драконъе

аниме

Annotation

Чтобы стать настоящей владельницей дома и рода на чужой планете, ей надо выполнить последнее условие завещания — спуститься в нижние круги ада и встретить там чудовище.

Высохшая до костей, обтянутых сухой, истончённой от старости кожей, лапа, когда-то бывшая кистью руки, медленно «листалась» прозрачные «страницы» виртуального списка пассажиров. Тяжёлые, пожелтевшие от старости когти словно невидимо рвали эти не существующие в реале страницы — настолько нетерпеливо переворачивали их.

Раздел — нижняя палуба космического пассажирского лайнера. Графа — список человеческих самок. Графа — цель приезда. Графа — работа. Жёлтый коготь скользил по списку: возраст, родные, здоровье, предыдущая работа, отзывы нанимателей. Стоп. Снимок. Тощие пальцы огладили мелкий снимок, увеличивая. Девушка словно резко оглянулась — и этот взгляд... Исподлобья, даже агрессивно. Лицо — округлое, ярко выраженным смуглым сердечком. Большие чёрные глаза под бровями вразлёт — пока не хмурится, прямой нос и упрямо выпяченные полные губы — вроде черты и привлекательно мягкие, на первый взгляд, но это лицо точно не кукольное. Утяжеляет его тот же взгляд — жёсткий, оценивающий и чаще исподлобья. Для двадцатипятилетней — странный. Волосы, густые, тёмные, заплетены в короткую косу. Девушка не стремится привлечь к себе внимание противоположного пола. Даже косметики нет. Не кокетка.

— Эта, — безапелляционно сказал старческий голос.

Трое суток спустя

Неприметная девушка, в дорожной одежде (неопределённого цвета штаны и серая блузка, застёгнутая до горла; завершали наряд разбитые длительной ноской, бывшие когда-то белыми полуботинки), с большой бесформенной сумкой за плечом, неуверенно, но сосредоточенно оглядываясь, шла в толпе таких же, как она, — ищущих работу. На Уиверне осень — сухая, прохладная. Здесь, у космопорта, ещё и ветрено: пространство довольно пустынное. Но ей жарко — от насторожённости перед изменениями в жизни... Сейчас их встретят служащие агентства, отвезут в самый дешёвый отель при центре занятости, распределят по временным номерам, а потом...

Старая планета. Старинные богатые рода и кланы, владеющие, говорят, несметными богатствами. Их отпрыски предпочитают занимать высокие руководящие должности, а в обслуживающем персонале, на черновой работе, в основном — люди с человеческих планет... Сам Уиверн — почти курортная зона: старинные города без особо развитой промышленности — разве что обслуживающая налажена, как часы, и та — находится подальше от места проживания уивернов; горы, слегка сглаженные временем и давними катаклизмами; равнинные низины, один океан и множество небольших морей...

— Лианна Мишель?

Чья-то рука вежливо, но настойчиво вытянула девушку из толпы и сразу сняла с её плеча сумку. Смущённая девушка кивнула высокому черноволосому мужчине, а потом, сглотнув, на терралинге подтвердила:

— Да, я Мишель...

— Идёмте. С куратором вашей группы есть письменная договорённость, — сказал мужчина, в традиционной для планеты Уиверн форме охранника, с парой отличительных цветов на нашивках — цветов того частного дома, куда девушку должны отвезти. Человек, конечно. Не уиверн.

Она прочитала официальную форму на бумаге — заявку на компаньонку при старой даме — и снова кивнула. После чего сказала уже на уиверн:

— Основной язык планеты знаю.

— Хорошо.

На выходе из космопорта её усадили в ничем непримечательную, но солидную машину, и только здесь она осмелилась спросить:

— А как меня нашли?

— По спискам пассажиров. Старая дама выбрала вас сама.

Девушка ссутулилась на своём сиденье. Компаньонкой — значит. Не самая лучшая работа из тех, что предлагались. Правда, всегда есть надежда, что хозяйка окажется не такой стервой, какие были до неё. Но ведь это Уиверн. Планета, на которую летят только с безнадёги. Когда с работой совсем швах. Можно было бы, разумеется, научиться какой-нибудь специальности, но в приюте, где выросла Лианна, не заморачивались обучать воспитанников современным, востребованным профессиям. А самой пойти на курсы — кредитов скопить никак не удавалось. Чему смогла — выучилась... Здесь же, на Уиверне, в обслуживающем штате, работают только земные женщины. Аборигены слишком высокомерны, чтобы заниматься обслуживающим трудом.

Лианну провезли почти через весь город, затем высадили у богатого, со строгой отделкой двенадцатиэтажного особняка, над входной дверью которого красовалось лаконичное «Драконье гнездо». Здесь у многих старинных домов свои названия. И подобие небольшого сада вокруг здания: высокие деревья ближе к решётке ограды и строго стриженные газоны от окон.

Громадная лестница в несколько пролётов, старинный лифт. Анфилада с богато и со вкусом украшенными комнатами. Ковры, драгоценная утварь... Девушка про себя усмехнулась: сумма, в которую обходится каждая проходная комната, наверняка достаточна, чтобы одному человеку прожить здесь, на Уиверне, не ущемляя себя ни в чём, лет пять, не работая... Не заблудиться бы здесь, в этом богатом доме. Почти замок...

Затем девушке пришлось выждать, пока о ней сообщат на следующий этаж. Хотелось есть, и девушка угрюмо надеялась, что хозяева не жмоты и сообразят, что скудная еда на нижней палубе космического лайнера — это слишком мало для молодой человеческой самки. Но пока она стояла в приёмной старой дамы, где каждая вещь, каждый предмет интерьера солидно светился непререкаемой роскошью, и ждала, когда пригласят в комнаты.

— Лианна Мишель, — сухо сказала вышедшая к ней девушка. — Пройдите.

Странно, но Лианна почти сразу почувствовала, что непредставившаяся незнакомка (возможно, секретарь старой дамы) явно прониклась к ней, к новой прислуге, противоречивым чувством: она и презирала её, как обычно это делают господа с Уиверна, с другой стороны — пыталась хоть как-то изменить своё отношение, быть... доброжелательней? Даже — страшно подумать! — понравиться?.. Странно. Лианна мысленно пожала плечами: зачем что-то менять? Мы никогда не станем подругами — представительница элиты Уиверна и презренная на этой планете человеческая самка. Оставалось загадкой одно: богатые уивернки не брали в компаньонки человеческих самок. Ею как раз могла бы быть именно эта девица — тоже уивернка. Страшновато: а если под компаньонкой подразумевается нечто иное? Поэтому девица пытается изменить отношение к человеческой самке с обычного презрения на нечто другое — уровнем повыше? Или ниже?

На следующем этаже дома девица-секретарь передала будущую компаньонку с «рук на

руки» дворецкому — высокому, сутулому от старости уиверну в униформе. Тот проводил девушку до спальни старой дамы и сухо сказал у самой двери:

— К хозяйке обращаться даг Куианна. Говорить, когда разрешит говорить госпожа.

Что это? Нанимательница выбрала её по близкому совпадению имён?

Девушка вошла в спальню. Пришлось проследовать за дворецким довольно большое расстояние, пока она не очутилась перед роскошной кроватью, в нежнейшем белье которой утопала старая дама. Лианна увидела сморщенное от старости лицо, обрамлённое короткими, неряшливо серыми от старости волосами. Последнее очень удивило: обычно богачи стараются до самой смерти менять себе кожу, а особенно волосы, или лелеять свои, оставшиеся, всеми препаратами, какие найдутся по средствам.

Эта старая дама не собиралась красоваться ни перед кем — и даже перед самой собой. Вот только глаза — не молодые, но и не старые — существа в возрасте. Глаза существа, решившегося на что-то очень важное. Эти глаза цепко оглядели подошедшую и странно потеплели.

Дворецкий сухо сказал:

— Сядьте.

Лианна молча присела на предложенный тяжёлый стул, больше похожий на жёсткое кресло. На Уиверне прислуга и правда не имела права заговаривать с господами первой.

Будто выждав, пока дворецкий уйдёт, выждав, когда далёкая отсюда дверь слегка, почти неслышно прищёлкнет, закрываясь, даг Куианна выпростала из-под лёгчайшего пухового одеяла тощую, сухо горячую руку и положила её на кисть Лианны.

— Милая девочка, мы здесь так одиноки.

Удивлённая странной лаской, Лианна с трудом удержалась не сказать какую-нибудь пустую вежливость в ответ, выжидая, что скажет старая дама далее. И напряглась — настороже: для чего же её пригласили компаньонкой? Глаза нанимательницы продолжали занимать её: призрачно-голубые, словно округло обработанные, без граней драгоценные камни, внимательные, оценивающие, зрачки вдруг начали медленно заполнять собой всё пространство глаза, будто медленной волной заливая белки. Призрачная светлая синь вглядывалась в глаза человека, не позволяя опускать их, не позволяя отводить их... И вонзалась, входила, заполняла собой сознание девушки. Уивернка была достаточно стара и опытна, чтобы уметь изменяться частично.

Лианна обмякла на стуле. Не упала лишь потому, что старая дама продолжала крепко держать её за руку.

... Старая дама деловито села на постели, прислушалась... Тишина.

Минуту спустя старуха-уивернка прислонила Лианну, словно куклу, к спинке стула, бесшумно подкралась к двери и быстро, но так же бесшумно закрыла не хлипкий замочек под дверной ручкой, а дверной засов. Желаящим войти в спальню придётся потрудиться, выламывая дверь. Во всяком случае, хозяйка будет предупреждена шумом.

Девушка сидела на стуле, выпрямившись застывшим манекеном.

Уже не обращая на неё внимания, старая дама быстро выдвинула нижний ящик кровати и вынула из тайника маленький футляр. Слуги потом приберут, главное — успеть сделать то, из-за чего её могут счесть сумасшедшей. Но даг Куианна не привыкла отступать от задуманного. Она и в самом деле была одинокой, но слишком гордой, чтобы оставить наследство дальней родне, не имеющей одной с нею крови. Последний прямой наследник не давал знать о себе уже слишком давно, а старая дама уже отчётливо чувствовала, что

неминуемое должно вот-вот свершиться. Смерть отсрочки не даст. Но и событиям идти по инерции старуха не позволит. Хотя многие этого жаждут. Завещание готово. Имя прямой наследницы вписано. И ею станет эта человеческая девочка, безродная, выросшая в приюте, неприметная и послушная, когда дело касается работы, но дерзкая и сильная, когда надо постоять за себя (прочитано между строк в отзывах нанимателей)... От отчаяния старая дама была готова на всё. Даже на нарушение вековых традиций рода и планеты.

В раскрытом футляре обнаружили странные инструменты, которыми старая дама пользовалась легко и привычно. Почти профессионально она сделала человеческой самке, задрав на ней жалкую дешёвую блузку, укол из мини-шприца в солнечное сплетение.

Круглую штуку, похожую на стилизованный металлический цветок, даг Куианна надела на кисть девушки, и так загипнотизированной ею, но теперь, после укола, уже впавшей в состояние искусственно вызванной бессознательности, — точнее, воткнула нижний штырь «цветка» в вену. Затем отвела руку девушки в сторону, оставив её висящей над полом. Вовремя. Из середины прибора быстро заструилась кровь, стекая на безвольную ладонь и дальше — с пальцев на пол. На песочно-коричневом паркете красная, быстро увеличивающаяся лужа казалась странным, чужеродным живым существом. Приглядевшись к ней, уивернка кивнула сама себе и, надев второй «цветок» уже на другой стороне девичьей кисти, снова легла на постель.

Новый «цветок», в отличие от первого, имел тонкий провод, соединённый с парным, третьим «цветком», прикреплённым к кисти самой старой дамы. И, когда девушка потеряла рассчитанное количество крови, первый «цветок», регулирующий выход крови, самостоятельно закрылся. Середина второго, под кистью человека, засветилась жёлтым. Сигнал был пойман третьим «цветком» — и штырь автоматически вошёл в кисть старой уивернки.

Старуха лежала, прислушиваясь к своим ощущениям. Она ясно чувствовала, как слабеет. Жёсткое лицо, с отчётливо написанным на нём непоколебимым упрямством, постепенно смягчалось в странном умиротворении, а сжатый рот — почти в довольной улыбке. Ещё бы... Она перехитрила всех!

Итак, последний штрих. Слабеющими пальцами даг Куианна подхватила из незакрытого ящика кровати квадратный бокал с крышечкой. Старая дама не собиралась испытывать перед смертью болезненное состояние умирающей. Не-ет! Она распахнёт крылья и будет парить в пространстве, как истинный уиверн. Подняв крышечку, старая дама хлебнула известный только среди самых богатых уивернов бальзам, действующий на слабом, наркотическом только для её расы веществе. Хлебнула, покатала на языке, смакуя терпкий привкус. Хватит. Ей, умирающей, много не надо. Теперь можно лечь и наслаждаться странными, но прекрасными видениями умирающего мозга. Тем более что задуманный ею процесс подходил к концу.

Прямое переливание крови... Девушка вдруг громко вздохнула и застонала. По лицу прошло странное движение. Кровь истинных уивернов вламывалась в организм человека, изменяя его и приспособлявая к будущим изменениям. Одновременно содержащиеся в приборах адаптирующие ген-вещества помогали и уивернской крови, и человеческому организму не схлестнуться в яростном противостоянии, выход из которого потенциально мог быть только один — смерть. Адаптация проходила болезненно: сильная, пытающаяся одержать верх кровь уивернов заставляла человеческую самку — слава небесам — сильную и здоровую! — корчиться в конвульсиях, вызывавших выражение болезненной муки на её

лице.

— Терпи, девочка, терпи, — прошептала старая дама, глядя на потолок и не видя его полузакрытыми глазами, в которых постепенно затухала яркая когда-то синь. Она слабо улыбалась, погружаясь в наркотический сон, в котором смерть входит тихо и ласково...

Ей повезло больше. Процесс умирания шёл необратимо. Глаза дрогнули на движение сбоку. Она видела, но уже не понимала: дрогнула оконная штора метрах в пяти от кровати, из-за неё появилась фигура, чьё лицо ниже глаз закрывал кусок ткани; фигура подошла к столику с квадратным бокалом и бросила в него шарик, размером в горошину... Ещё видела, но не реагировала...

И резкого стука в дрогнувшую дверь — притом, что та тяжёлая и крепкая, она почти не слышала. Может, он прозвучал где-то в её парениях ударом глухого далёкого грома?.. Пауза — и в следующий миг дверь треснула от страшного удара по замку. Ещё один удар — дверь снесло набок, она провисла на нижней петле, непоправимо сломанная, а в апартаменты быстро и сильно вошёл высокий уиверн: по земным меркам — лет под сорок; чёрные волосы, до пояса, небрежно прихвачены в «хвост», длинное худощавое лицо искажено складками нетерпения, пронзительно-серые глаза мгновенно замечали и оценивали... Профиль, с высоким лбом и идеально вылепленным носом — с намеченной горбинкой, был бы хорош для мыслителя, не уродуй его искривлённый злостью рот.

Он не остановился у порога, а немедленно подошёл к кровати с умирающей старой дамой. Мельком взгляд на девушку, которая уже только вздрагивала — без судорог, мельком — на её руки. Мельком взгляд на даг Куианну. Злоба исказила его черты уже до неузнаваемости.

— Ты всегда была слишком нетерпеливой, старуха! — процедил он сквозь зубы, сдёрнув со стола бумагу с гербовыми печатями дома Уивернов и кинув на её строки быстрый взгляд. — Что... что ты наделала?!

Рычание вырвалось непроизвольно. Он больше не контролировал себя: схватил безвольное тело за плечи и сильно начал трясти его, всё так же рыча от бессилия. Он всё же вырвал старую даму из её зачарованного небытия — всего на несколько секунд. Из небытия, но не из полёта в небесах. Даг Куианна полуоткрыла глаза — достаточно, чтобы увидеть и узнать пришельца. Тень улыбки приподняла уголки сморщенных губ.

— Я... вовремя...

Неизвестный замер, выжидая, скажет ли она ещё что-нибудь, и с досадой расслабил пальцы, уронив лёгкое тело на постель. Правда, в последний момент он уловил, что глаза старой дамы чуть скосились в сторону столика. Ещё секунды неподвижности. Последний вздох Куианны... Неизвестный угрюмо присел на край кровати, ссутулившись рядом с мёртвым телом, взял со столика недопитый бальзам. Принюхался. Рука дрогнула поставить бокал на место. Помедлил. С той же злостью вылил остатки бальзама в глотку.

Слуги не смели заходить в апартаменты, лишь дворецкий неуверенно, в ожидании заглядывал в комнаты. Но там теперь было тихо...

Было... Новый рык, перешедший в хриплый вой ярости, и старик-дворецкий отшатнулся от сломанной двери. Выглядывающая из коридора девушка-секретарь сжалась, зябко обхватив плечи руками...

... Лианна очнулась за секунду до того, как над нею склонилась огромная фигура. Она увидела сумасшедшие глаза, горящие невероятной, звериной злобой. Корявые ладони с выступившими когтями жёстко взяли за отвороты её блузки и легко разорвали их. Когти

проехались по нежной коже, ободрав её в рваные царапины. Когда с неё грубо сорвали всю одежду, девушка уже пришла в себя настолько, чтобы суметь закричать в надежде на помощь... Испуганный крик лишь подстегнул чудовище...

... Девушка-уивернка в настоящей панике выскочила из комнат, куда было нерешительно зашла. Дворецкий, зажмурившись, закрыл уши. Но душераздирающий, отчаянный вопль из апартаментов старой дамы оборвался быстро.

... Когда всё было кончено и апартаменты опустели, первым туда поспешил старик-дворецкий. Растерзанная девушка скорчилась на полу — в багровых брызгах, в смазанных по паркету кровавых полосах. Робко вошедшая следом за стариком уивернка-секретарь со стоном отвернулась — её стошнило... Дворецкий, замерший — приглядываясь, облегчённо вздохнул: скорчилась — живая. Он завернул безвольное тело в покрывало, с быстро расплывающимися темными влажными пятнами, и велел девушке-уивернке:

— Сейчас приедет врач. Встретишь. Пусть зайдёт в комнату для омовений.

— Хорошо, — голосом, сиплым от недавней тошноты и дрожащим от задавленного плача, выговорила девушка.

Уивернов, как и людей, в апартаментах старой дамы было больше, чем достаточно. Но внимание всех сосредоточилось на дворецком с его кровавой ношей. Поэтому никто не заметил, как кто-то снял со столика и спрятал квадратный бокал со слегка изменённым запахом бальзама.

Тренер подошёл сзади слишком бесшумно — для меня, задумавшейся, отдыхая, после недавнего спарринга. То, что я едва не сломала ему запястье, когда он попытался руками заблокировать мой удар ногой, ему просто повезло. Успела в последнее мгновение сообразить, кто это, и край спортивной обуви только содрал ему кожу на кисти. Да и реакция у уивернов — будь здоров: успел боком встать — удар получился скользящий.

— Не подкрадывайся в следующий раз, — безэмоционально предупредила я его. — Извиняться не буду.

Он тоже бесстрастно поклонился, стараясь незаметнее прижимать окровавленную руку к бедру, чтобы унять кровь. Сказать, что ли, чтобы наоборот поднял — крови меньше будет?.. Сам соображать должен.

— Дама Лианна, к вам пришли.

— Спасибо, — машинально сказала я и кивнула телохранителям, которые только-только начали спарринг, но отвлеклись на инцидент между мной и тренером. — Кто?

— Даг-ин Рэдманд.

Семейный адвокат. Интересно, что ему понадобилось? Обычно, чтобы не тревожить старого уиверна, я сама приезжала к нему.

Хотя это не очень нравилось многим.

Но ведь и я не уивернка. Так что засуньте ваше недовольство куда подальше.

Итак, у меня двадцать минут — время, в течение которого почтенный уиверн не будет чувствовать себя оскорблённым из-за невнимания к нему хозяев дома.

Быстрее в душ... Домочадцы не понимают, как можно плескаться в воде после тренировок. Как я выяснила, уиверны предпочитают смывать грязь с тела направленным потоком сухого воздуха. Я к этому так и не привыкла. Чистоты не чувствовала.

Дама Лианна... Меня никто и никогда не будет называть даг Лианной. Предпочитают обращение на примерном человеческом... Я зажмурилась и подняла лицо, чтобы струи воды лупили по нему, смывая не только грязь, но и усталость.

А вот высохла уже под направленным воздушным душем. Только этим он для меня и хорош. Потом быстро в комбинезон — ещё одна причина для ворчания истинных уивернов. Я не могу носить никакой другой одежды, кроме комбинезона, застёгнутого до последней пуговицы на горле. Человеческий психолог, который работает со мной дистанционно с другой планеты, сказал, что это чистой воды защита в психологическом плане. Что я перестану носить комбинезоны только тогда, когда снова увижу этого... это... чудовище. Кое о чём в беседах с психологом я умалчивала. Хотя иной раз так и рвётся с языка: «Хоть ты и психолог, но не понимаешь! Не понимаешь, что мне его не увидеть надо, а убить! И лишь тогда я вздохну спокойно!»

Ненависть стала моим вторым я. Постоянно вспоминала о произошедшем тогда, несколько лет назад, — и думала только об одном. Об убийстве.

... Вышла из душевой при спортивном зале, застёгивая верхнюю пуговицу. Телохранители настолько привычно встали за мной, что я, снова задумавшись, не сразу отметила их появление при собственной персоне. Они-то привычной тренера.

Что-то накатило на меня опять вспоминать. Впрочем... Такое накатывает всегда, едва появляется адвокат. Хотя почему — не знаю...

Шагая к лифтам, я вздохнула... Если бы не старик Грир, дворецкий, мне бы не выжить. Что началось, когда дальняя, не кровная родня даг Куианны узнала, что в завещании указана человеческая самка!.. Грир спрятал меня от греха подальше — с их жадных, завидующих глаз — на первом этаже, куда те, считающие себя высокородными — пусть и голозадые, спускаться не любили. Именно там, в одной из комнат для прислуги, меня буквально собрали по кусочкам, зашив всё, что было необходимо, а потом ещё и помогли прийти в сознание. Эта комната стала для меня норой, в которую я откровенно забилась, прячась от всего белого света. Оказалось, легче переносить неуходящий ужас, превратившись в зверя, бездумного, живущего на одних инстинктах и потребностях. Только старик Грир постоянно был со мной, скрупулёзно заставляя меня выполнять все назначения врача.

А я думала, что так и надо. Эта комната. Этот старик, постоянно ухаживающий за мной, спавший тут же, в комнате, чтобы встать на первый же мой стон или крик и подать обезболивающее. Иногда прибегала незаметная девушка-мышка из людей — прислуга с кухни, помогала ему. Я придумала себе, что произошло: меня взяли на работу, но использовали не по назначению, после чего выбросили сюда, пока не приду в себя. Настоящее неведомо, а спрашивать о нём... больно. Безразличие ко всему. Постоянный ступор. Просвета из него не виделось.

Именно там я сначала равнодушно, стороной воспринимала осторожные слухи о том, что родственнички беззастенчиво грабят дом старой Куианны. Слухи приносили слуги из людей, которые рассказывали Гриру обо всех событиях. А тот уже пересказывал мне, надеясь хоть как-то заинтересовать ими меня. Он думал — я знаю о смерти даг Куианны. Но я не знала... И не понимала, почему дворецкий такого дома сидит у моей постели и ухаживает за мной.

Там же, в комнатухе я узнала, что беременна. И там же возненавидела ещё не рождённого Брендона. До чёрной ненависти. Но узнала слишком поздно: прервать беременность оказалось невозможным. И я поклялась убить и его — при первой же возможности. Его — ублюдка того чудовища, который приходил ко мне в снах, чтобы снова надругаться над моим телом. Отчего я кричала, почти не переставая... Ещё одна из причин, почему Грир и спрятал меня в удалённых комнатах «Драконьего гнезда».

В себя меня привели в один прекрасный день, где-то через полгода, когда я заметила, что ко мне перестала ходить Брилл — секретарь старой дамы, как я правильно угадала. Обычно она приходила скрупулёзно — каждый день. Два визита — утром и вечером. В одни и те же часы. Доброжелательное, хоть и отстранённое приветствие и вопрос, как я себя чувствую, — я быстро привыкла к этому.

Не пришла раз, когда я, словно выдрессированный ею зверь, смотрела на дверь, зная, что сейчас она должна распахнуться, чтобы произошло традиционное событие моего скудного на новости дня. А дверь в обычный час не открылась. На пороге не появилась высокая худощавая девушка, с внимательными тёмными глазами, которые обычно сразу окидывали помещение оценивающим взглядом. Как-то стороной меня всегда смешил её длинный нос, который как ни странно, на её узком лице казался очень кстати. Я постоянно смотрела на него, пока Брилл говорила со мной, отчего уверенка поглядывала на меня с недоумением, кажется, не понимая, почему я смотрю не в глаза, а ниже. Потом снова привычное ожидание, уже вечером, а привычного события опять не было... Не видела меня целый день... И не пришла на следующий.

Сначала я просто отметила этот факт, потом он меня как-то зацепил... Я не обиделась.

На фоне полнейшего безразличия к происходящему мне стало любопытно. Сначала. Потом я почувствовала беспокойство: налаженный режим порвался в одном месте, хотя ничего другого, страшного, не происходило. Но в моём состоянии ступора нарушение режима стало угрозой будущему покою... И я безразлично спросила Грира:

— Брилл. Она больше не хочет узнавать, как у меня со здоровьем?

— Брилл больше здесь не работает, — сухо вато отозвался старик. — У неё закончился контракт. Вместо неё взяли другую.

Пришлось заставить себя в руки и попытаться выйти из ступора. Что-то странное почуяла в его словах. Слова, раньше поверхностно скользившие мимо моего внимания, будто начали осознаться, принимать форму... Я, помогая себе руками, непривычно тяжело поднялась с постели, накинула на себя какое-то одеяние, лежавшее в полной готовности у кровати, на стуле. Походила по маленькой комнате, чувствуя себя вялой — и не только из-за живота. Села на кровать. Старик сидел у стола, читал какие-то бумаги.

— Что ты говорил мне о смерти даг Куианны?

— Она умерла, — терпеливо сказал Грир.

— А почему я здесь?

— Потому что даг Куианна сделала вас своей наследницей.

— Тогда почему... — Я оборвала себя на полуслове. Понятно почему. У Брилл закончился контракт, и некому было с ней заключить этот контракт заново. Я зябко обхватила плечи руками. Думала. Обрывистые шепотки, нечаянно услышанные, информация, заключённая в них, — всё вдруг нахлынуло на меня, постепенно складываясь в единую картину. — Почему Брилл не пришла ко мне продлить контракт? Или у меня пока нет прав на это?

Грир отложил бумаги и поднёс стул к кровати, чтобы сесть ближе и смотреть мне в глаза. Он был спокоен. И готов к серьёзному разговору.

— Дама Лианна... Всем в доме командуют родственники даг Куианны. Для них вы — всего лишь номинальная хозяйка дома. Поэтому, когда истёк контракт Брилл, её сразу выставили из дома, не давая войти к вам. — И замолчал, испытующе вглядываясь в меня.

Я пока не понимала всей полноты происходящего. Но вопросы появлялись.

— Почему... Почему даг Куианна сделала меня своей наследницей?

— Она считала вас сильной и волевой, — с небольшим нажимом на «волевой» сказал Грир. — Она сделала всё, чтобы вы были не просто полукровкой. Она умерла, отдав вам свою кровь. Вы помните переливание?

— Нет. Не помню. Она это сделала?

— Да. Только всё пошло прахом. Никто не ожидал, что явится единственный прямой наследник даг Куианны — её внук.

— И изнасилует меня, — закончила я.

Старик как-то напрягся. Я насторожилась.

— Договаривай, Грир. — Только выговорила, как в оживающих мозгах что-то словно щёлкнуло. — А почему?.. Почему он единственный прямой наследник?

— Дом «Драконье гнездо» — очень старый, как и его владельцы. До недавнего времени все думали, что внук госпожи, Дрейвен Ши Ро, умер или попал... в лечебницу.

— Он что — сумасшедший? — недоумённо спросила я, не сообразив соединить две информации: старинный дом и лечебница.

Дворецкий замялся, отводя глаза в сторону.

— Внутридинастические браки часто приводят к такому состоянию, — решился наконец выговорить дворецкий. — До недавнего времени за господином такого не замечалось, но... Никто не знает, когда может произойти срыв.

Итак, надо мной надругался сумасшедший. Для меня эта новость ровно ничего не значила. Сумасшествие его не оправдывает. Я заиклилась на мысли убить его и не собиралась менять своего решения. Когда, каким образом и где — дело десятое. Угрюмо даже подумалось, что я тоже сумасшедшая, если надо мной довлеет лишь одна мысль... Другое дело, что первый же разговор с дворецким о наследстве подсказал мне: у меня могут появиться средства, чтобы добиться выполнения сумасшедшей идеи.

— Вернёмся к разговору о Брилл. Я наследница, но ничего не могу сделать с происходящим в доме. Так?

— Так, дама Лианна. Их слишком много, а вы ничего не можете предъявить им в качестве... силы. Они могут просто запереть вас в комнате, если вы захотите... И будут действовать от вашего имени. Как начали действовать, заменив Брилл свое ставленницей.

— Вот что... А если я скажу им, что ко всему прочему беременна от прямого наследника? — ухватилась я за странную идею добиться прав наследования.

Старик быстро взглянул на меня и опустил глаза.

— Говори, — тихо потребовала я.

— Если родится человеческий ребёнок, вы будете в униженном положении. Если — уиверн, его по истечении определённого времени отправят в лечебницу. С помощью ребёнка доказать вы ничего не сможете.

— Что-о? Почему это уиверна отправят в лечебницу?

В свете полученной информации вопрос был риторическим. Я машинально положила руку на давно округлившийся живот, впервые близкая к тревоге.

Нет, ребёнка я ненавидела... Но... Мало того что его, неродившегося, собиралась убить его собственная мать, так в случае рождения его упрячут в больницу для сумасшедших?! Я словно увидела, как плачущий младенец, маленький и беспомощный, закрывает руками голову, а в него... стреляют! Впервые я уловила в себе что-то вроде шевельнувшегося сочувствия к нерождённому существу, которое ожидала участь страшнее моей. Его... ненавидел весь мир... Так же машинально я положила на живот вторую руку. Когда поняла, моё дыхание залихорадило: это частичка меня. Моё мясо — если грубо. Мои мышцы, нервы, кости... И меня — его — убьют?! Плоть от моей плоти — это я должна распорядиться его судьбой! Никто — кроме меня! Это мой ребёнок! Мой!

Всё познаётся впервые. Увидела свои машинально приподнятые руки — обнять живот — обнять ребёнка... Эгоизм по отношению к ребёнку стал спусковым крючком. Теперь из летаргии личной боли и ненависти я проснулась полностью — и увидела себя, своё место в мире уивернов совершенно иначе. Да, пока я ещё не всё знала, но воспринятого оказалось достаточно.

— Есть документы, в которых записано, когда у кого из прислуги заканчиваются контракты? — уже сухо спросила я.

— Есть, дама Лианна.

— Покажи. Меня интересует контракт начальника службы безопасности.

Сухой морщинистый палец ткнул в нужную строку. Контракт Адэра Кейдна истекал через месяц. А платили ему здесь очень даже неплохо. Мягко говоря. Наверное, он не захотел бы сам уйти с этого места. Я с минуту размышляла над этим фактом.

— Мне нужна одежда. Комбинезон. Потом пришли ко мне Кейдна. Ваших обычаев я не знаю. Кто, доверенный, мог бы мне помочь постепенно разобраться с ними?

— Брилл очень хорошо знает все законы и традиции уивернского общества, — чопорно сказал Грир.

Всё ещё держа руки на животе, я кивнула.

— Хорошо. Найди мне Брилл. Чуть позже. Сможешь незаметно провести её ко мне?

В брошенном на меня взгляде блеснула надежда.

— Могу, дама Лианна. Сначала — Кейдн, потом Брилл. Что ещё?

— Расчёску и мою сумку, — деловито сказала я.

Заговор против родственников даг Куианны, решивших, что они легко справились со мной, безгласной, был придуман быстро, до прихода Кейдна, оказавшегося уиверном. Он выслушал меня насторожённо. Но авантюрная жилка в нём всё-таки сказалась. Он и правда не хотел уходить с этого места: привык к дому, да и оплата его услуг в этом доме достойная. Кое-что он обсудил со мной, внося коррективы в мою задумку, — и я благословила его на выполнение нашей безумной идеи.

Всё очень просто. Едва кто-то из родственничков оказывался за пределами «Драконьего гнезда», его больше в дом не пускали. Звонки к оставшимся в здании ни к чему не приводили. Через неделю я полностью пришла в себя, поняла, что теперь собой представляю, и устроила полный дворцовый переворот. С уменьшившимся количеством претендентов на грабёж старого дома охрана справилась быстро.

А через день после захвата дома, и так принадлежавшего мне — по уивернским законам, а теперь и фактически, я, в сопровождении телохранителей и восстановленной на работе Брилл, поехала к даг-ин Рэдманду, семейному адвокату «Драконьего гнезда» — как выяснилось, название принадлежало не только дому, но и роду даг Куианны. Здесь я получила копию первой части завещания и первую консультацию о своих правах и обязанностях по отношению не только к дому, но и к прислуге. По требованию даг Куианны, в завещании, оставленном у адвоката, были указания, которые даг-ин Рэдманд должен был оглашать мне каждые полгода.

Первый год я вникала в оставленное мне хозяйство. Прервалось моё вникание только раз — с рождением ребёнка, над которым я теперь тряслась так, как от себя не ожидала. Уиверн! Черноволосый, с пронзительно-серыми глазами его отца — Дрейвена Ши Ро! Но это теперь меня не останавливало. Я оказалась ненормальной матерью, готовой дневать и ночевать с сыном не то что в одной комнате, но и в постели — и не только в первые дни после его рождения. Я бешено ревновала сына ко всем, кому он по-младенчески мог улыбнуться. Я до слёз психовала, едва он кашляет или чихнёт, — я, та самая, которая всего лишь несколько месяцев назад собиралась убить его при первой же возможности!.. Никаких нянек! Только сама — всё сама! Я боялась — страшно боялась, что чужие могут быть подсланы обозлёнными родственниками, что с сыном могут сделать что-нибудь, чтобы потом объявить его сумасшедшим, каким был его опять бесследно пропавший отец. Даже врачи — только проверенные и только по совету Брилл или даг-ин Рэдманда... В общем, настоящая мания преследования.

Ради сына я пошла на многое. Я решила стать личным телохранителем сына и велела найти мне личного тренера. Для занятий пришлось открыть давно закрытый спортивный зал, о котором в доме забыли давно и надёжно. После ремонта там стали заниматься и охранники. Как мне, так и моим телохранителям требовались партнёры для спаррингов. Всё

для сына, всё во имя сына.

Мне повезло, что на Уиверн приветствовалась клановость. Прислуга и служба безопасности сплотились вокруг меня и готовы были защищать всеми силами и меня, и моего сына — внешне идеального представителя «Драконьего гнезда», а по крови — следующего прямого наследника.

Скоро Брендону должно исполниться три года.

И три года прошло с момента смерти даг Куианны. С чем ко мне пришёл сегодня даг-ин Рэдманд? Какое повеление старой дамы я должна выполнить, прежде чем вступлю в полноправное владение «Драконьим гнездом»?

Адвокат дожидался меня в парадных покоях. Сидел в кресле с бумагой в руках — с очередным приветом даг Куианны с того света. Рядом — столик, кофе и десерт к нему. Даг-ин Рэдманд не чужд слабости к сладкому.

— Добрый день, даг-ин Рэдманд, — поприветствовала я его, украдкой взглядывая на напольные часы: пятнадцать минут. Успела за пять минут до приличествующих двадцати. Неплохо.

— Добрый день, дама Лианна. — Адвокат взялся за подлокотник, изображая, что хочет встать при моём появлении.

Я же замахала на него руками — тоже часть игры.

— Сидите-сидите, даг-ин Рэдманд! Я уже села. Будете ещё кофе?

— Нет, спасибо.

— С чем вы сегодня, даг-ин Рэдманд, простите моё любопытство?

— Ничего, дама Лианна, — отозвался он, удобней устраиваясь в кресле для прочтения бумаги. — Сегодня у нас историческое событие — последнее распоряжение даг Куианны.

Он сказал это шутливо, но оставался при том серьёзным. И я тоже согнала улыбку с лица. Последнее... Что ещё придумала старуха? Надеюсь, не слишком трудное. До сих пор её распоряжения касались лишь дома и домочадцев.

— Читать написанное юридическими терминами распоряжение, с вашего разрешения (он вопросительно посмотрел, и я кивнула), не буду. Смысл последнего повеления даг Куианны прост: вам, дама Лианна, в течение полугода надлежит найти внука даг Куианны, даг-ин Дрейвена Ши Ро, официально не объявленного умершим, и выйти за него замуж, чтобы ваш ребёнок стал вашим наследником и законным наследником рода «Драконьего гнезда». Если по истечении указанного срока этого не произойдёт, а Дрейвен Ши Ро всё ещё не будет объявлен умершим, вы останетесь наследницей «Драконьего гнезда», но ваш сын с вашей смертью не получит статуса вашего наследника и будет лишён всех привилегий уиверна.

Я почувствовала, как судорожно раздулись мои ноздри, когда попыталась сохранить спокойствие. Выслушать такое и остаться спокойной... Взглянув на каменное лицо адвоката, я вдруг уловила, что уголок его губ приподнялся — будто в насмешке. Чего это он? Куда смотрят его пронизательные глаза? И обнаружила, что машинально держусь за рукоять кинжала в набедренных ножнах. Главное, что мне нравилось в экипировке уивернов «Драконьего гнезда», — отношение к оружию: всегда при себе. И пусть кто-то скажет, что это мне понравилось, после того как со мной произошло несчастье!

Откуда старуха знала, что у меня будет ребёнок от её внука? Или... Я подозрительно посмотрела на бесстрастного адвоката. Может, даг Куианна не умерла?

Так, может, я чего-то не поняла? Надо бы осмыслить последнее повеление старой дамы-

сумасбродки.

Ещё бы... Мало того что вписала в завещание никому неизвестную человеческую самку, так теперь выясняется, что старуха собирается соединить... Стоп. Нет ли здесь, в этом распоряжении, какой-нибудь лазейки для меня? Можно ли обойти как-нибудь прямое указание на ненавистное замужество?

— Выйти замуж, — почти мёртвым голосом, поразившим меня саму, повторила я. — Там говорится что-нибудь о совместном проживании?

— На ваше усмотрение.

— Там говорится что-нибудь о том, что он должен будет жить со мной в одном доме?

— На ваше усмотрение.

— А... если он умер?

— Надо будет представить доказательство его смерти. Но. В этом случае ваш сын...

— Поняла, — непочтительно перебила я его. — Что произойдёт, если я выйду за него замуж, а он скоропостижно скончается?

Такой откровенный вопрос я могла произнести только при даг-ин Рэдманде.

— Главное в завещании — стать женой даг-ин Дрейвена Ши Ро.

Он смотрел на меня непроницаемо. Минуты спустя я кивнула, тоже успокоившись. Что бы ни случилось — адвокат на моей стороне: мой сын продолжает род «Драконьего гнезда». И если я не хочу, чтобы Брендон стал изгоем на родной планете... Если хочу, чтобы он занял принадлежащее ему по праву место в роду... Осталось выяснить один вопрос. Вслух вырвалось нечаянно, но вовремя:

— И с чего начинать поиски, если он пропал бесследно?

— Будучи семейным адвокатом «Драконьего гнезда», я стараюсь отслеживать месторасположение всех своих клиентов. Отдел моей службы слежения сообщил, что не далее, как позавчера, Дрейвен Ши Ро промелькнул на видеокамерах планеты Кера. На верхних уровнях. Видеокамеры нижних уровней — увы — недоступны космической Сети. Данные наблюдений вы получите в распечатке.

Проводив адвоката, я задумчиво постояла в вестибюле дома.

Так, надо бы разложить всё по полочкам.

Кера. Огромная планета-мегаполис. Живого места нет — сплошной город. Слоёный. Сверху — сливки, снизу — зловонная гниль. Место, привлекательное для преступников всех мастей, гуманоидных и негуманоидных. Особенно скрывающихся от правосудия. Любопытно, что там делает этот... гад?

Лучше всего мне думается после тренировок. Так что сначала — к сыну, потом с Адэром Кейдном — на полигон, где очень неплохо бегается, прыгается и стреляется. Да и рукопашной после сегодняшней тренировки — после нынешней, ошеломившей меня новости — неплохо бы заняться.

Кого обманываю? При одном упоминании Дрейвена Ши Ро изнутри поднимается дикая злоба, которую просто необходимо выпустить в экстремальной тренировке.

У дверей в апартаменты я постояла, склонив голову и пытаюсь справиться со злобно кривящимся ртом. Я сильнее. Он один — я с сыном. Он за себя. Я за двоих. Мне есть кого защищать. Только бы не дрогнула рука сразу убить ублюдка... Не дрогнет. Сначала его связать, потом заставить... А... Вот узнать бы: проверяют ли брачующихся на Уиверне на наркотики?

Да, я готова на всё — во имя жизни и безопасности моего Брендона.

Глубоко вздохнув, я подняла голову, и телохранители, стоящие по бокам входа в мои апартаменты, распахнули передо мной двери. Прошла до детской, постояла на пороге, наблюдая, как Брендон играет с двумя сверстниками — из семейств, состоящих в давних приятельских, если можно так выразиться, отношениях с «Драконьим гнездом». И не просто приятельских, но даже сегодня не гнушающихся подобием дружбы своих детей с внебрачным сыном странной наследницы даг Куианны.

Шаг назад. Не буду мешать. Надо уйти, пока меня не заметили няни.

И не могла. Сердце наполнилось теплом, когда сидящий на ковре черноволосый мальчик с серыми глазами звонко рассмеялся, а двое его друзей засмеялись — не над тем, над чем смеялся мой сын, а просто вторя его заразительному смеху. Засмеялись даже няни... Мой мальчик. Слишком хорош, чтобы отдавать его в лапы этому... чудовищу...

Надо побыстрее решать проблему.

Я вышла, не привлекая внимания к себе.

— Дама Лианна, — слегка поклонилась Брилл. — Вас ожидает Монти Альпин. Он и гостиней.

— Передай Кейдну, чтобы ждал меня на полигоне. Монти... Цель визита?

— В девять вечера у вас светский раут, — напомнила Брилл. — Монти Альпин предложил вам своё сопровождение.

Можно было предполагать...

Монти Альпин — единственный из родственников «Драконьего гнезда», который отсутствовал во время захвата наследницей законной власти. Он появился в «Драконьем гнезде» несколько месяцев назад — с визитом вежливости, весьма корректный и учтивый тридцатилетний (по земным меркам) красавец. Поколебавшись, я позволила впустить его. Он пробыл не более получаса, за которые успел выпить чашечку кофе и удивить меня

довольно содержательной беседой и светскими сплетнями. Монти первый из уивернов вёл себя так, словно разговаривал с равной ему по положению — с уивернкой.

После его ухода — Монти поднялся сам и сам же первым раскланялся — я некоторое время размышляла о нём и, слегка озадаченная, решила, что он мне нравится.

Тем не менее, я велела Адэру Кейдну собрать на Монти Альпина досье. Ничего особенного: работает в МИДе Уиверна младшим дипломатом, часто бывает в отлучках по делам министерства. В момент переворота в «Драконьем гнезде», по документам МИДа, на планете отсутствовал. Судя по характеристикам и сплетням, довольно спокойная личность и весьма уравновешенная, плюс ко всему очень светская. Последнее мне оказалось на руку.

Светские приёмы оказались большой проблемой.

От меня буквально требовали присутствовать на них. Или хотя бы на самых крупных. Нельзя было отказываться хоть от одного из приглашений, стопкой уложенных Брилл на столе в моём кабинете. Несмотря на шаткое личное положение, юридически я всё-таки глава одного из старейших домов Уиверна. Так что... Правила общества. И особенно настаивал даг-ин Рэдманд.

Но. Идти не с кем. Жаль тратить время на пустое стояние на одном месте и жаль мучить мышцы лица, напряжённые в маске приветливости, от которой меня чуть не сводило судорогой и к концу любого светского мероприятия тошнило. Вести себя не умею — ещё одна проблема. И последняя, но — увы — одна из важнейших составляющих светской жизни, мне совершенно не нужная: как одеться и что делать с волосами?!

Хочу быть в комбинезоне — законы света не позволяют. Платье! Брилл решила проблему одежды легко: платья (жуть: на каждый выход новое!) шили мне почти однотипные — полностью скрывающие меня, длинные, с высоким воротником. И близко к комбинезону, и ощутимо ещё более футлярные.

Мои жёсткие тёмные волосы оказались настоящей бедой. Попытавшись смягчить мне лицо, парикмахер придумал шикарные крупные локоны, превратившие меня в какую-то задрипанную тётку. Услышав моё ворчание при взгляде на отражение, он предложил мне самой выбрать соответствующую причёску. Не заплетённые в косу, волосы нагло торчали во все стороны. Я пробовала и так и сяк... Опять пришла на помощь Брилл. Секретарше предложила гламур: расчесать волосы, оставить так и полить их лаком, чтобы не топорщились. Всё, на этом успокоились.

Отсутствие спутника и неумение себя вести неожиданно оказались взаимосвязаны.

Это выяснилось, когда даг-ин Рэдманд твёрдо сказал: «Надо!» И я на первый приём явилась влекомая его властной рукой. Стоять рядом с ним — это такое спокойствие!

После второго приёма я узнала у него же, что имею право являться с секретарём, как с компаньонкой. Тем более что родословная Брилл восходила к разорившемуся, но довольно известному клану уивернов... Уже легче, но Брилл была слишком скованна, изображая ревностную служащую. А я поддалась её настроению — и, в конце концов, мы оказались в окружении светски холодного молчания. Нас непроизвольно бойкотировали, хотя, будучи с даг-ин Рэдмандом, такого отношения к себе я не замечала.

Монти подошёл к нам на следующем приёме после провального. Пользуясь правом недавнего гостя, он повёл с нами обеими интереснейшую беседу обо всём на свете. Далее — Брилл сбежала. Очень по-английски. Едва Монти позволил себе подключить меня к разговору небольшой и чувствительно сплочённой компании. Произошло это так: всё ещё болтая о присутствующих, Монти взял меня под локоток и взглянул на Брилл, слегка

приподняв бровь; та мгновенно кивнула и испарилась. После чего мне только и оставалось примкнуть к тёплой компании сверстников и друзей Монти: приятно улыбаться в ответ на комплименты и время от времени говорить «да» или «нет» в зависимости от темы беседы.

Монти вёл себя безукоризненно: не забывал о даме, предоставляя мне возможность вставить своё словечко. Словом, как спутник, был на высоте.

С тех пор Монти Альпин стал моим постоянным сопровождающим.

Мы неплохо смотрелись вместе. Я темноволосая и невысокая — ему до плеча. Он — тщательно расчёсанные белые волосы — до лопаток, явно стараниями парикмахеров уложенные так, чтобы не спускаться вперёд; тонкое лицо с лёгкой (в отличие от моей) улыбкой на идеальных губах; нос аристократически длинноватый; голубые глаза всегда полуприкрыты, отчего он выглядит уставшим светским гулякой.

Даг-ин Рэдманд одобрил наш деловой союз. Я начала более уверенно принимать приглашения Монти на все мероприятия света. И однажды адвокат признался, что очень боялся за меня: на первых приёмах выглядела простушкой. Теперь же произвожу впечатление настоящей даг — представительницы «Драконьего гнезда».

Но продолжал обращаться ко мне «дама».

Я погладила рукоять кинжала. А если выйду замуж, буду ли «даг»? Впрочем, всё равно, сменятся ли по отношению ко мне условности уивернского этикета.

— Вы сегодня рано, даг-ин Монти! — поприветствовала я своего гостя.

— Не хотел созваниваться, — поднялся навстречу мне из кресла, улыбаясь, уиверн. — Надо бы договориться с визитами на эту неделю. Я знаю, у вас жёсткое расписание, а у меня намечен отпуск. Так что теперь не будем ловить друг друга уже на приёме, а можем спокойно согласовать наши встречи в спокойной же обстановке.

— К сожалению... — начала я.

Но Монти перебил меня — правда, очень изящным жестом: он легко взял меня за руку и поцеловал мне кисть.

— Лианна, — впервые обратился он ко мне без приставки «дама», — мы знаем друг друга достаточно долго и близко, чтобы перейти на «ты» и обращение по именам. Если ты не возражаешь, то почему бы это не сделать сейчас?

Наверное, с минуту я смотрела в его спокойные голубые глаза, прежде чем вспомнила: он продолжает держать мою руку.

— Ну что ж, — пожалала я плечами и мягко подвигала кистью, вынимая из его расслабленной ладони. — Пожалуй, не возражаю. Присядем... Монти?

Он улыбнулся и сел в своё кресло.

— К сожалению, мои визиты придётся прекратить. Уезжаю — и, наверное, надолго.

— Если не секрет — куда? — заинтересовался Монти.

Некоторое время я молчала, прикидывая: в сущности, он мой родич по «Драконьему гнезду». Разве что очень дальний. Почему он вдруг начал проявлять такой интерес ко мне? Если напрямую: наверняка хочет в будущем стать моим мужем — и владельцем «Гнезда». Похвальное намерение. Очень даже. Даже с моей точки зрения. Ведь такое покушение на наследство старой дамы очень даже цивилизованно. И я при деле, и никаких скандалов... Интересно, как он заговорит, если узнает?.. Стукнуть его новостью — и посмотреть, как среагирует?

— Во всём виновато завещание даг Куианны, — медленно, словно задумчиво заговорила я. — Точнее, его последний пункт: я должна найти её внука и выйти за него

замуж, чтобы полностью вступить в права наследства и стать истинной уиверн.

Мне казалось, он разочарованно вздохнёт — такой облом!

— То есть ты собираешься лететь на поиски даг-ин Дрейвена? — тоже задумчиво заключил Монти. — Буду ли я в тягость, если составлю компанию в этом деле? Я говорю на многих межгалактических языках и надеюсь быть полезным тебе в этом деле.

Ему удалось удивить меня. Значит, его дружба со мной — это не охота за родовым богатством и за титулом, который даёт полноправное владение «Драконьим гнездом»?

— Пока не знаю, — призналась я. — Узнала только что, так что даже не представляю, каким образом всё будет. Но ответ ты получишь уже завтра утром.

— Прекрасно. Тогда не буду задерживать тебя своим присутствием. Но помни: если ты скажешь, что в твоей команде будет место для меня, я готов помочь.

Он поднялся, обворожительно улыбаясь, и раскланялся. Оставив меня в задумчивости: может, я чего-то не понимаю? Может, под маской аристократа до кончиков ногтей скрывается самый настоящий авантюрист?

Ладно, сейчас не до него.

Я поднялась с кресла в гостиной и пошла к себе — переодеться к тренировке на полигоне. Телохранители, которых мы с Монти не замечали во время беседы, — за мной.

... На полигон (огромный зал с тренажёрами, близкими к полевым условиям — никаких матов для дерущихся, под ногами только камни, песок, какие-то куски древесины) я опоздала, чем Адэр Кейдн был недоволен. Остальные — смена отдыхающих телохранителей и домашних охранников — уже тренировались. Причём так азартно, что я мгновенно загорелась их движением, сильным и красивым — для зрителя. И на недовольство Адэра не обратила внимания. За что мне тут же досталось. Едва я закончила разминку с личным тренером, начальник службы безопасности встал передо мной, медленно вынимая мечи — с затупленным лезвием клинка. Я прихватила свои, тренировочные, с ближнего стола, на котором раньше играли в настольный теннис и который теперь использовали не очень по назначению: если нужно — могли и вскочить на него, чтобы сбежать от противника, например, или обрушить на него удар с более выгодной позиции — сверху.

Адэр, в отличие от других уивернов, не любит длинных волос. Не любит лишнего — как однажды прорвалось у него. Короткие чёрные волосы «ёжиком», небольшие зеленовато-серые глаза под тёмными, сдвинутыми от постоянного напряжения бровями, короткий толстый нос и упрямый небольшой рот, само лицо чуть квадратное, худощавое, скуластое — внешность настоящего бойца, по моим представлениям. Жёсткий и немногословный, Кейдн до работы начальником службы безопасности в доме «Драконье гнездо» побывал на многих планетах Содружества и, очевидно, не всегда слишком мирно покидал их: шрам — от нижней челюсти, ближе к уху, до виска — пропадал в волосах, корявый и хорошо заметный.

Присутствующие нам не мешали, когда мы сошлись в учебном бою.

Адэр буквально накинулся на меня с мечами, и первую минуту я постыдно бегала от него. Моя задача в тренировочных боях — продержаться минуты три. Что я и пыталась сделать. Это очень сложно — бегать, уворачиваясь от длинных и тяжёлых (по его руке, естественно) мечей начальника службы безопасности, а иной раз пытаюсь сделать блок, чтобы выиграть время и сбежать. Увы. Это всё, что у меня получалось, — бегать от противника. Мечи — не моё. Но приходится. Хотя бы ритуальные движения знают все уивернки...

Запыхавшаяся и взмокшая от постоянного ожидания, что вот-вот сделаю что-то не так, я

еле увернулась от левого меча Адэра и поднырнула под второй. Рост позволял. И в душе благодарила своего начальника охраны, что тот серьёзно отнёсся к моей просьбе вооружить меня навыками хотя бы основных приёмов рукопашного боя. Потому что тренированное тело — это здорово!! Я крутанулась на месте, уходя от его падающих на меня мечей, и рыбкой кинулась под стол, с которого взяла оружие! Первыми туда влетели мечи, потом я схватилась за край стола — и ногами вперёд! И уже мигом поднялась за столом, тяжело дыша и радостно ухмыляясь: ага, а мои три минуты прошли!

— Дама Лианна! — возмущённо укорил беглянку Адэр.

Остальные хохотали и аплодировали. Я — тоже смеялась, хоть и трудно было — дышалка частила — ого!.. Ага, попробуй-ка тоже под этот стол! Это тебе не мечами махать! Тут надо такой мелкой быть, как я! Куда уж тебе — здоровяку! Ну и что, что победил!

Но реванш я возьму. И Адэр это отлично понимал, когда отложил мечи вслед за мной. Ножи. Мы уже опробовали многое: и керамбиты, и крисы, и кортики, даже мачете. Остановились — он на армейском боевом ноже, я — на полубившемся кинжале.

В моих школьных характеристиках нет одной существенной мелочи, которую воспитатели приюта, где я росла, постарались не вписывать. Моим работодателям эту мелочь необязательно знать. Ведь приют — это не славные, добродушные детки. Это детки в клетке. И хочешь выжить — встречай новый день, как будто идёшь на войну. В приюте меня не только научили держать в руках нож, но и прятать его и другие острые предметы в самых необычных местах. Насчёт драться на ножах... Что сказать... С гопниками такой номер, какой устроила мне даг Куианна, не прошёл бы. С ними я была бы настороже.

Охранники и телохранители, сохраняя приличное расстояние между нами и собой, скучковались ближе. Площадка метров пять на пять. Не идеально круглая, но этого нам и не надо. Ссутулившись, мы кружились, некоторое время примериваясь друг к другу. Адэр, профи, знал армейские приёмы, я знала — уличные и приютской шпаны. Нападать не собиралась — достаточно защиты. Если в тренировках на мечах начальник охраны щадяще работал со мной, то в бою с ножами такой необходимости не видел. Здесь он меня опасался — с первой нашей тренировки, как я пропорола ему рукав форменной куртки, а вместе с ним и кожу от локтя до кисти.

Выпад — отшатнулась. Новый — встретила его руку на блок перекрещенных кистей, одновременно качнула кистью с зажатым в пальцах ножом. Теперь отшатнулся Адэр. Царапина. Скривился — недоволен собой.

Попытался достать меня в полуразвороте... Уиверн стремителен. Но человек гибче. А я человек — с кровью уиверна. Отбила его кисть ногой. Застыла на мгновение и сама бросилась в атаку. Не ожидала от себя, но, кажется, последнее распоряжение в завещании даг Куианны вывело меня из состояния покоя, которым я так гордилась последние дни.

Будто упал на меня — ударил ногой по колену. Отпрянула — почти одновременно с его движением. Удар мимо. С разницей в секунду впрыгнул в моё пространство — с опорой на полусогнутое колено, вбросил вперёд руку с ножом, пытаюсь достать снизу вверх. Кувырком откатилась назад, вскочила. Несколько плавных, но быстрых движений, словно исследующих пространство впереди — сама попыталась атаковать. Отбил все атаки, но слишком увлёкся слежением за гипнотизирующим его ножом. Носком ботинка врезала сбоку по колену — чувствительно, судя по тому, как он зашипел сквозь зубы. Болевая точка там хорошая, с сильным отзывом даже на давление пальцем, а что уж говорить об ударе...

Но моего удара он не пропустил, отбил так мощно, что чуть не вышиб кинжал из

ладони. Пальцы мои чувствительно ослабели от той силы, что пришлось по ним. Но азарт в обнимку с беспокойством всё ещё пел во мне. Неожиданно для себя резкими движениями я, фехтуя кинжалом — угрожая и одновременно защищаясь, приблизилась к Адэру и, подпрыгивая вокруг да около, затеяла с ним изматывающую линию «нападение — оборона», пока ему это не надоело.

Лицо у него, как я говорила, жёсткое, эмоций не рассмотришь. Но звериным чутьём почуяла момент, когда он устал от бессмысленного, на его взгляд, поединка. И эта усталость... Я прыгнула под атакующий удар, под его руку, как в объятия. Лезвие моего кинжала прильнуло к его горлу, в то время как я развернулась, прижавшись спиной к его телу, и другой рукой, ребром ладони ударила снизу вверх по его кисти с ножом. Адэр застыл. Нож упал и, сухо и металлически прищёлкнув, пару раз подпрыгнул на полу.

Я выждала секунды, пока Адэр воспримет поражение, и выскользнула из его рук.

Никто не хлопал, не кричал, не смеялся.

Все в очередной раз решили, что Адэр Кейдн специально подставился хозяйке. Это неинтересно — в сравнении с потешным боем на мечах. Так что после зрелищного поединка, закончившегося «поражением» начальника службы безопасности, все деловито начали собираться по своим местам, а кто и домой.

Так что я могла поговорить с Адэром вполголоса. Никто на нас внимания не обращал. Первым делом я спросила:

— Я тебя сильно задела?

Он немедленно поднял голову — на «ты».

— Пока я не полноправная хозяйка, ты тоже можешь обращаться ко мне на «ты».

— Спасибо, Лианна.

— Не за что. Так сильно я тебя?

— Нет, уже засохло.

— Адэр, мне нужно поговорить с тобой. Без свидетелей, которые могли бы нас подслушать. В доме есть такое место?

— Я провожу... тебя.

Как ни странно, таким местом оказалась небольшая рекреация на шестом этаже. Здесь, среди домашней зелени — кустов и карликовых деревцев, мы сели в кресла, и Адэр вопросительно кивнул.

— Расскажи мне всё, что ты знаешь о Дрейвене Ши Ро. Он же здесь жил долгое время. Что он за уиверн? Чем занимался до того, как пропал?

— Это странное любопытство, — сказал начальник охраны, вдумчиво глядя мне в глаза.

— Это не любопытство. Это воля даг Куианны. — Я коротко пересказала ему часть завещания. — Итак, что ты скажешь?

— Завещание — сильный довод, — признал Адэр. — Хорошо, я расскажу, что знаю.

Он опустил глаза, собираясь с мыслями.

— Начну с того, что сейчас стало известно многим, но с чем тебя не сочли нужным ознакомить. Поскольку это уже не является секретом, думаю, будет неплохо, если узнаешь и ты. Даг-ин Дрейвен работал на правительство. В одном, не слишком афишируемом и не самом жалуемом многими ведомстве. Проще говоря, он был охотником за головами — занимался поиском сбежавших преступников. Причём одним из немногих, у кого были особые полномочия — на жизнь и на смерть беглецов. Ведомство сотрудничает с другими подобными службами Содружества, так что неудивительно, что он пропал годами, а на родную планету возвращался лишь отдохнуть перед следующей поездкой. Перед следующей охотой. Но... Несмотря на особые полномочия, он не позволял себе слишком... скажем так, злоупотреблять ими... Когда я впервые узнал, что он сделал с тобой, я, откровенно говоря, не поверил, пока не увидел твоё тело. Я зашёл лишь однажды, в тот самый день, в ту каморку, куда тебя отнёс старик Грир. Чтобы убедиться собственными глазами. Даг-ин Дрейвен никогда себе не позволял такого в отношении женщин. Учти — я не оправдываю его. Просто я знаю другого даг-ин Дрейвена — любимца уивернских женщин, весьма учтивого джентльмена. Поэтому я просто не знаю, как объяснить, почему он так себя... повёл. Реакция на завещание вряд ли может обосновать его животную ярость. Он очень выдержанный. Несмотря на безнаказанность, которой он законно обладал, довольно опасная работа приучила его к терпению и выдержке. Мы с ребятами долго гадали, почему так произошло, но...

Адэр замолчал, снова опустив глаза.

— Есть ли возможность... — я запнулась. — Есть ли возможность, что близкородственные браки в Драконьем гнезде могли привести к его безумию?

— Завещание для срыва в одночасье — слишком мелкая причина, — покачал головой Адэр. — Он бывал в ситуациях и понапряжённей.

— Откуда ты это знаешь?

— Он подолгу жил здесь, отдыхая. Но тренировок не бросал — чтобы быть в форме. В перерывах делился кое-чем, не самым секретным. Но без подробностей, вскользь. Но даже по этим недомолвкам было понятно, что жизнь у него совсем не сладкая. Правда, вырвалось у него однажды, что такой стресс приемлем для него, потому что есть моменты, когда он может разрядиться по полной. То есть он постоянно ходил по грани, ведущей к безумию, но сказать точно, что именно завещание его заставило слететь с катушек, я не могу. По такой грани ходят многие существа, но редко кто сходит с ума.

Ссутулившись и упёршись локтями в колени, я раздумывала над рассказанным и о рассказчике. Из слов Адэра трудно понять, симпатизирует ли он Дрейвену. А ведь мне нужно в ближайшем будущем заручиться поддержкой своего начальника службы безопасности. Но вскоре раздумья перебила логичная мысль, отчего я даже удивилась, почему не додумалась до неё раньше.

— То есть я спокойно могу выяснить его местонахождение, обратившись к правительству? Ну, в определённые структуры?

— Мне очень жаль, Лианна, — после секундного молчания сказал Адэр. — Но после происшествия с тобой даг-ин Дрейвен объявлен на Уиверне вне закона. Есть несколько

причин. Лианна, в тот момент, когда он напал на тебя, ты уже имела уивернскую кровь, чему поспособствовала даг Куианна. Так что, по нашим законам ты формально стала уивернкой. Его нападение — тягчайшее преступление. Далее. По законному завещанию, которого никто не оспаривал, ты уже являешься главой древнейшего рода Уиверна. Это ещё более утяжеляет его вину. И последнее условие: правительство Уиверна знает о положении с состоянием психики членов древних родов, поэтому такой уиверн для полиции представляет опасность со всех сторон. Вкупе все эти условия и делают его точно такой же мишенью для охотников за головами, как те, за кем он охотился ранее. То есть официальные представители нашей полиции, обнаружив его, будут стрелять без предупреждения. Если он хоть на время пришёл в себя, то должен это сознавать. И значит, от его ведомства нечего ожидать помощи. Они сами усиленно ищут его.

— И сейчас он прячется, — утвердительно сказала я.

— Прячется. Только есть одна фишка... Одно дело, если он прячется только от правительственных охотников за головами — своих бывших коллег. Другое дело — сейчас, когда он объявлен вне закона, за ним начинают охоту те, кому он насолил. Те, кого он ловил раньше и кто сейчас вышел на волю или снова сбежал. То есть преступники всех мастей, с кем он только ранее сталкивался, ищут его по всем планетам Содружества.

— Он сам выбрал себе профессию, — надменно сказала я. Жалеть это чудовище не собиралась. — Подожди, — пробормотала я, усиленно размышляя. — Значит, если я даже его найду, то не смогу привезти его на Уиверн? А как же мне тогда выполнить последний пункт завещания даг Куианны? Выйти за него замуж на любой планете?

— Да. Такое пройдёт. Можно будет зарегистрировать брак на любой планете, а потом уже — по обстоятельствам... Но, скорее всего, он либо уже мёртв, либо, если его безумие находит приступами, он затаился где-нибудь на отдалённой планете.

— Кера, — сказала я. — Мне дали такую наводку. Адэр, слегка посторонний вопрос: знакомы ли между собой Дрейвен и Монти Альпин?

— Приятели. Не друзья, но приятели — причём, в каком-то смысле соперники. В шутку. Как только появлялись вместе на каких-нибудь светских вечеринках, наперебой, хоть и шутливо отбивали друг у дружки приглянувшуюся даму.

— Он хочет лететь на Керу вместе со мной.

— Кера... — пробормотал Адэр. Кажется, его больше заинтересовала именно планета, чем сообщение, что Монти Альпин хочет лететь на поиски Дрейвена. — По последним данным, эта планета здорово нуждается в зачистке.

— В каком смысле?

— Содружество раздражено, что планета полностью превращается в преступную клоаку. Но, кроме всего прочего, есть ещё кое-что, что торопит Содружество принять меры по чистке планеты. На нижних ярусах Керы энергетические системы, опутавшие планету, внаглую выбрасывают отходы прямо в атмосферу. Уже есть случаи мутации гуманоидов. Но хуже физической мутации — мутация разума. То есть нижние ярусы уже населяют в большинстве своём не бандиты, прячущиеся от полиции, а... Даже не знаю, как выразить мысль. Наверное, так: человеческие и другие гуманоидные крысы, промышленяющие остатками того, что попадает на эти ярусы. Только они могут выжить в зловонной и отравленной атмосфере нижних частей планеты. Эти крысы, по слухам, уже осмелели и начали появляться на поверхности более верхних ярусов. Боюсь, даг-ин Дрейвен, с его-то опытом убийцы (будем называть вещи своими именами), очень даже хорошо вписался в этот

мир. Лианна, вы хотите послать на Керу команду, которая найдёт даг-ин Дрейвена? И что значит — «Монти хочет лететь вместе со мной»? Что значит — «со мной»?

— Это значит, что команда начинается с меня. И ты мне так и не ответил на вопрос: почему Монти собирается лететь на поиски Дрейвена? Почему он так заинтересовался этими поисками?

— Для него это... — Адэр снова затруднился со способом выражения. — Это, как у людей говорят, сафари. Открытая охота на зверя. А даг-ин Монти на заповедных планетах хорошо известен как неплохой охотник на крупного зверя.

— Но мы не собираемся охотиться на зверя...

— Лианна, ты уводишь в сторону. Ты и правда собираешься лететь на Керу?

— Да. Собираюсь. А ты мне подберёшь команду.

— Не пушу.

— Что-о?

— Женщине делать нечего на Кере.

— На этот раз ты ошибаешься. Конкретной женщине там есть чем заняться.

Адэр откинулся на спинку кресла, немигающе и непроницаемо глядя на меня. Небольшие серо-зелёные глаза сощурились. Он, кажется, что-то прикидывал и в этих прикидках, кажется же, пытался найти место для меня.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Поскольку ты не совсем понимаешь, как всё это устроивается, сделаем так: команда начинается с меня. Ты будешь рядом.

— Ты — нет, — категорически сказала я. — Найдёшь доверенного человека — и он будет во главе команды. Ты мне нужен здесь. Я не представляю, кому ещё могу доверить жизнь моего сына, кроме тебя.

— Даг-ин Брендона никто не тронет, пока хозяйка Драконьего гнезда в отъезде, — возразил Адэр. — С ним останутся Грир и Брилл, а главное — с ним останутся не только уиверны, но и люди. Кому, как не тебе знать, что уж люди горой встанут, если твоему сыну понадобится защита? А вот я представить не могу, чтобы ты полетела без меня. Я всё равно не выдержу и вылечу следом, чтобы проконтролировать ситуацию. Ты моя подопечная — и я не могу оставить этого дела без своего пригляда. Тем более, если это дело касается даг-ин Дрейвена.

Несмотря на его горячую речь, я поспорила с ним ещё немного, но Адэр оказался убедителен, и я нехотя, но уступила. Выждав после спора пару минут, начальник службы безопасности уже спокойно сказал:

— Итак, на мне команда. Думаю, семи человек, включая даг-ин Монти Альпина и твоих двух телохранителей, будет достаточно. Пилоты яхты не в счёт. Они не будут принимать активного участия в поисках. На их долю приходится только наша транспортировка.

— Пилоты? Яхта?

— А на чём ты собиралась лететь на Керу? У семьи Драконье гнездо есть свои транспортные средства. Да, экипировка — только по моему досмотру. Лишнего не брать. Думаю, надо будет ориентироваться на месяц поисков.

Он ещё что-то задумчиво прикидывал вслух, глядя отрешёнными глазами в пространство. Я сразу поняла, что он с головой «ушёл» в подготовку... Честно говоря, я обрадовалась его решению взять командование операцией на себя. Кто, в сущности, я такая, чтобы командовать уивернами? Хотя, вслушавшись в его бормотание вполголоса, я поняла, что с нами полетят и люди — наёмники, из охраны. Как хорошо, что кто-то может взять на

себя ответственность за подготовку к вылету с Уиверн!..

— И ещё... — всё так же монотонно, словно продолжая свои размышления, сказал Адэр. — Лианна, при посторонних мы на «вы». Ты моя хозяйка.

— Я понимаю, — сказала я. Я действительно понимала. На такой планете, как Уиверн, где сословные предрассудки чудовищно сильны, надо быть осторожным даже в дружбе.

— Лианна... Я рад, что ты оставила меня при доме. Нет, немного не так. Я рад, что ты позвала меня первым, когда очнулась от своей... своего состояния.

Несмотря на немногословность, несмотря на некоторую косноязычность, Адэр высказался так, что я улыбнулась — еле заметно, чтобы не обидеть.

— Итак. Когда назначен вылет с планеты? И как я объясню своё отсутствие?

— Завтра вечером. Объяснение — чем проще, тем лучше. У вас есть дальние родичи. Их необходимо навестить. Лучший аргумент, тем более если предупредить даг-ин Рэдманда. Будучи хитроумным стариком, адвокат будет только рад, если придётся что-то скрывать. Он любит, когда о чём-то знает только он. И он же объявит всем заинтересованным о твоём отъезде.

— Хорошо. Так и сделаем. Надо бы предупредить Монти, чтобы не болтал. Хотя, мне кажется, это не в его интересах. У меня последние два вопроса, Адэр.

— Слушаю.

— Дрейвен дрался с тобой? В спарринге? Как он дерётся?

— Да. Тренировок, как я уже говорил, он на отдыхе не пропускал. Дерётся? Мощно. Даже в тренировочном бою он ведёт себя так, словно... дракон играет со своими жертвами. Как боец, среди тех, кого я знаю, даг-ин Дрейвен вне конкуренции. Но, сбив противника с ног, он всегда подаст руку — поднять его с пола.

Я поморщилась. Этой подробности Адэр мог бы и не сообщать.

— У Дрейвена есть в Драконьем гнезде свои апартаменты? Или он останавливался в гостевых комнатах?

— Он был прямым наследником, — пожал плечами начальник службы безопасности. — Апартаменты у него, естественно, были личными. Он предпочитал последний этаж. Хотите взглянуть на его комнаты? Провожу.

За три года я не успела изучить всё здание — только основные пять жилых этажей, поэтому несколько не удивилась, что в родовом гнезде оказались комнаты, мне неизвестные. Адэр провёл меня к лифту, мы поднялись на последний этаж. Коридорами, которые больше были похожи на закоулки какого-нибудь запутанного городского района, мы дошли до апартаментов Дрейвена.

Зачем мне понадобилось увидеть его комнаты? Наверное, чтобы понять то чудовище, с которым мне, по завещанию, надлежало встретиться. И не просто встретиться... Но всё это в будущем. Сейчас мне впервые захотелось понять существо, так жестоко обошедшееся со мной. Из слов Адэра я пока увидела беспринципного типа, который с удовольствием пользуется силой и властью. И который сейчас получил сполна за все свои прегрешения — его обложили, как загнанного волка. И я — втайне от Адэра — злорадствовала, представляя, как он сейчас забился в какую-нибудь дыру и дрожит там. Как я недавно. Дрожит — боясь всего: представителей властных структур, которые вот-вот вломятся в его логово; преступников, которые лихорадочно разыскивают его, — аж слюнки у них капаят, когда они думают о своей будущей жертве и о том, что они с ним сделают — за то, что однажды этот жалкий сейчас уиверн заставил их испытать... А ещё боясь и своего безумия. И — да:

для него это, наверное, самое страшное — думать о том, что он в любой момент может сойти с ума. Навсегда. У меня сердце колотилось от возбуждения, когда я старалась представить себе его жалкие глаза в момент, когда он думает о наследственном безумии...

А ещё... Ещё мелькала соблазнительная мысль о том, чтобы наплевать на всякие условия и завещания. Убить Дрейвена при случае исподтишка, сделав вид, что он угрожал моей жизни. Но не посвящать никого в этот план, потому что он имеет продолжение. Убив ненавистное чудовище, надо будет вернуться в Драконье гнездо, некоторое время помелькать у всех на глазах якобы безутешной. А потом прихватить Брендона и сбежать с Уиверна. Поселиться на какой-нибудь тихой сельскохозяйственной планете, где нас никто и никогда не найдёт... Возможно ли такое?

Мы шли тёмными коридорами, которые светлели с нашим приближением и снова погружались во тьму, подчиняясь установленным везде сенсорам. И глядя в эту тьму впереди, я почему-то всё больше и больше укреплялась в мысли, что выходить за этого ублюдка не стоит. Зачем мне потом проблемы? Сначала добиться от него согласия на брак — и это притом, что он будет знать, что на Уиверне объявлен вне закона. Потом освидетельствовать на предмет сумасшествия. Любопытно, лояльны ли законы Уиверна к сумасшедшим? А вдруг всё-таки придётся вернуться с ним на планету и содержать безумца в одной из комнат Драконьего гнезда? И потом... Я ещё не узнавала у даг-ин Рэдманда, можно ли на Уиверне потом развестись с мужем-безумцем.

— Здесь, — сказал Адэр и вынул универсальный сенсорный ключ.

Я остановилась чуть сбоку перед дверью. Воображение работало уже по инерции: вот сейчас начальник службы безопасности откроет дверь, а из тьмы комнат как вылетит на нас полностью сошедший с ума зверь, неведомо как пробравшийся в дом!

— Что? — спросил Адэр, глядя на мой кулак, судорожно сжавшийся вокруг рукояти кинжала. И мягко добавил: — Расслабься, Лианна. Его здесь нет.

Несмотря на напряжение, его слова не заставили меня обозлиться. Напротив, я разом успокоилась. Он рядом — значит, всё будет хорошо.

Не желая ограничиваться сенсорным освещением, Адэр включил полный свет.

Пустота комнат в апартаментах мгновенно привела меня в себя. И я начала уже спокойно, хоть и настороже ходить по ним, приглядываясь к обстановке и пытаюсь понять, что за человек может здесь жить. То, что здесь хозяин — мужчина, заметно сразу — по отсутствию мелких вещиц, которыми женщина немедленно украшает своё место обитания. И предметы интерьера были подобраны небрежно. Судя по всему, Дрейвен довольствовался лишь самым необходимым. Только ли потому, что являлся сюда редко и ненадолго? Не знаю.

— Снимков даг-ин Дрейвена очень мало, — сказал Адэр, оборачиваясь ко мне от высокой тумбочки. — Но, если хотите, можете взглянуть на вирт-кадр, который он называл забавным, отчего и оставил его в комнатах.

Он включил вирт-кадр. Я подошла к тумбочке, чтобы увидеть буквально две-три секунды вирт-кадра, постоянно повторяющиеся: высокий уиверн, мгновенно приближённый камерой, недовольно оглядывается на делающего снимок, а потом, словно узнав постороннего, кивает ему, ухмыляясь. Застыв, я смотрела в пронзительно-серые глаза — полное отражение глаз Брендона. Но эти высокомерно взглядывали на меня снова и снова. Врезались в мои глаза острыми лезвиями... убивали...

... Очнувшись от мгновенного ухода во тьму, я обнаружила, что стою — точнее повисла,

буквально влипнув спиной в Адэра, который крепко прижимает меня одной рукой к себе, втиснув свой локоть в мой живот, чтобы я не двигалась, а другой рукой — держит меня за кисть с ножом и повторяет вполголоса и быстро:

— Тихо-тихо-тихо!..

Кажется, он почувствовал момент, когда я обмякла, потому что замолчал, словно прислушиваясь ко мне: точно ли замерла?

Тёмное пространство передо мной постепенно светлело. Оказывается, он оттащил меня от тумбочки с вирт-кадром и даже заставил отвернуться от него. Я тяжело дышала, но глаза были сухие — от ненависти, которая продолжала сжигать меня даже сейчас, когда я пришла в себя... Вздохнув как можно глубже, чтобы успокоить дыхание, я сказала:

— Отпусти. Всё.

Он ещё немного постоял, будто продолжая прислушиваться ко мне, — и отпустил.

— Извини. Я не ожидал такого.

— Я кричала?

— Да.

Он возвышался надо мной, широкоплечий и такой спокойный в своей уверенности, что сможет переломить любую ситуацию, что я боялась отойти от него, в странной убеждённости, что стоит лишь шагнуть в сторону от него — и я снова не смогу контролировать себя... Так что, выпрямившись, я выждала немного и медленно, точно боясь, как бы из-за спины кто-то (конкретный кто-то!) не выскочил, медленно вложила нож в набедренные ножны. Эхом движению мелькнуло слабая насмешка: навыки приютской жизни дают о себе знать даже сейчас, столько лет спустя.

Адэр не двигался. А я всё ещё не решалась отойти от него, чувствуя спиной тепло его тела... Но дверь из апартаментов этого зверя виднелась из-за штор на дверном проёме, и я сделала первый ломкий шаг к ним — не оборачиваясь.

Возможно, будь здесь, рядом, мой психолог, он бы наоборот посоветовал приблизиться к вирт-кадру и попытаться переломить свой страх перед этим чудовищем... А не пошёл бы он... Ему хорошо говорить — лишь в воображении представляя, как происходило всё то, что я испытала на собственной шкуре.

— Мы идём? — всё так же, не оборачиваясь, спросила я.

— Идём, Лианна, — мягко ответил за спиной Адэр.

Последняя мысль — в этих комнатах: как хорошо, что между тумбочкой с вирт-кадром и мной стоит начальник службы безопасности. Перешагнула порог с огромным облегчением. И снова: как хорошо, что меня в таком состоянии видел только Адэр. Промолчит. И поймёт меня. Не изменит своего отношения. Не будет презирать.

Повернула чуть голову, чтобы расслышал:

— Адэр, ты закроешь сам. Я — к Брендону.

— Иди.

Скрывшись от него за первым же поворотом, я помчалась. Какое там — иди. Я сбегала подальше от места, от которого за мной по пятам кинулся невидимый, но ядовитый смерч!.. Я даже не стала заходить в домашний лифт, бросилась к лестницам — слетела с них. Счастье, что по дороге никого не встретила. Наверное. Возможно, кто-то и видел хозяйку Драконьего гнезда бегущей так, словно за нею гонятся все дьяволы ада, но мне уже было наплевать. Почти. Во всяком случае, в мыслях раз мелькнуло, что не надо бы так спешить... Смешно — спешить. Я ворвалась в апартаменты Брендона, отдышалась у порога, вошла в егс

игровую комнату и велела няньке:

— Выйди. Я позову.

Девушка, человек, улыбнулась мне и быстро исчезла.

Игравший на ковре, уже без сверстников, Брендон повернулся ко мне, насупился и решительно протянул ручки.

— На!

Я прыгнула к нему, схватила на руки и обняла.

Мой малыш начал ходить в полгода, заговорил в первый год рождения. Но предпочитает немногословие. Хоть с ним много разговаривали, он знает, что его хорошо понимают с полуслова. «На!» И всё. Перевод простой: «Хочу на ручки!»

Брендон обнял меня за шею, тепло подышал в шею. Иной раз у меня складывается впечатление, что я больше нуждаюсь в нём, в его детских объятиях и утешении, чем он во мне. И всё чаще кажется, что именно мой малыш понимает больше всех, что со мной происходит. Он ровен и спокоен со всеми, кто с ним занимается, но мгновенно чувствует моё настроение... Вот и сейчас: прижался ко мне и принялся — в противовес обычному своему молчанию с другими — картавя и шепелявя, рассказывать в ухо, как он играл с друзьями, и какие игрушки они принесли с собой, и какими своими игрушками он поделился с ними в игре. Брендон говорит на двух языках, пока почти не различая их. Единственное для него различие: на уивернском говорит с теми, кто им занимается. На общефедеративном-человеческом — только со мной, каким-то образом выделяя меня среди всех остальных именно в языке. Хотя в доме есть и другие люди. Но мне это нравится.

Наконец он уселся у меня на руке, одной рукой обнимая за шею.

Я включила вирт-связь и сухо сказала, услышав голос начальника службы безопасности:

— Адэр, завтра мы вылетаем с утра. С утра.

Он пробовал меня уговорить, ругался и грозил немедленно прийти и выяснить, почему я вдруг решила сдвинуть сроки вылета, хотя только что согласилась на его предложение вылететь с Уиверна вечером. Но вдруг оборвал сам себя на полуслове. Помолчал немного и уже спокойно сказал:

— После обеда в тренировочный зал. Будешь до упора работать с экипировкой и с оружием. И после ужина. Ясно?

— Ясно.

И только после этого спора меня отпустило. Даже Брендон заметил: сын немедленно попросился «с ручек» на пол. И почти секунды спустя в дверь игровой комнаты деликатно постучали. Пришли предупредить о времени обеда.

... Теперь у меня на бедре устроились не ножны, а кобура для короткоствольного пистолета-пулемёта. Открытая... Адэр сказал:

— Привыкла к ножу — придётся привыкать к оружию. Смотри сюда: это переключатель для огнестрела — на одиночный выстрел или на очередь. Слева на стволе — переключатель на работу с лучевым зарядом. Запомнила эти два рычага? Учти: поскольку это оружие предназначается в основном для работы полицейских, то патронов здесь больше. Лучевой заряд небольшой, его хватает ненадолго. Запомнила?

— Да.

— Теперь потренируйся вынимать ПП так, как обычно выхватываешь нож. Сама понимаешь — принцип несколько иной. Нож ты вынимаешь мгновенно, а с оружием могут быть сложности. Пока не привыкла.

Часть тренировочного зала спешно оборудовали под стрелковый тир. Пока я занималась вроде таким никчемным занятием, как автоматическое выхватывание оружия из кобуры, у меня пару раз мелькала мысль, что тренироваться с оружием Адэр велел, чтобы я не мешала строителям тира. Но главного я добила — отъезда наутро, так что теперь готова хоть покорной овцой стать.

Потом выяснилось, что я не зря позволила Монти Альпину лететь с нами. От него — только выгода. Он позвонил по вирт-связи и сразу сказала:

— Лианна, я отработал свои дипломатические каналы на Кере и теперь примерно знаю район, где прячется Дрейвен. Слава небесам, не самое дно. Но и не самый лёгкий вариант для поисков — площадь довольно большая. Какие новости у тебя?

— Вылетаем завтра утром. Ты точно решил ехать с нами?

— Да. Оружие у меня будет своё. Месторасположение ангаров Драконьего гнезда я знаю. Приеду сразу на место. До завтра, Лианна.

— До завтра, Монти.

Поздно вечером я легла спать — с тайной опаской, что от возбуждения, вызванного назначенным на завтра перелётом, не усну. Ничуть. Только легла, только закрыла глаза — меня мгновенно увело в глубокий сон. Бояться, как выяснилось, надо было другого.

... Я шарахнулась к стене, инстинктивно закрываясь одеялом, и лишь через мгновения поняла, что проснулась от собственного крика. Сразу окаменела. Даже рот открыла, чтобы учащённое, шумное дыхание через нос не мешало прислушиваться к ночной тишине. Но никто не вбежал в мои апартаменты и через минуту. Наверное, я только начала кричать — и

проснулась. Телохранители не услышали.

Не помню, что снилось. Но сна сейчас — ни в одном глазу. Я выпила воды, привычно оставленной на ночь — на всякий случай, побродила по комнатам, попыталась снова лечь. Сон не приходил, и голова такая ясная, что я поняла сразу: если ничем себя не займу, снова в подробностях вспомню, как меня убивали когда-то.

Одевшись, осторожно прошла комнаты и очутилась в спальне Брендона. Здесь, рядом с кроватью сына, сидела в кресле ночная нянька, девушка лет двадцати, бесшумно игравшая с карманным вирт-компьютером. При виде меня она улыбнулась, но не встала. В доме привыкли к моим частым ночным бдениям.

Я кивнула ей на другое кресло — подальше от кровати, и девушка послушно пересела. Теперь кровать с Бренденом оставалась вне её поля зрения. Я боком присела на кресло, на самый край, и обоими локтями оперлась на подлокотник. Здесь вечерний тёплый сумрак не слишком тёмный, и мягкие линии детского лица мне хорошо видны. Брендон спал, обняв подушку, и через некоторое время бездумного созерцания ребёнка я поняла, что незаметно для себя начала улыбаться.

Потом прислонилась к спинке кресла и поняла, что задрёмаю. Временами пропадала во поверхностном сне, временами пробуждалась, чтобы снова взглянуть на сына... Очнулась в очередной раз от знакомого прикосновения: тёплая детская ладошка погладила по моей щеке. Малыш стоит сбоку от кресла. Недолгая возня: Брендон упорно, несколько раз соскальзывая, забирается ко мне в кресло, а я не вмешивалась — не любит, когда помогают. И вот он у меня на коленях, обнимает за талию, ухом к животу. Я сцепляю пальцы на его спине. Мы спим...

... Утро оказалось весьма деятельным. И я снова порадовалась, что всю суету по подготовке к отъезду взял на себя начальник службы безопасности. Я затребовала его к себе позавтракать вместе и услышать отчёт о проделанной работе.

Адэр оказался весьма скрупулёзным в выполнении намеченного.

Для начала он проверил мою экипировку. Привычный комбинезон дополнили удобные, шитые по ноге берцы и нечто вроде длинной, до колен, куртки с капюшоном. Материал лёгкий — тонкая кожа, специально потёртая, чтобы состарить её внешне. Куртка напоминала разлетайку, благо без пуговиц.

— На нижних ярусах Керы довольно прохладно, — объяснил Адэр. — Во-вторых, удобно прятать оружие. В третьих, мы не собираемся привлекать внимание старожилы нижних ярусов. И это — на первый взгляд, примерное одеяние населения там.

Далее к комбинезону он добавил ремни — для кобуры с ПП, для ножа и для подсумка с патронами и дополнительными луч-зарядами. Едва Адэр отвернулся от меня, как я немедленно рассовала по облюбованным кармашкам на рукавах заточку и две монеты с заточенным же краем. Эти «изящные» вещицы до поры до времени хранились в заподкладочных тайниках моей старой дорожной сумки. Привет из приюта.

С сыном простилась в детской. Просто присела перед малышом на корточки, поцеловала его и взлохматила его отросшие чёрные волосы. Он вырвался из моих рук и побежал к игрушкам. Уже у двери подавила яростное желание оглянуться.

К ангарам мы подъехали двумя машинами. Оказывается, яхта Драконьего гнезда находится на орбитальном космодроме, а здесь только перевозящий на орбиту катер. Не успели войти в катер, как появился Монти Альпин.

Перелёт на яхту занял полчаса. В маленьком отсеке мы сидели все вместе, и каждый

развлекался как мог. Монти по вирт-связи передавал последние распоряжения в свой дом на время отсутствия. Адэр, чтобы получить примерное представление о районе, где, по данным сотрудников Монти, возможно, обитал Дрейвен, просматривал информацию по этому ярусу Керы. Мои телохранители — одновременно основная команда — по-своему использовали свободное время: двое сразу уснули, благо позволяли кресла с высокой спинкой, двое играли в командную вирт-компьютерную игру друг против друга. Я поглядывала на всех и пыталась представить, что нас ожидает на Кере.

Но неожиданности могут быть не только на Кере, как выяснилось буквально за минуты до стыковки катера к яхте.

Сидевший рядом со мной Монти улыбнулся мне и обернулся к остальным.

— Внимание, мне бы хотелось сказать пару слов, прежде чем мы окажемся на яхте.

Двое спавших сразу открыли глаза. Остальные сосредоточенно смотрели на Монти.

— Когда яхта попадёт на орбиту Керы, властями планеты будет задан один вопрос, из ответа на который мы сможем или не сможем оказаться на её поверхности. Вопрос заключается в следующем — цель прилёта. Дело в том, что на данный момент на Керу пускают немногих. Так вот. Мне очень жаль, что я ставлю вас перед фактом. Вам придётся некоторое время притворяться моей командой. От одного из подразделов МИДа Уиверна собрана команда на поимку опасного преступника — таково официальное объяснение нашей цели. Что, кстати, близко к истине, разве что прикрытой иной формой.

— Но... документы? — начал было Адэр.

— Вчера я оформил нас всех. Сразу предупреждаю: командовать вами буду я как представитель МИДа. С момента прилёта на Керу. Но только до нашего прибытия на нужный ярус. Надеюсь, дама Лианна возражать не будет?

Благо Монти не видел моих глаз (я обернулась, как и он), я взглянула на начальника службы безопасности. Адэр поймал мгновение, когда Монти повернулся ко мне, и коротко кивнул.

— Не возражаю.

Никакого деспотизма с его стороны, хотя втайне я и напряглась. Сутки на яхте прошли незаметно — в постоянных тренировках. Яхта хоть и была небольшой, но кают-компанию, куда мы собирались из тесных жилых отсеков (комнатушки, в которых умещались лишь навесные предметы мебели) на время обеда или ужина, легко было превратить в маленький спортивный зал. Турнир на двоих. Дуэль на двоих. Поединок. Остальные на это время — зрители.

Со мной Монти общался привычно: при команде — дама Лианна, без команды — мы болтали как старые приятели. Хотя был один инцидент. Лёгкий, но несколько странный, когда Монти разыграл какую-то странную для меня партию. Или сцену? Не поняла.

Он пришёл в мой отсек, когда я уже не знала, чем занять последние три часа до прилёта на орбиту Керы. От вирт-компьютера устала. С сыном говорить не хотелось: впервые оставив его надолго, боялась растравить душу.

Стуку в дверь удивилась, но разрешила войти. На пороге возник Монти. При виде меня, сидящей на навесной койке — откинувшись, он улыбнулся и в два шага очутился рядом.

— Скучаешь?

Койка прогнулась под его весом, а я чуть не съехала к нему. Вовремя успела ухватиться за край кровати. Кажется, он ничего не заметил.

— Есть немного, — призналась я, изо всех сил держась за край навесной койки и не

подавая виду, что сижу очень скованно. Всё-таки ни разу ни один уиверн не сидел настолько близко ко мне. Да ещё в таком месте — на койке.

— Лианна, я знаю, что перед смертью даг Куианна отдала тебе всю свою кровь. Ты когда-нибудь чувствовала какие-нибудь изменения в себе после этого?

— Никогда не задумывалась об этом. Моя жизнь слишком быстро летит с момента моего появления на Уиверн, чтобы я пыталась разбираться в себе, — чуть насмешливо ответила я — и с глубоким облегчением, оттого что он не собирается флиртовать со мной.

— Ну а разве у тебя не бывало каких-то выплесков способностей уивернов? Самопроизвольных?

— Нет. — Честно говоря, почему-то его назойливый интерес ко мне начал надоедать.

— Тогда, видимо, я буду первым, кто попробует тебя обучить некоторым нашим особенностям. Что-то мне подсказывает, что они однажды тебе пригодятся.

— Я вся внимание.

Он подозрительно заглянул в мои глаза, не смеюсь ли я. Но его предложением я уже заинтересовалась. Хотя и было немного странно: почему он предложил мне заниматься довольно серьёзными вещами незадолго до нашего прилёта. Но успокоилась тем, что ему тоже надоело бездельничать, и он нашёл себе развлечение, а мне — практический урок.

— Уивернскому гипнозу глазами обучать не буду, — сказал Монти. — Слишком долгая история. А вот выпускать когти — это легко и доступно для каждого, имеющего хоть немного уивернской крови.

Я недоверчиво фыркнула на это, но он говорил серьёзно и был убедителен, так что я прислушалась к его словам.

— Итак. Тебе всего лишь надо задумать какую-то поверхность, которую тебе хочется оцарапать. Вытяни руку, согни пальцы. Представь, что это лапа представителя кошачьих. А теперь попробуй прочувствовать, как ты стараешься процарапать эту поверхность. Итак?

Без толку. Если честно, несмотря на его серьёзность, я скептически отнеслась к тому, что на моих пальцах вместо ногтей появятся когти. Может, поэтому не получилось. Монти, поднял брови, глядя, как я стараюсь что-то сделать, а потом решительно придвинулся ко мне — и я мгновенно съехала, плотно прислонившись к его боку.

Непринуждённо обняв меня за талию, как будто он этого движения и ожидал, Монти вытянул другую руку и произнёс:

— Вот так — видишь? Давай правую рядом с моей рукой. Пробуй.

Поскольку он возвышался надо мной, сидя тесно рядом, и не видел моего лица, я исподтишка усмехнулась и представила себя кошкой, которая настолько чем-то разъярена, что дерёт всё на свете, лишь бы обратить на себя внимание. И вжалась от неожиданности в Монти: кончики пальцев вытянутой руки отяжелели от грубых когтей. Вылезли они медленно, и в тот момент, когда я испуганно замерла, рост их прекратился. Получилось что-то вроде накладных когтей. Только суженных к середине и увесистых.

— Ой, — прошептала я, поскольку торжествующий Монти явно ожидал моей реакции.

— Запомнила ощущение? Повтори.

И я повторяла, причём уже без его поддержки. Хотя пару раз он показал, как легко сделать это и без воображения себя кем-то. Но я почему-то очень быстро устала, а Монти, кажется, игра в обучение очень понравилась. Тогда в одну из секунд, когда он рассказывал, как будучи ребёнком, впервые выпустил когти, я сунула левую руку в карман комбинезона с другой стороны от него и осторожно нажала кнопку вызова на вирт-связи.

— Лианна! — спустя буквально минуту начал было Адэр, без стука входя в отсек.

Монти замер. Адэр тоже остолбенел от неожиданности, увидев его на моей койке, чуть не в обнимку со мной. Мой вызов был простейшим, без указания — зачем он нужен. Естественно, он ожидал, что я буду одна. Мужчины на некоторое время застыли в сердитом молчании, скрестив взгляды, внезапно острые...

— Простите, даг-ин Кейдн, — холодно сказала я. — Кажется, я нечаянно начала кнопку вирт-связи. — И, зная, что Монти не смотрит на меня, коротко покачала головой: не уходи.

— В таком случае, извините за вторжение, — отстранённо сказал Адэр, — но у меня в любом случае появились вопросы, связанные с нашим обеспечением на Кере. — Пока я лихорадочно пыталась понять его реплику, он добавил: — Я вижу, вы заняты, дама Лианна. Думаю, что хозяйственные вопросы мы решим чуть позже.

— Подождите, — недовольно сказал Монти и поднялся с моей койки. — С хозяйственными вопросами никогда ни в чём не надо быть слишком самоуверенными. Мы закончили заниматься, так что даг-ин Кейдн, с вашего разрешения, дама Лианна, может озаботить вас своими вопросами. — «Своими вопросами» он слегка подчеркнул.

Интересно, на что это намёк? На обращение Адэра ко мне без приставки «дама»? Несмотря на двусмысленность ситуации, я с интересом наблюдала, как мужчины миновали друг друга: Монти шагнул к двери, Адэр — отступил в сторону, пропуская. И эти два движения... Как бездомные озлобленные псы, которые не поделили кость, но которые понимают, что в драку лучше не ввязываться — до поры до времени.

Ещё понять бы эти их насторожённые реверансы...

Дверь отъехала в стену, а затем мягко чмокнула, возвращаясь в пазы.

Не двигаясь с места, Адэр почти надменно спросил:

— Что происходит?

Я встала. Так легче — не чувствовать себя малышнёй перед ним, высоким и суровым. Насмешливо улыбаясь сама себе, я спросила:

— Адэр, объясни. Монти показал, как уверны выпускают когти. И приказал мне тренироваться. У меня получается. Но... Я чувствую: со мной происходит что-то не то. Мне не у кого спросить. Может, это так и должно быть?

— Много ли раз он заставлял тебя проделывать это?

— Ну-у... Наверное, занимались минут двадцать.

Адэр ощутимо расслабился: кажется, я вызвала его не просто так.

— Он ничего не говорил насчёт белковой диеты после этих занятий?

— Нет.

— Возможно, просто не успел? — пробормотал он с полувопросительной интонацией, словно спрашивая самого себя. — Лианна, когда ты проделываешь это упражнение, на создание когтей и их исчезновение затрачивается огромное количество твоей энергии. Я знаю, ты любишь лёгкие продукты. Но сейчас тебе неплохо бы поесть мяса, иначе ещё немного — и ты почувствуешь истощение. И сейчас даже не смей повторить эти упражнения. Ты пока не совсем это чувствуешь, но, если взглянешь в зеркало, то заметишь, что побледнела. Дальше будет тошнота и вялость. Нам всем этого сейчас точно не надо. Хочешь, я принесу тебе чего-нибудь поесть? Обед был недавно, но...

— Хорошо, принеси, — перебила я его, сглотнув. Когда он всё объяснил, как говорится, на пальцах, я поняла, что за странность со мной творится. Я и правда хотела есть. И всё время, пока не было Адэра, поспеившего на камбуз за готовым мясом, размышляла: Монти

и правда не предупредил меня о последствиях первых уроков, потому что забыл о том? Или он собирался сделать это позже — так сказать, показать на готовом материале (на мне, изголодавшейся), что может происходить с существом, впервые попробовавшим практические метаморфозы с собственным телом?

Все не самые лучшие ощущения исчезли, после того как я доела последний кусок мяса и запила его молоком. Адэр стоял рядом (наотрез отказавшись присесть рядом) и насторожённо следил за мной. Наконец, он улыбнулся уголком губ.

— Теперь видно, что ты пришла в норму.

— То есть — теперь? — немного озадачилась я.

— У вас, у людей, это сразу заметно — по румянцу на щеках, — сказал начальник службы безопасности и, забрав посуду, вышел, напоследок напомнив: — Неплохо бы тебе немного поспать после незапланированного полдника.

Едва дверь за ним закрылась, я снова фыркнула. Подумаешь — у вас, у людей... После чего развернулась на койке и уснула — очень быстро, против обыкновения.

Дальше всё было очень чётко и деловито. Нас и в самом деле остановили на орбите Керы вопросом о цели прилёта. Вопрос с космическими пограничниками Монти улаживал быстро и конкретно. Документы от Уивернского МИДа у него и в самом деле оказались готовы на всех нас. Так что нас пропустили спокойно. Спокойно — потому что я, из любопытства открыв канал связи на керской орбите, услышала такой негодующий гвалт переговаривающихся с тех кораблей, которые не были пропущены на планету, что стало не по себе.

Затем нас перевели на полицейский катер керской пограничной службы и спустили на саму планету. Здесь, в космопорту, нас снова проверили на наличие документов и, удостоверившись, что мы здесь находимся на полном основании, выпустили из кабинета проверяющих. Ничего себе — у них тут самый настоящий карантин. Везде — службы самых жёстких подразделений, присланных со всех планет Содружества. Самих керских полицейских и пограничников видно мало: наверняка задействованы в горячих точках. Мне даже стало страшновато: во что это мы вляпались, благодаря даг Куианне?

Затем нас спустили уже на тот самый нижний ярус, где «доверенными лицами» Монти и был обнаружен Дрейвен. Сообразив это, я уже сосредоточилась только на одной мысли: я скоро увижу этого... гада. Что он скажет теперь, когда я не одна?

Странные у Монти «доверенные люди». Довелось увидеть одного, когда мы вышли из полицейской машины в пустынном тёмном переулке — дальше придётся идти пешком, поскольку машины на этом ярусе — постоянная мишень для нападений и грабежа.

«Доверенный человек» Монти возник как будто из ниоткуда. Согбенная тёмная фигура выступила из узкого переулка, который словно дымился. Наверное, теми миазмами, эффект которых дают энергетические системы Керы. Но выглядело это задымление тревожно: наверное, потому, что клубы дыма то и дело сначала лениво и бесцельно ползли, а потом, побеспокоенные чьим-то движением, начинали волноваться и хаотично кружиться. Согбенная фигура замерла, окутанная словно живыми дымами разной степени концентрации. Как будто шаман у костра... Но вот она шевельнулась — полицейская машина уже уехала на верхние ярусы — и медленно, насторожённо направилась к нам. Монти, поколебавшись, двинулся ей навстречу.

Они поговорили немного, после чего фигура пропала в тех же дымчатых волнах, а Монти вернулся и кивнул:

— Всё. Его выследили. В конце переулка вход в дом. Там — коридор. Мой человек предполагает три комнаты, в одной из которых предположительно живёт Дрейвен. Мы идём по коридору, разбиваемся на группы и проверяем: каждая группа — отдельную комнату. Даг-ин Кейдн согласен с таким порядком поиска?

— Согласен, — бесстрастно ответил Адэр.

Мы дошли до двери в нужный дом. Боюсь, я уже у порога начала чувствовать, как меня почти трясёт от адреналина... Коридор. Здесь инициативу снова взял в свои руки Монти. Он предложил не только разбиться на группы, но и проверить комнаты одновременно. Ведь, насторожившийся, Дрейвен может сбежать, пока мы всей командой проверяем другие комнаты. Мы согласились с его предложением.

Ну и местечко... Вонь — настоящий букет из жареной еды, протухших продуктов, грязного белья... Освещение такое, что лучше б его и не было вообще — аж глаз режет, настолько тусклое. Особенно, если учесть, что уличный дым ползёт и здесь, вкрадчивыми облачными кругами по полу. Тишина, полная призрачного бормотания и время от времени странного стука — будто где-то выбивают ковры прямо в комнате... Глянула на пол — и чуть ногу не поджала: лучше бы не видеть, по какой грязи идёшь. Но ведь не видеть — это одно. Другое дело — ощущать тот неровный пол, по которому идёшь, и знать, отчего он неровный... Никогда не чувствовала себя настолько брезгливой...

Со мной, у дверей первой подозрительной комнаты, встали телохранители — Бенет и Олдин. Мы выждали, пока остальные не дойдут до отмеченных других двух. Телохранители переглянулись. Олдин осторожно прикоснулся к двери и сделал легчайшее движение толкнуть её. Дверь неожиданно и медленно открылась вовнутрь.

И начался ад!

Из коридора внезапно грохнул взрыв. Бенет всплеснул руками, с коротким стоном падая на меня. Мимо. Его оружие загремело по полу, выпав из ослабевших пальцев. Олдин резко толкнул меня в комнату и только развернулся в сторону взрыва, как его откинуло к стене — я с ужасом оглянулась на его залитое кровью лицо. Казалось, медленно-медленно оборачиваясь к тёмной, почти непроницаемо чёрной комнате, я успела увидеть, как на меня летит что-то огромное. В следующий миг меня сбило с ног — будто обрушившимся с горы валуном.

Мы врезались в стену, слева от двери. Точнее, врезался тот, сбивший меня — как потом стало ясно — с открытого дверного проёма, где я буквально маячила идеальной мишенью. И упали: он — наверху, по ощущениям закрывая меня, скорчившуюся от неожиданности и бешеной скорости происходящего. Испугаться я ещё не успела... Неизвестный грохнулся о стену головой и плечами, с коротким шипением втянув воздух сквозь зубы — от боли. Мне он голову защитил, шлёпнув в полёте ладонью по макушке.

Кажется, не успели мы свалиться, как за дверью вслед нам прогрехотало сразу два взрыва — с секундной паузой, почти незаметной на фоне режущих коридор очередей и криков, командных и панических. Даже лежащую под огромным телом, меня обдало горячими волнами с беспорядочно пробарабанившими по полу и по моему невольному защитнику предметами.

Оглушённая, я тем не менее сообразила главное: не могу достать оружие, так как неизвестный прижимает меня к себе, жёсткому и твёрдому. Наверное, на нём — оружия!.. Отчего ещё и еле дышу. Я даже успела проверить: что-то вроде моего ПП у него точно есть — прямо на поясе. Не как у меня — на бедре.

Недолго прижимал. Едва я осознала своё положение с оружием, как он — с опорой на стену одной рукой — вскочил и, потащив меня за собой, в два прыжка очутился перед дверью в глубине комнаты. Разглядела я её с трудом, тяжело привыкая к рассеянному свету из полутёмного коридора, и сквозь те же клубы взбаламученного дыма, к которым добавился дым от взрывов. И опять — разглядывала недолго: неизвестный, нисколько не сомневаясь, выбил эту дверь ногой. Та ещё падала, заваливаясь набок, а неизвестный уже тащил меня (зажав почти подмышкой!) — мимо отчётливо видимой в свете ночника кровати с испуганной парочкой — к следующей двери, которая только покорно крякнула под его ударом. «Он что — хочет здесь анфиладу прорубить?!» — мелькнула сумасшедшая мысль, и я приготовилась покорно выжидать, когда неизвестный громила пробежит в следующую комнату, чтобы грохнуть в щепки и следующую дверь... И так до бесконечности. Как в дурном сне. И делать ничего не могу, пока меня тащит... Кстати, кто? А этот развернулся вдруг и, не прыгая в следующую комнату, в которую приглашающе зиял им сотворённый проём, рванул направо.

Эту дверь он не стал выбивать. Открыл спокойно — ну, сравнительно, конечно. Захлопнул уже за нами. И мы очутились в коридоре — пустом. Не сразу я сообразила, что неизвестный вышел на другую сторону дома, в другой коридор. Поэтому, сжавшись от напряжения, некоторое время изумлённо всматривалась в оба конца коридора, пустынные и тихие, куда еле долетало эхо выстрелов с другой стороны.

Неизвестный, показалось, прислушался, после чего быстро зашагал по коридору. Я пригляделась и поняла, что он тащит меня в тупик. Там нет двери!

Задёргавшись на сильной руке, я запыхтела от усилий вырваться.

— Потерпи...

Слово почти на выдохе под край моего капюшона.

Я притихла. Ничего он мне не сделает. Он не знает, что у меня оружие. Или знает? Мь ведь с ним в обнимку вон как знатно прокатились. Ладно, подожду. Вот отпустит — разговор по-другому пойдёт.

Громила тем временем дошёл до сплошной стены.

Остановился. Вот дьяволы... Он собирается пробить стену? Впрочем, если она такая же хлипкая... Я поморщилась. Почему-то больно ушам. Наверное, я здорово оглохла от недавнего грохота. Неизвестный постоял возле стены. Встряхнул меня, чтобы удобнее лежала на руке.

— Стена... — прошептал он.

Стены, что ли, никогда не видел? Или не ожидал увидеть? Давай шевелись. Хоть что-нибудь делай! Или меня отпусти — я сбегаю к твоей комнате узнать, что с ребятами. К твоей... Я попыталась вывернуться, чтобы увидеть его лицо. Но Адэр был прав. Здесь все носили одежду с обязательным капюшоном. Кто меня держит? Дрейвен? Какой-то другой бандюга, на которого тоже охотятся? Здесь, вообще-то, судя по недавнему концерту со взрывами, все охотятся друг на друга...

Но этот тип слишком заворожён стеной. Или задумался? Нашёл когда...

— Отпусти меня! — негромко потребовала я.

Он как-то рассеянно провёл свободной ладонью по моему лицу — погладил, как кошку — утешая или успокаивая! Но погладил не глядя, так, как будто уверен, что именно здесь должна быть кошачья голова! Обозлиться не успела. Он быстро поставил меня на ноги, приподнял мне капюшон.

— Ты не Келли, — тихо сказал он.

— Я не Келли, — угрюмо подтвердила я.

— Но тебя чуть не убили, — спокойно сказал он. — А зачем пришла ты? Убить меня?

— Да! — агрессивно ответила я.

— Тихо. Поговорим на улице.

Он развернулся и пошёл назад, к двери в конце коридора. Я постояла, немного растерянная, глянула на дверь, за которой находилась та комната, с парочкой на кровати... Он прав. В любую минуту сюда, в коридор, ворвутся — и неизвестно ещё, кто ворвётся. Так что я, поколебавшись, а потом, сунув руку под куртку сжать рукоять ПП, поспешила всё-таки за этим типом: лица его так и не разглядела, так что не знаю, кто он. А оставаться здесь, где со всех сторон грозит неизвестность...

Меня снова передёрнуло. Что-то давило на уши. Я снова поморщилась. Ещё не хватало подхватить после недавнего фейерверка глухоту. Правда, давление это было странное: оно словно время от времени опускалось, или, скорее, чьи-то невидимые ладони резко и быстро закрывали мне уши и снова открывали их.

Мой проводник быстро и уверенно подошёл к двери, не оглядываясь, сказал:

— Быстрой.

И открыл не ту дверь, которая была видна сразу, а боковую — маленькую, которой я сразу не разглядела: косяк почти отсутствовал, а проём был выкрашен краской таким образом, что дверь сливалась со стеной. Удивлённая (хотя чего удивляться: такой тип и должен знать все ходы-выходы в своей норе), я последовала за неизвестным. Едва мы оказались на улице — в медленно клубящемся, ещё не потревоженном тумане, здесь очень густом, он резко обернулся и — ладонями в плечи — притиснул меня к стене.

— Быстро. Ты кто?

— Владелица «Драконьего гнезда»! — обозлилась я.

— Ха... Звучит как претенциозное название злачного местечка, — пробормотал он и отпустил меня.

Полностью уверенная, что меня держит Дрейвен, я чуть не упала, услышав эти слова. Какое-то странное разочарование... Судя по интонациям, название родового «замка» на неизвестного не произвело никакого впечатления. Это не Дрейвен. Некоторое время он, видимо повернув голову, всматривался в улицу, а мои уши опять наполнило прерывистое болезненное давление. Нет, это давление было не слишком болезненным. Терпимо. Скорее, похоже на быстрые укулы комариных укусов.

— Любопытно, что я мог натворить в этом твоём «Драконьем гнезде», — пробормотал он вполголоса. — Я забыл заплатить за обед? Или за девочку? Ваши хозяйки всегда приходят сами взыскивать долги?

Ох, и злилась же я от невозможности заглянуть ему под капюшон! Хотелось убедиться, что это не Дрейвен! Но как? Напрямую сказать, что хочу увидеть его лицо?

— Что делаем дальше? — спросил он, не оборачиваясь. — Почему-то мне кажется, что ты не прочь пойти со мной. Или останешься с этими ребятами — на разборках?

— Сними капюшон!

— Боишься, что перепутала с кем-то?

— Боюсь, что убью не того! — огрызнулась я. Он говорил очень чисто — на идеальном межгалактическом. И от этого ещё больше хотелось посмотреть ему в глаза.

— Смотри, — равнодушно сказал он, наконец повернувшись ко мне.

Он не откинул капюшона — приподнял. В бегущем искусственными туманами свете блеснули пронзительно-серые глаза. Снова тот высокомерный взгляд — с вирт-кадра! Меня как ледяной водой окатило. Дрейвен! Всё-таки Дрейвен!

— Ого... — тихо сказал он, одним рассеянно мгновенным движением цапнув мой вынырнувший из-под куртки ПП. — Ого, реакция на меня. Какую же сумму я не доплатил в вашем заведении, если ты так реагируешь на моё лицо? Обычно я долгов не оставляю. Скажи мне размер этой суммы — расплачусь. Я пока ещё кредитоспособен. А игрушечка у тебя неплохая. Хорошая игрушечка... — Он вдруг поднял подбородок, только и видный под надвинутым на голову капюшоном, явно вслушиваясь в улицу и одновременно машинально пряча мой ПП под свою куртку. Я вцепилась в рукоять оружия, изо всех стараясь выдрать его из этих сильных рук, хотя осознавала тщетность попытки. — Тихо... Если не хочешь попасть под пули, предназначенные для меня, иди за мной... Найдём место — поговорим.

Снова прерывистое давление на уши. Но теперь я вознамерилась прилипнуть к Дрейвену и не отставать от него ни на шаг. Пока не отберу оружие и не убью его.

Он первым вышел из тьмы у стены и быстро и бесшумно, летящим по ветру листом, пошёл по дороге. Я — следом. Старалась не отставать. Уже в двух шагах от меня его фигура превращалась в один из витков тумана. Дьявол, не заблудиться бы здесь — почти безоружной. Спина Дрейвена мелькала передо мной, часто пропадая в тумане. Но теперь я была уверена, что он не бросит меня — хотя бы любопытства. Поэтому я спешила за ним, то и дело вздрагивая от сумасшедшего желания ударить его в спину — а там, будь что будет, и даже не жаль, если буду блуждать в этом ядовитом тумане. Но, кроме желания (чисто на физическом инстинкте) убить Дрейвена, появилось желание понять. Он не накинута на меня сразу, когда я вломила в его комнату, а вытащил меня из огненного ада, пусть даже спутав с другой. Последнее, кстати, отвечало характеристике, данной ему Адэром, — ну, что он относился к женщинам не как зверь. Хотя... Если принять во внимание версию сумасшествия, наверное, у него сейчас период затишья. И в любом случае надо будет держаться с ним настороже... И кто такая, дьяволы, эта Келли?!

Дурацкая ситуация. Ничего не остаётся, как держаться с ним рядом. А мечталось... Да ещё этот туман. Убить бы — да махнуть на верхние ярусы. Но... я не знаю, куда идти, чтобы выбраться из этого ада.

Резкого разворота я даже глазом не уловила. Меня схватили за руку и дёрнули к стене, одновременно хлопнув по рту ладонью.

— Тихо...

Он сам, вставший у стены, медленно съехал на корточки, заставив меня сделать то же самое. Снова странное давление на уши. Как будто где-то играют с игровыми автоматами, и пронзительное попискивание пронизывает всё тело... Давление исчезло. Я поневоле прислушалась. Дрейвена, сидящего рядом, как будто и не было. Я даже дыхания его не слышала, хотя сидела плечо к плечу с ним. Тогда прислушалась сама.

По улице кто-то шёл. Не один. Эти невидимки старались идти очень тихо. Честно говоря, не насторожи меня Дрейвен, я бы и не обратила внимания на вкрадчивые шаги. Они звучали как часть уличного шума с его шелестом, гудением, стуком не то дверей, не то приглушённых выстрелов, изредка доносящимися отголосками говорящих, словно развеянных ветром, которого нет...

И такой же шелест я слышала сбоку:

— Знаешь эту часть Керы?

Помотала головой — всё равно не смогла бы произнести так тихо, как он.

Движение снизу. В руки мне ткнулось оружие. Мой ПП.

— Обойди меня. Иди за угол. Там будет лестница. Спустишься.

Вот теперь мне стало не до мести. По сути — одна. В обществе уверна, который или слетел с катушек, или нет, но продолжает оставаться опасным. В части планеты, которая кишит ужасами, которые может или не может представить моё воображение. Страшно с Дрейвеном, но без него ещё страшней... Я взяла оружие и осторожно поднялась с корточек.

Он не шевельнулся, когда я осторожно начала обходить его. Лестница оказалась буквально в двух шагах. Но уходить не хочется. Если я сейчас заверну, если он исчезнет с моих глаз, мне — кранты. Дороги наверх точно не видать... Не успела зайти за угол, как инстинктивно замерла. Перевела глаза на Дрейвена. Застыл плохо различимой, но чувствительно напряжённой фигурой. Я вжалась в стену.

Шелест мусора и камешков — но не под ногами. Слишком мягко. Или это мне кажется — слишком мягко. Такое впечатление, что по грязной, неухоженной дороге, с выбоинами, которых давно никто не ремонтировал, идёт громадная собака. Идёт медленно, с сопением, время от времени низко и угрожающе ворча. И внезапно — тишина. Существо остановилось. Если это собака, она почуяла наш запах... Я, снова дыша ртом, положила на опорную руку ствол пулемёта, насторожённо водя им по той стороне, где слышался невнятный шорох и ворчание.

Оглушающий хриплый рёв ударил по ушам. Из клубящегося тумана, вылетела чудовищная фигура — изуродованное, но мощное нагое человеческое тело, с толстыми мускулистыми конечностями, распластанными по-паучьи. Крошечная голова казалась сломанной из-за вывернутой в рёве пасти. И это чудовище прыгнуло на Дрейвена, потому что тот вскочил и кинулся ему навстречу! У меня чуть пулемёт не вывалился из пальцев, мгновенно парализованных кровожадным воплем пришельца из тумана.

А когда я очнулась от ужаса, стрелять уже было нельзя: чудовище и Дрейвен схватились вплотную, грохнулись на дорогу и катались, пытаясь завалить друг друга.

Трясущимися пальцами я засунула пулемёт в кобуру. Да, меня учили и тренировали. Но тренировки — это одно, а жизнь — иное. Что же делать?! Как помочь сейчас единственному, на кого я сейчас могу надеяться в этой части города?!

В руках инстинктивно появился нож. Он привычней, хоть и ни разу не встречала такого противника. Но уже в руках — и мне стало чуть легче. А мутант уже сидел на безвольно лежащем Дрейвене, схватив за грудки, и бил его головой о дорожное покрытие. Неужели уиверн не может ничего сделать? Почему он даже не защищается?!

Дрейвен без сознания! И эта мускулистая скотина лупит его, добывая мою единственную надежду на возвращение домой! И что?! Потом кинется по моим следам?!

Адреналин вскипел до высшей точки при виде беспомощного тела, которым остервенело шмякала о дорогу эта тварь. Мне не выжить без Дрейвена здесь, на самом дне Керы! А если и выживу, то мой сын останется безродным! Мой сын!.. Тварь уничтожает мою добычу?! Уничтожить тварь!!! Да хоть голыми руками порвать!

Я завизжала и бросилась на мутанта. Всего два шага до него! Он огромный — не промахнусь! Сделать хоть что-то!!

Чудовище вздрогнуло и, всё ещё держа уиверна за грудки, мгновенно обернулось.

Дрейвен под ним быстро приподнялся и ударом обеих рук вогнал ножи в горло мутанту. Я ахнула, затормозив. Чудовище утробно кашлянуло, покачалось, разбрызгивая кровь, и свалилось на уиверна, обливая его чёрной в неясной темноте жидкостью.

А совсем неподалёку, с нескольких сторон, словно откликаясь на слабеющий влажный кашель умирающего чудовища, заворчали на многие голоса... Меня окатило самым настоящим страхом. Я бросилась к ворочающемуся уиверну, который пытался вылезти из-под мутанта — спихивая его с себя. Брезгливо схватившись за ближайшую ко мне конечность мёртвого чудовища, я потащила тело на себя. Удалось сдвинуть его немного, а дальше Дрейвен перевернулся вместе с ним. Но встал не сразу. Полежал, всё так же бесшумно дыша... Я встала на колени рядом, с отвращением и страхом косясь на нелепое тело рядом, сипло спросила:

— Помочь?

Он неожиданно легко сел и (тоже брезгливо) откинул капюшон, тяжёлый от крови мутанта. Волосы длинные, как я видела на вирт-кадре, но спутанные и космами, слипшимися от крови. Чьей? Своей или того урода? Морщины по сторонам от носа углубились — это он расслабился. Тяжело взглянул на меня. Кажется. Сидя — почти скрыт туманами. Но голову вроде повернул. Кивнул:

— Испугалась?

— Вставай давай, — хмуро буркнула я. — Тут ещё компания завывает.

— Слышу.

Встал он не сразу. Я ещё поразились, как он вставал. Медленно, прислушиваясь к пространству. Сильно. Будто вставала гора. Что-то шевельнулось в душе тёмное и страшное: насильник. Враг. Чужой... И отец моего ребёнка... И проводник в страшном мире нижних ярусов, которого я теперь буду защищать изо всех сил, пока не окажемся на поверхности... И тут меня пробило на вопрос:

— У тебя же есть огнестрельное оружие. Почему ты не стрелял?

— Болтаешь много, — пробормотал он, продолжая вслушиваться. — Пошли к лестнице. Быстро.

Он взял меня за руку и торопливо потащил за угол. Я снова сморщилась от странного

пульсирующего давления на уши, то усиливающегося, то отпускающего на короткое время. Да что тут такое происходит?! Или это так действуют энергосистемы?.. Поспрашиваю потом. Это подождёт. Я должна сосредоточиться на том, как мне выйти на поверхность — на верхние ярусы Керы — и вытащить туда Дрейвена. Хотя опять промелькнула соблазнительная мысль: оружие он мне вернул — может, пристрелить его сейчас, а на выходе, когда встречусь со своими, сказать, что это была самозащита?

Как там мои телохранители? Почти не сомневаюсь, что оба погибли. И — тоже из-за него! Это всё из-за него... Нет. Нужно быть практичной и постоянно напоминать себе: без него ты здесь не выживешь.

Пока же он тащил меня за собой по лестнице. И ой как не хотелось спускаться ещё ниже!.. Но он не обращал внимания на моё желание-нежелание. И здесь я ему доверяла: столько лет жить здесь и не приготовить для себя крысиных ходов-выходов и нор, где можно спрятаться в опасном положении до поры до времени? Не поверю. Значит, придётся хотя бы некоторое время повиноваться ему.

Другое дело — зачем он меня тащит?

Мы скатились по трём лестницам, погружаясь, как мне показалось, на самое дно. Спуск уже не просто раздражал — пугал до дрожи. На четвёртой лестнице я попыталась остановиться, вцепившись в перила и стараясь остановить и уверна:

— Дрейвен, подожди! Может, не надо туда?!

Он замер на полушаге, не оборачиваясь.

— Что? Как ты назвала меня?

— По имени — как ещё, — пробормотала я, беспокойно вслушиваясь в невидимую пока глубину: крикнула, а потом напугалась. Начала уже усваивать, что здесь, на нижних ярусах, лучше даже не питаться!

— Дрейвен, — повторил он. — Ты уверена, что... это правильно?

— Что именно? — уже недоумённо спросила я. И вдруг поняла, что он имеет в виду. — Ты... не знаешь, как тебя зовут?

— Келли нашла меня без документов и без памяти, — совершенно хладнокровно ответил он. — Давно. Я не знаю когда. Она отбила меня у «пауков» (одного ты видела только что) и научила жить здесь. Навыки выживания у меня были. Из прошлого. Оставалось только приноровиться к месту. А теперь ты называешь меня... Дрейвен, — он словно попробовал на вкус своё имя. — Ты уверена, что не ошибаешься?

— Уверена, — медленно сказала я, всматриваясь в спокойное лицо. А вдруг он врёт?

— Дрейвен. Хм... Интересно. И кто же я?

— Уиверн.

— Здесь таких не водится, — бесстрастно сказал он, машинально оттирая кровь со скулы. — Поэтому... Не знаю.

— А ты помнишь всё — с того момента, как тебя нашла эта Келли? — спросила я, встревожившись: ясно же, что потеря памяти — это часть уивернского безумия.

— Всё. У меня хорошая память — за исключением того, что было до... Келли.

Хоть это хорошо! Приступов больше не было! Но не успела порадоваться хоть этому обстоятельству — хотя с чего бы такая радость? — как он спросил:

— И что же натворил тот уиверн, которого называют Дрейвеном?

— Почему ты решил, что он что-то натворил?

— Ты же хочешь убить его.

Станный разговор. Как будто говорим о третьем лице. А не о нём. Но если он потерял память... Если... Как быть мне?!

Не дождавшись от меня ответа, Дрейвен снова схватил меня за плечо.

— Идём. Нечего задерживаться на одном месте. Есть тут одна нора, в которой сможем поговорить.

Он что — подслушал меня насчёт норы?

Преодолев четвертую лестницу, мы очутились на большой площадке какого-то странного открытого помещения. Туман скрывал многое, но мне удалось разглядеть кое-что. Здесь, видимо, было когда-то какое-то производственное предприятие. Во всяком случае, я заметила ряд столов с какими-то мёртвыми сейчас приборами. Но хуже, когда движением воздуха туман будто отодвинулся показать мне жутковатую картинку: за одним из столов сидел человек. В расстёгнутом халате. Во всяком случае — фигура была гуманоидная. Неизвестный спал, положив руки на стол.

— Что? — спросил Дрейвен, когда я от неожиданности замерла.

— Там... Спит...

— Он уже года два спит, — ровно сказал Дрейвен и поспешил дальше: сверху лестниц слышались звуки бегущих существ, повизгивание и рычание, словно твари мешали друг другу, отчего и грызлись за более удобное место в беге.

На бегу, благо Дрейвен тащил меня за руку, я оглянулась на «спящего». Подземный ветер лёгким порывом распахнул полы халата. Фигура не пошевелилась. Мумия. Оболочка, бывшая когда-то живым существом и застигнутая неведомой смертью прямо на рабочем месте.

Ещё две лестницы вниз. Коридор, в котором трудно идти тихо, потому что он похож на гигантскую трубу воздухопровода, повисшую в пространстве, без опоры на поверхность. Первых шагов в этом странном коридоре я испугалась: гулкие, отдают сильным эхом... Но Дрейвен шёл спокойно, а коридору конца-краю не видно — в основном из-за тумана, который здесь курился мелкими струйками со стен. Монотонный шаг сделал, в конце концов, своё дело. Я успокоилась... Да и пульсация здесь не давила на уши, разве что в начале коридора.

Он вёл меня, как маленькую девочку — ничего не боясь, хотя наверняка помнил и о моём оружии, и о моей угрозе убить его. Ведомая за руку, я время от времени поглядывала на уверна, похоже тоже впавшего в задумчивость. И чем дальше, тем упрямей мои мысли возвращались к одному и тому же вопросу: кто такая Келли, за которую он принял меня?

Чем дальше, тем больше я присматривалась к Дрейвену — исподтишка, чтобы не заметил. Вопросы возникали один за другим. Если он не знает, как его зовут, на какое имя он откликается? Странно он шёл — чуть впереди, но я замечала, что он время от времени крутит головой — под капюшоном коротко мелькал его подбородок. Что это с ним? Оглядывается — в пустом-то коридоре?..

Вскоре, спустя время на бег по коридору, я заметила, что перестала воспринимать его как существо, которое собиралась убить. Рядом со мной бежал совершенно незнакомый мне уиверн — абсолютно посторонний, который хорош лишь тем, что знает это место. Я не видела в нём существа, чей образ придумала, слепила во время долгих раздумий в те бессонные ночи, когда лежала с закрытыми глазами, представляя, как я его убью. То существо было приближено ко мне его давней жестокостью. Я привыкла к нему. Но этот, который похож на Дрейвена, но не откликается на имя моего обидчика... Может, я не вижу в нём своего врага после его признания, что он не знает, как его зовут? Ничего, у меня ещё будет время восстановить свою ненависть.

Пульсирующий свист, гнетущий уши, изредка, но появлялся. Но, пока мы были в туннельном коридоре, я еле чувствовала его — слишком слабый. Спросить не спросить Дрейвена, что значит этот свист? Не слишком усталая, я надбавила скорости бежать с ним на одном уровне и только заглянула под капюшон, только открыла рот спросить, как снова отстала — уже специально. Это Дрейвен, чьи полуоткрытые губы ощутимо вздрагивали, издавал ультразвуковой свист, пронизывающий голову и тело. Я никогда не слышала, что уиверны умеют свистеть на ультразвуке. И... Зачем?! Или у него во рту что-то есть, чем он свистит? Или он... тоже мутирует?! Во что?!

Теперь я бежала рядом с ним настолько насторожённая, что время от времени делала попытки выдрать из его лапищи свою руку. Он раз повернул голову глухо сказать:

— Здесь лучше держаться вместе.

Мы уже добежали до конца коридора, где в клубках дыма то скрывалась, то снова появлялась дверь, когда за спинами прогрехотало эхо впрыгнувших в коридорный туннель тяжёлых существ.

Мельком оглянувшись, я споткнулась и чуть не упала. Впереди чёрной стаи на ногах-колоннах мчался такой гигант, что едва не задевал головой потолок — высотой в три-то моих роста. Ноги-колонны — это не просто сравнение. Мутант имел донельзя укороченный торс и длиннющие ноги, утяжелённые такой мышечной массой, что даже издали было видно, как плоть сотрясается вокруг костей.

Дрейвен, остановившись, тоже оглянулся.

Шевельнулись губы, которые я видела под краем капюшона. Свист — обернувшись по направлению бега. Дёрнул меня за руку.

Через секунды бега до двери оставалось такое же расстояние, как до ногастого мутанта, глушащего изолированное пространство туннеля рёвом, в сравнении с которым азартные вопли ведомой им стаи остальных преследователей казались безобидным попискиванием.

— Сюда!

Снова свист, который проколол голову длинной иглой, немедленно выдернутой. Дрейвен рывком распахнул на себе мятый плащ, рывком же рванул меня к себе. Я не успела

ни сказать чего, ни вскрикнуть — буквально вцепилась в его твёрдое тело, успела только вздеть руки, сцепив пальцы на его шее... Ударил ногой в нижнюю часть сплошной стены. Пробил дыру, перекрещенную проводами, кое-где рванными. Дрейвен подхватил меня за талию и — не успела я сообразить, что именно он сейчас собирается сделать, — прыгнул в сломанные им переборки стены, ещё осыпаящиеся сухим от времени укрепляющим раствором. И дыры-то не видно. В миг прыжка он запахнул вокруг меня полы своего плаща и закрыл мою голову ладонями.

Мы боком свалились в нечто, больше похожее на мусорную кучу.

Оба одновременно подняли головы, жмурясь от взрыва пыли, поднятого нашими телами. Он сильным, без рывков — змеиным движением поднялся на ноги, поддерживая моё тело — я всё ещё машинально обнимала его. Выпустил. Снова бесстрастное:

— Бежим!

Дьяволы, куда же ниже!

Ладно, он здесь почти абориген. Послушаемся.

С трудом выдирая ноги из крошева, которое осталось после какого-то взрыва или обрушения, мы выбрались из кучи обломков. Пыль оседала, и теперь стало видно, что мы у стены — той самой, дыра в которой пробита Дрейвеном сверху. Он на миг замер — и я теперь сразу взглянула на его губы. Собрались, как для свиста. Содрогнулась от пронизывающей иглы. Свистнул, слегка поведя подбородком. Кого он высвистывает?

Шум сверху. Я задрала голову. Что-то копошилось у нашей дыры наверху.

— Он сейчас прыгнет, — сухо проинформировала я Дрейвена.

— Угу...

Кажется, он сам всё знает или предугадывает. Интересный мир он себе нашёл для выживания... Я взглянула на пулемёт, который почти вскочил мне в руку, когда я поняла, что существо наверху метит прыгнуть на мусорную кучу. Неплохая у меня реакция. Только вот... запоздалая... Дрейвен между тем коротко повернулся к мусорной куче и бросил какую-то штуку поверх неё. Кажется, он уже что-то высвистел или определился с маршрутом, потому что снова дёрнул меня за руку — точнее, сначала ткнулся пальцами о моё плечо, видимо не глядя, а потом уже его пальцы съехали по рукаву моей куртки и вцепились в мою ладонь.

Сам сказал — бежим, а сам не торопится. Чего это он?

Побежали наконец. По громадному колодцу с неясным выходом впереди, куда тащил меня Дрейвен. Гулкий рёв — мутант сунул башку в дыру. Сверху полетели новые обломки, пыль. Это чудовище спустило ножищи и собирается прыгать. Успеем ли добежать до нужного выхода с этого открытого всем обзорам пространства? Хорошо ещё — не спрятала пулемёт: стрелять, кажется, придётся в любом случае.

Чуть не упала — так сильно дёрнулась, попытавшись остановиться, но по инерции всё ещё влекомая Дрейвеном. Его недовольное:

— Чего?

— Он прыга...

Чудовище рухнуло в мусорную кучу — и серо-белую муть пронзило ярко полыхнувшее жёлто-оранжевое пламя! Вот что бросил Дрейвен наверх кучи! Какую-то взрывчатку! Мутант даже не успел мыкнуть, обляпав взорванным собой, красно-серыми ошмётками, ту же стену!

Но, визжа и вопя, следом за ним посыпались другие твари, похожие на тех голоногих «пауков», один из которых чуть не убил уиверна!

Кажется, Дрейвен потерял терпение: он подхватил меня на руки — я даже от неожиданности не сопротивлялась — и помчался вперёд. Теперь и я могла разглядеть пока ещё далеко от нас прямоугольник потенциальной двери впереди. Сама рыча от бессилия и понимания собственной дурости — замедляю ему бег! — я с тревогой крутила головой: дверь приближалась медленно, а несущаяся следом за нами стая «пауков» быстро сокращала расстояние между нами!

Но даже в таком состоянии я видела, что мой вес для Дрейвена — мелочь. Он бежал так, словно меня на руках и не было. И свистел!

Ещё один взгляд вперёд, на дверь. Сердце чуть не оборвалось: она распахнулась — и навстречу нам хлынули какие-то существа!

Но Дрейвен продолжал мчаться по выбранному курсу, и я положила на его знание. Сама не рассмотрю, кто там и что, но он-то должен быть уверенным, куда бежать и кто нас там встречает!.. Хотя внутри всё-таки ныло: а вдруг?! А вдруг он совсем не думает тащить меня в безопасное место?!

Но твари уже настолько приблизились, что я почувяла, как они гонят на нас волну не просто ощутимого, бьющего по спинам воя, а ненависти и желания жрать! На инстинктах чувяла, что точно: догонят — сожрут! Взглядывая через плечо Дрейвена, на которое я взгромоздила трясущийся в беге ствол пулемёта, я, с изредка замирающим, а время от времени бешено стучащим сердцем, но с холодной головой, ожидала момента, когда смогу стрелять очередями, нанося как можно больший урон чудовищам.

А те стремительно неслись огромными скачками, совершенно взбесившиеся от близости добычи! Я видела болезненно желтоватые мускулистые тела; вопящие пасти, блестящие от голодной слюны; почти скрытые в толстых веках, словно свинячьи, свирепые глаза, в которых не существовало ни малейшей искры разума — во всяком случае, гуманоидного. Это были твари, чьи желания, чьё любое движение сводились к одному: существовать — жрать! И чем ближе они становились к нам, тем сильнее росло во мне желание немедленно открыть стрельбу. И не оттого, что они близко! Оттого, что ЭТО не должно существовать в природе!

Что-то изменилось в несущем меня Дрейвене. В моём состоянии напряжения я уловила это мгновенно. Обернулась посмотреть на те существа, которые появились на нашем пути. Чуть не задохнулась! Люди! Поэтому Дрейвен мчится спокойно!

Он ворвался в толпу людей, схлынувших с его пути и снова сомкнувшихся перед взывшей стаей голоногих «пауков». И только начал замедлять свой шаг, как загрохотало оружие в руках тех, кто, казалось, ожидал нашего появления.

Свист Дрейвена? Это их он высвистывал?

Дрейвен прошагал пару быстрых шагов в толпе, прежде чем остановился. Постоял, не оборачиваясь, прислушиваясь к выстрелам за спиной. И, будто убедившись, что теперь мы в безопасности, спустил меня с себя.

Визг, рёв раненых и хриплое рычание всё ещё нападающих тварей смешались с криками людей, подсказывающими друг другу, куда стрелять и где оборона (или засада?) становится уязвимой. Дрейвен, не оборачиваясь, стоял и, казалось, слушал, хотя я ожидала, что он немедленно бросится в самую гущу сражения. Не бросился. Наверное, у него была договорённость с этими, сидящими в засаде?

Тяжело дыша, я, даже не сознавая этого, машинально прижималась к нему, держа наготове пулемёт. Вокруг были охотники, вооружённые разнокалиберными винтовками и

III. Кое-кто держал в руках даже какие-то небольшие круглые штуковины, вроде тех, что уиверн бросил в мусорную кучу и на которой подорвалась та страшная мутировавшая тварь. Не очень разбираюсь, но, кажется, этих людей очень здорово организовали: время от времени первая линия обороны-засады раздавалась в стороны, и вперёд выбегали охотники, стоявшие ранее за спинами стрелявших. Так что, судя по всему, как удивлённо решила я, толпы как таковой нет.

Выстрелы звучали всё реже, а вскоре я расслышала, как постепенно замолкает и зверский вопль стаи мутантов. Последнее, что довелось расслышать (Дрейвен не пустил меня к первым рядам): визг и жалобный вопль уродов мгновенно пропадали после одиночных выстрелов. Охотники добивали раненых.

К нам с Дрейвеном начали оборачиваться, едва стало понятно, что самое страшное позади. Потом снова толпа раздалась, и к нам подошёл высокий человек в сером от пыли коротком плаще. Дрейвен наконец обернулся — показалось, на шаги. Человек тяжело дышал, но азартно улыбался — видимо, постепенно отходя от напряжения схватки.

— Привет, Крот! Кого ты привёл к нам?

Изумлённая, я обернулась к Дрейвену: назвать его такой приземленной кличкой? И он не возражает? Это надменный-то уиверн? Или принял кличку в насмешку над самим собой — оказавшись на нижних ярусах Керы?

Дрейвен чуть наклонил голову, откидывая капюшон с головы, поднял на меня глаза. Усталое лицо, углубившиеся морщины вокруг рта...

Я, наверное, должна ко многому привыкать здесь, на этих нижних ярусах. Там, в полутёмном коридоре с бегучим неверным светом, когда он впервые взглянул на меня, я узнала его по пронзительно-серым глазам.

Сейчас, в более-менее нормальном свете, когда дыма почти нет, а пыль медленно оседает, не слишком затемняя всё вокруг, я увидела, что они, эти ненавистные мне глаза, ещё и пустые. Прозрачно-серые — и без зрачков. Крот. Слепой.

Вот почему он свистел на ультразвуке. Как летучая мышь определяет ультразвуком пространство и преграду, так и он определял свистом, куда идти.

— Она знает, кто я, — бесстрастно сказал Дрейвен, отвечая на вопрос человека.

— Что ж... — сказал спросивший, с той же улыбкой рассматривая меня, и его длинное худое лицо засияло смешливыми морщинками. — Наверное, это неплохо.

— Где Келли? Почему она не с вами?

— С нею плохо. Ты принёс препараты?

— Принёс.

Дрейвен снова распахнул на себе плащ, и два человека немедленно подошли к нему, слегка оттеснив меня. То, что я принимала за бронежилет, набитый оружием, оказалось совершенно иным предметом. Похоже на бронежилет, но в сплошных кармашках, набитых какими-то лекарствами — я поняла это по этикеткам: подошедший к нам первым длиннолицый человек немедленно вынул одно и куда-то в толпу передал. Подошедшие двое сноровисто снимали этот жилет с Дрейвена, а он стоял, насторожённый, напряжённый, слегка разведя руки в стороны, чтобы им было удобней.

— А что это? — осмелилась спросить я.

— Помощь, — коротко ответил длиннолицый и, кажется, по моему лицу понял, что я не понимаю и начинаю злиться. — Здесь, внизу, воздействие энергосистем очень сильное. Причём на генном уровне. Чтобы не превратиться вот в это, — он кивнул в сторону

перестрелянной стаи «пауков», — надо предохраняться. Этот препарат помогает оставаться человеком. Крот знает, где его можно достать. Нам там не сориентироваться так, как это умеет он. Вот он и носит. Грабит где-то! — засмеялся от удовольствия длиннолицый.

Меня это поразило до глубины души: слепой уверн приносит на нижние ярусы нужный людям препарат! Да ещё не просто покупает! Что это значит — грабит? Он грабит на самом деле, или длиннолицый так посмеивается?

Между тем Дрейвена освободили от жилета с препаратом, и он обернулся ко мне. Теперь, пристально наблюдая за его глазами, я заметила, что он, судя по движению-расположению век, смотрит чуть выше моей головы.

— Пошли.

Негромкий голос вывел меня из замороженного созерцания его пустых глаз. Тем более он снова протянул руку, скользнув ищущей ладонью по рукаву моей куртки и снова вцепившись в мои пальцы.

Толпа перед нами расступалась, пока мы шли к той же двери, которую я заметила издалека, пока Дрейвен со мной на руках мчался от «пауков».

Я больше ни о чём не спрашивала, не возражала, когда он снова повёл меня без объяснений. Если его заинтересовало, что я назвала его по имени, которого он не помнит, если длиннолицый нормально воспринял моё появление здесь, значит, ещё немного — и я тоже буду в курсе хотя бы того, что знает Дрейвен и те, кто знает его.

Мы шли по коридору — на этот раз почти чистому, то есть без дымков. Уже привычная к посвистыванию Дрейвена, я исподтишка пыталась рассмотреть его и постоянно задавалась одним и тем же вопросом: как он, слепой, добывает лекарства? И почему именно он? И как он сказал мне в самом начале нашего «знакомства», что он может мне заплатить, если должен... Что, у него где-то есть заначка? Откуда? Грабит аптеки наверху по полной: тащит и лекарства, и деньги? Хотя какие деньги? Я слышала, что на ярусах Керы давно забыта наличность, разве что она осталась на нижних ярусах...

Коридор вывел нас на улицу, если так можно обозвать это место. Тёмная, едва освещённая «фонарями» — прилепленными к стенам, где порушенным, где уходящим к потолку, который представлял собой тоже где дырявое полотно, где в каких-то выбоинах, эта, с позволения сказать, улица словно пряталась, скрываясь постепенно в темноте — причём в оба конца. Но и здесь жили люди — где оживлённо, где крадучись...

Приглядываясь к этой улице, даже изучая её, я мгновенно погрузилась в прошлое, когда, будучи юной воспитанницей приюта, сбегала в город и чаще проводила свободное время в бедных кварталах, чем там, где беглянку сразу могли прихватить полицейские и немедленно доставить на место...

Здесь даже существовали уличные кухни, на плитах которых что-то жарилось и шкворчало, а торговцы призывали покупателей и просто едоков угоститься здешней поджаренной фауной. Здесь существовали магазинчики-лавки, возле которых всегда стояло по крайней мере два-три человека. А под ногами то и дело шмыгали детишки.

И весь этот изолированный мир охраняла горстка людей...

Мне стало страшно за них. Чем более мы углублялись в странный нижний город, тем ужасающе вымирающим выглядел он для меня.

И снова, наверное, спасая меня от навязчивых мыслей о вымирании этого местечка, всплыла на поверхность мысль: кто такая Келли, спасающая Дрейвена? Она болеет? С нехорошо из-за болезни? Или... Я чуть не остановилась от неожиданности, когда сообразила. Ей

плохо. Она мутирует? Дрейвен дёрнулся, когда я застыла на месте.

— Что?

Свист перед собой. Кажется, я встревожила его.

— Всё нормально. Загляделась.

— Идём.

Немногословен.

Нам пришлось пройти ещё минут десять по более-менее ровной дороге, прежде чем мы свернули в переулок. Здесь идти стало ещё страшней. Стены, казалось, вот-вот рухнут. Дыры, пробитые в них, чёрные и, на первый, не слишком сфокусированный взгляд, пустые, при более пристальном рассмотрении, шевелились от кого-то прячущегося в них. В общем, пулемёта я не опускала, держа ствол направленным впереди себя.

— Долго ещё?

— Нет. Скоро.

Интересно, что значит — скоро в его представлении. Есть ли в его жалком состоянии инстинктивное понимание времени?

Дрейвен свернул в совсем уж глухой переулок и остановился перед низкой дверью.

— Только не бойся, — сказал он, и впервые в его голосе я ощутила беспокойство — причём, очень удивлённая, поняла, что это беспокойство относится именно ко мне: он и в самом деле тревожится, как бы я не испугалась.

Открыл дверь. Я вошла следом. Инстинктивно нагнувшись, хотя не видела потолка, я прошла несколько осторожных шагов, стараясь не наткнуться на уиверна, когда тот остановится. Наверное, в доме темно, потому что ему не нужен свет.

Чисто на тех же инстинктах я почувствовала, как он встал на месте. А в следующий миг чуть не подпрыгнула на месте от жёсткого сочетания резкого звона металла и хриплого, захлёбывающегося рычания — шагах в пяти от нас. Ахнула от неожиданности, когда Дрейвен развернулся и схватил меня за плечо.

— Не бойся!

Теперь в его голосе появились совсем уж непривычные мне ноты — умоляющие.

Другой рукой он пошарил по стене и под непрекращающийся вой рядом включил свет. За секунду до освещения, опять совсем близко, но явно из-за перегородки недовольный голос прикрикнул:

— Да уйми ты свою тварь!

Я думала — знала, что увижу. Ошиблась.

Комната небольшая. Коробка метров пятнадцать на шесть. Почти пустая. Один угол, противоположный от входной двери, занят. На цепи, укреплённой вокруг шеи (без ошейника) и вокруг тощего тела — сплошные выступающие кости! — бесновалось странное существо: длинная вытянутая морда постоянно меняла форму, то полностью становясь звериной, близко к карикатурно волчьей, то вдруг в ней резко проступали человеческие черты. Но если лицо не всегда удавалось рассмотреть, то видимые части обнажённого тела изменялись на глазах, то покрываясь жёсткой шерстью, то удлиняясь. Особенно сильно и быстро изменялись конечности. Они мгновенно вытягивались до жёстких плетей, тощих, с длинными когтистыми пальцами — и вдруг резко пропадали в толстые, несуразно узкие лапки, и тогда тело стелилось по полу, грязному от экскрементов... Да и в комнате пахло, не приведи... Дрейвен внезапно шагнул к существу, кажется всерьёз вознамерившемуся совершить самоубийство, придушив себя, и резко скрутил цепь, а вместе с ним и мутанта.

Охнув от неожиданности и страха: а вдруг бы мутант набросился на него? — я было шагнула вперёд. Сама не знаю зачем. Помочь? Но как и зачем?

Но мне не позволили даже приблизиться к Дрейвену.

Пришлось отскочить от злого шипения сбоку.

Освещение... Как хорошо, что оно есть...

В метре от меня стояло существо, явно довольное жизнью здесь. Громадный кошак, лоснящийся от сытости, разглядывал меня, словно насмешливо говоря: ага, испугалась? Лоснился он не оттого, что на нём пушилась шерсть. Шерсти нет. Есть кожа, бронированная мелкой чешуёй... Ну и местечко выбрал себе Дрейвен для жилья.

Кот приподнял верхнюю губу, оскалившись. Будто подслушал мысли. А Дрейвен, не оборачиваясь, повторил мне:

— Не бойся.

После этих слов бронированный котяра отступил. Мол, разбирайтесь сами.

Дрейвен же как-то раздражённо задёргал плечом. Я сообразила, что он хочет сбросить свой мятый плащ.

— Я сниму, — предупредила я.

Он застыл. С опаской поглядывая на кота, я быстро подошла к уиверну со спины и стащила с него плащ, стараясь держаться подальше от существа, которое хрипело и время от времени дёргалось в его руках в тщетных попытках вырваться. Но плащ, естественно, полностью снять не удалось. Он повис рукавами на руках Дрейвена, потому те были заняты страшным существом. Хорошо ещё, оно изменяться перестало.

— Могу помочь, — сказала я. — Чем?

— В правом кармане плаща ампула для инъекций. Её надо достать, разбить и вылить ей в рот.

Он подставил мне бедро с карманом, а когда я вынула ампулу, маленькую, с мой мизинец, прижал к себе существо и задрал ему голову. Заставив раскрыть зажатые челюсти. Я нерешительно отбила кончик серой ампулы и посмотрела на мутанта.

— Лей. Медлить нельзя, — нетерпеливо сказал уиверн. Он заставил существо хорошенько раскрыть рот, и я с опаской, постоянно ожидая, что мутант вот-вот дёрнется, вылила в оскаленный острыми зубами рот содержимое ампулы.

Наверное, прошло минуты две, прежде чем напряжённо вслушивающийся в существо в своих руках Дрейвен осторожно опустил его на пол. Ещё минута — и на земляном полу скорчилась неимоверно тощая женская фигурка. И до того она выглядела несчастной, что я, забыв о том, что её надо бояться, машинально подобрала всё-таки сброшенный плащ уиверна и укрыла её — чтобы только не видеть торчащих рёбер. Он её не кормит, что ли?

— Может, положить её на что-нибудь мягкое?

— Там, в углу, есть старый матрас. Сможешь расправить его? — оживился Дрейвен и нагнулся к женщине поднять её.

Я быстро разложила матрас — точнее, остатки былой роскоши под названием матрас, и Дрейвен перенёс несчастное существо (вместе с цепями на нём) уложить на истлевшие тряпки. Женщина, позвякивая цепями, вяло свернулась в клубочек, наверное, даже не заметив, что рядом кто-то ещё есть, и я снова укрыла её — на этот раз не плащом, а какой-то толстой, почти истлевшей тряпкой, взятой со стороны, из самого угла. К воню я уже притерпелась, так что сразу же спросила:

— А чем можно покормить её?

— Ничем.

— Не поняла.

— Она не может есть. Сразу тошнит. — И, помолчав, добавил: — Она умирает.

Некоторое время я смотрела на него в полном ступоре, а потом смогла спросить:

— А разве эти лекарства не помогают? Ну, например, то, которое ты ей сейчас принёс?

— Это не помощь, — безразлично сказал Дрейвен. — Когда всё это началось и Келли ещё могла соображать, она попросила меня... Она хочет умереть человеком, а не мутантом. А этот препарат возвращает в человеческую форму.

— Это Келли? — с ужасом спросила я.

— Да, это она. Пошли на кухню, там осталось немного кофе. Поговорим.

Пока шли через всю комнату на кухню, я про себя поклялась ничего тут не есть и не пить. Слишком... грязно вокруг. Но когда мы добрались до тесной комнатухи, где с трудом умещались узкий стол, что-то вроде скамьи перед ним и лежанка, на которой Дрейвен явно спал, я огляделась и признала, что предложенный кофе здесь могу и выпить. Чисто. Довольно уютно. Если забыть про умирающую женщину в комнате.

Дрейвен нашарил в висячем шкафу термос и поставил на стол. Быстро вынул две банки с отогнутыми и плотно пришиленными к самой банке краями — пить из них можно, не опасаясь порезать губы. Я украдкой заглянула в «кружки». Кажется, и впрямь чисто. Я не слишком брезглива, несмотря на обретенное богатство, так что выпью спокойно... Главное — начать разговор.

— Начнём? — словно подслушал меня Дрейвен. — Так с какой стати ты хочешь убить меня, в котором узнала какого-то Дрейвена?

Я понюхала налитый в «кружку» напиток, выигрывая время на раздумья и на ответ.

— Давай уточним. Мне нужно найти уиверна по имени Дрейвен Ши Ро и вернуть его на его планету. Это моя основная задача. А насчёт «убить» я пошутила. Образное выражение. Ну, типа: не мешай, а то убью.

— Странные у тебя образные выражения, — пробормотал он, совершенно безразлично отпивая кофе, «кружку» с которым держал обеими руками. — А зачем его возвращать?

— Он... родовитый, — медленно сказала я. — И должен сделать кое-что. Из обязанностей своего рода.

— Это может подождать?

— В смысле?

— Я не могу улететь с Керы, пока жива Келли.

Вот так просто он согласился лететь со мной? Невероятная удача. Казалось бы. Но почему мне кажется, что эта простота совсем не простая? Может, всё дело именно в его фразе насчёт Келли?

— Но это будет неизвестно когда, — неуверенно сказала я и, смутившись собственной жестокости, добавила: — Может, её взять с собой? И попробовать вылечить?

— Она умрёт сегодня. Возможно, через пару минут. Возможно, через несколько часов, — спокойно сказал Дрейвен. — Как только умрёт и я её похороню, мы можем улететь с Керы. Если ты уверена, что я настоящий Дрейвен и ни с кем меня не перепутала.

— А... Откуда ты знаешь? — Я чувствовала, что мне всё трудней разговаривать с ним.

— Я немного чувствую живых, — пожал плечами Дрейвен. — Мне сказали, это называется эмпат. Так вот... Я чувствую, что Келли умрёт. А кто ты?

— Я... — Да, а кто я? Как сказать ему, чтобы он не отказался лететь со мной на Уиверн? — Я одна из твоего рода.

— Родственница, — он улыбнулся одними уголками губ. — Приятно осознавать, что не один на свете.

Всё-таки с ним очень тяжело разговаривать. Особенно, если вспомнить, что я представляла его себе совсем другим — неистовым, бешеным зверем, а разговариваю, по ощущениям — с очень отстранённым человеком, который сосредоточен на какой-то мысли, из-за чего выглядит отдалённым от всех.

— Как тебя зовут, родственница?

— Лианна.

— Чем я тебе не угодил, Лианна, если, увидев моё лицо ещё там, наверху, ты схватила за оружие?

Дьяволы!.. Он умеет задавать конкретные вопросы.

— Давным-давно мы с тобой здорово поцапались и так и не помирились.

Он кивнул, словно рассеянно воспринимая информацию. И только после этого кивка я внезапно сообразила, почему он такой отстранённый: он прислушивается к оставленной на подстилке Келли! И поспешно спросила, боясь, как бы он не задал ещё какого-нибудь неудобного вопроса:

— Ты так легко согласился поехать со мной. Тебе не жаль оставлять Керу?

— Я всегда чувствовал себя здесь чужим, — напряжённо ответил он и вдруг глубоко вздохнул. — Но теперь... Теперь... когда Келли умерла...

Меня обдало холодом. Секунды я сидела неподвижно — из-за шока. Затем вскочила и выбежала из кухни. Келли лежала так, как мы её оставили: скорчившись, укрытая той же самой тряпкой, тихая, словно уснувшая. Здесь же лежал бронированный кот, который даже не оглянулся на мои шаги — настолько был сосредоточен на созерцании жалкого тельца, еле прикрытого рваньём. Зато оглянулся на шаги Дрейвена. И даже приветственно мурлыкнул... Я осторожно обошла кота и отогнула край тряпки... Не дышит.

— Можно мне будет забрать с собой Мисти?

Дрейвен стоял на пороге кухни, безразлично «глядя» на тело женщины.

— Может, сначала решим вопрос её похорон? — сухо спросила я. Его безразличие начинало раздражать.

Он молча прошёл вперёд, опустился на колени рядом с мёртвой женщиной и осторожно освободил её от цепей. Подтащил тело, закутанное в тряпку, к себе, обнял. Снова замер незрячими глазами на мне, баюкая её, словно она спала.

— Ты правда мне родственница? Близкий человек?

— Правда.

— Мне надо сказать тому, кто мне близок... Ты поймёшь. Знаешь, что самое страшное на свете? Это когда умирает тот, кто спас тебя, а ты не мог раньше сообразить, что есть средство от этой смерти. Я ношу лекарства остальным, чтобы они не мутировали, как Келли, только благодаря ей. Когда она заболела, пришлось напрячь память и вспомнить многое. Помогла вирт-связь. Я стащил прибор у одного типа... И узнал, что фармакологи Керы давно и неплохо изучили феномен таких вот изменений организма, что есть средства, чтобы остановить процесс... Но с Келли я опоздал. У неё процесс мутации зашёл слишком далеко.

Он замолчал, глядя мёртвую женщину по всклокоченным волосам.

— Наверное, для тебя всё это сумбурно. Подожди меня здесь. Не уйдёшь?

— Я буду на кухне, — поспешно сказала я, поднимаясь с корточек.

... Он вернулся через полчаса. Один раз я осторожно, украдкой выглянула в комнату: ни его, ни женщины там нет. Наверное, унёс куда-то — похоронить.

Он вернулся и сел за стол, положив на него большие руки. Лицо какое-то освобождённое. Но морщины у носа не разгладились. Тем не менее я спросила:

— Ты так быстро доверился мне, когда я сказала, что твоя родственница. А если ты ошибаешься? Если я кто-то другой? Не боишься вот так доверять незнакомому?

Он поднял на меня пустые серые глаза. Лицо не дрогнуло, когда он ответил:

— У меня был случай, когда хотели влезть в доверие. Но меня отталкивало от этого человека, и, как выяснилось, я был прав. К тебе меня тянет... Как тянуло к Келли.

Отталкивало, тянет... Кажется, он не только эмпат. Он чувствует не только испытываемые чувства, но и невидимую энергию человека? Сама я в этом не очень разбираюсь, но слышала, что есть такие... Но почему его тянет ко мне — его ненавидящей? Почему он не чувствует этой ненависти?

— Келли нашла меня в какой-то норе. Человек мог в неё протиснуться, «паук» — нет. Но тот «паук» пытался не втиснуться, а кого-то достать рукой и никак не мог дотянуться. Она пристрелила «паука», сама залезла в дыру и там нашла меня. Она сказала, я был избит так, будто меня какой-то великан бил, держа за ноги, об стену. Она позвала жителей нашего района, и меня принесли к ней. Она выхаживала меня недолго. Сказала, что раны заживали быстро. Почти сами по себе.

Я снова взглянула на Дрейвена. Он даже не поинтересовался за эти три года, у какой расы процесс заживления ран и порезов идёт очень быстро?

— А потом Келли научила меня жизни в нижних ярусах Керы, а Руди (это тот, который снял с меня жилет с препаратом) научил, как проникать на верхние. И приносить лекарства. Их приносил один из знающих, где можно раздобыть препараты. Та комната, где ты меня нашла, была местом встречи. Теперь придётся искать другую.

— А почему посылали тебя? Ты же слепой?

— Слепому всё равно, надо ли слушать темноту или свет.

— А как ты ослеп?

— Всегда такой был, — немного удивлённо сказал он. — Или нет?

— Нет. Не всегда, — хмуро сказала я. — Но ты точно пойдёшь со мной?

— Сейчас соберусь... Мне бы переодеться. Эта одежда до сих пор в крови «пауков».

Он говорил всё медленней, и его движения становились всё плавней, и я никак не могла понять, что с ним происходит. Такое впечатление, что ему очень не хочется уезжать с Керы. Может, я всё-таки его напугала? Или он всё-таки сомневается, что он Дрейвен?.. Нисколько не удивилась, когда он повернулся к тому же висячему шкафу. Открылись дверцы. Он вынул с верхней полки стопку одежды, положил на лежанку.

Честно, у меня рот открылся, когда он сбросил заскорузлую от крови рубаху, стоя ко мне спиной. Буквально секунд пять пришлось созерцать его спину, пока он не накинул такую же, только чистую рубаху. Места живого нет!.. Он сказал со слов Келли, что им били об стену? И за три года следы не стёрлись! Да его будто перепыхали!.. Я содрогнулась — он обернулся, застёгивая пуговицы.

— Что?

— Всё нормально, — хмуро сказала я. Услышал? Что изменилось моё настроение?.. Мысли пошли по другому руслу. Я поймала себя на том, что не соотношу этого уверна с тем Дрейвеном, который надругался надо мной. Может, это не Дрейвен? Просто похож?

Он ещё немного постоял, прислушиваясь ко мне, а потом снова принялся за сборы. Он обыскал всю кухню, выгаскивая из самых немыслимых мест оружие, а я помогала ему этим оружием экипироваться. И меня всё больше раздражало, что он вялый и какой-то занудно тягучий.

— У тебя есть предположение, как мы должны выбираться с нижних ярусов?

— Надо вернуться к твоей комнате, — задумчиво сказала я. До сих пор я как-то не задумывалась о пути назад. Мне казалось, что главное — это согласие Дрейвена вернуться. А уж там... Как-нибудь да выберемся.

Он будто нехотя пробежался ладонями по всем тайникам с оружием на себе, вздохнул и

негромко спросил:

— А как ты прилетела сюда? Кто с тобой был, кроме тех, кого застрелили рядом с моей комнатой?

Значит, телохранители погибли. Не верить тончайшему, паранормальному чутью Дрейвена смысла нет. Наверное...

— Если выйдем на поверхность, на верхние ярусы, я позвоню по вирт-связи Адэру Кейдну — это начальник службы безопасности нашего дома. Если к тебе вернётся память, ты его узнаешь. Он один из организаторов поездки сюда. И он должен быть здесь.

— На Кере не всегда можно быть в чём-то уверенным, — пробормотал Дрейвен. — А ещё меньше надо быть уверенным, что нужный человек именно там, где ты его ждёшь.

Мне показалось, я сообразила, почему медлит Дрейвен. Причём чем дальше, тем неохотней он собирается. Кажется, он жалеет о собственном решении покинуть Керу. До сих пор эта планета была для него надёжным убежищем — с момента, как он очнулся и ему рассказали, где он находится.

Меня даже встревожило, как бы он не передумал улетать отсюда.

А тут ещё... Он стал даже не столько вялым, сколько даже задумывающимся. Он делал движение поднять руку и забывал об этом, когда приподнятая рука уже нелепо провисала в воздухе. Он снова шагал к висячему шкафу и замирал перед ним, будто забывал, для чего именно приближался к нему.

Одновременно я испытывала насторожённость: а вдруг с ним всё-таки что-то не так? Может, влияние нижних ярусов на его психику всё-таки тоже произошло? И эта насторожённость постепенно смешивалось с раздражением, близким уже к бешенству: да побыстрей же ты двигайся!

Но пока я терпела.

Хотя руку осторожно, стараясь не делать лишних движений, снова сунула под куртку обхватить рукоять ПШ. Так стало легче...

Вот он от шкафа повернулся ко мне — и снова впал в состояние, близкое к забытию... Жаль, глаза слепые: не разглядишь хоть по ним, что с ним происходит. Поднял руку подхватить пальцами капюшон — наверное, накинуть на голову. Зачем? Здесь, на нижних ярусах, на улицах, и так темно, что лица не разглядишь... Снова застыл.

Но лицо... Из расслабленного оно вдруг мгновенно стало жёстким... И это меня напугало. Теперь затаилась я.

А если он постоянно мне врал? И зверь, который скрывается до поры до времени внутри него, тот зверь, который был спущен рассудком на волю однажды, сейчас вот-вот будет спущен с психического волевого поводка снова?.. Я уже додумалась до самых диких предположений, пока смотрела, как его лицо буквально худеет от напряжения: а если Келли умерла не сама, а была им доведена до такого состояния? И тут появилась я — и он моими руками убил её? И не утешало уже даже воспоминание, как радостно нас встретили люди, защищавшие этот район яруса от мутантов; как они спрятали нас за свои спины; с какими счастливыми улыбками смотрели, как с Дрейвена снимают жилет с драгоценным для них лекарством...

И последняя — оборванная на высшей точке ужаса мысль: а если он сейчас почуял мои не самые лучшие эмоции, направленные на него? Почуял мой страх? Не заставит это ли Дрейвена сорваться из шаткого покоя, чтобы накинуться именно на меня?!

Пронзительный, сквозь голову свист. Сумасшедше стремительным движением Дрейвен

ударил ладонью по стене — и слабый свет на кухне померк. Он ещё мерк — как мне причудилось, а длинное тело уиверна камнем перелетело через стол, ко мне. Удар по губам, зажавший мне рот, я свалилась в сторону — придержанная его руками, на него. А потом уиверн перекатился (поразительно: как он это сделал в узком, тесном пространстве?!), и я оказалась под ним.

У меня чуть сердце не оборвалось!..

Очухалась быстро. Но... Вытаскивать оружие — при этой его бешеной скорости?! Дьяволы, что сейчас со мной будет?!

Я только напряглась сопротивляться, как вздрогнула от резких выстрелов, звериного воя и рычания и отчаянных криков людей, раздавшихся настолько близко, словно — вот оно, прямо за стеной.

Кто-то прыгнул к нам, в закуток между столом и стеной. На прогнувшееся под тяжестью прыжка плечо Дрейвена. Я дёрнулась, ничего не понимающая, но ужаснувшаяся до предела. Прямо в ухо, касаясь его губами, мне прошептали:

— Это Мисти. Не кричи, ладно?

Меня успокоили не столько шёпот или информация, сколько выдохнутое Дрейвеном тепло, мягко обвеявшее моё ухо. Я обмякла. И только сейчас почувствовала, что ладонь уиверна снова защищает мою голову от любого удара. А потом услышала, как кот проскользнул между нашими телами и сел — задними лапами на пол, передними — мне на плечо. Мне даже показалось — я слышу, как он сопит.

И теперь я тоже напрягалась в старании понять, что происходит: отчего этот страшный звуковой бедлам, который словно тем самым жутким туманом, уже ранее виденным мной, накрыл недавно спокойное место. А услышала совсем другое — наверное, именно то, к чему только что прислушивался Дрейвен: дверь в пустую комнату, где раньше была Келли, открылась, затем — чьи-то мягкие, знакомо мягкие шаги будто бы двух человек. Шаги людей, которые вроде шли вразнобой, а на деле — топот одного существа на четырёх конечностях. «Паук».

Пытаясь дышать как можно незаметней, я прислушивалась к вкрадчивым шагам мутанта, когда почувствовала, как кот положил морду на моё плечо — пригибаясь ещё сильнее, даже вжимаясь в меня. И услышала даже сквозь грохочущие вокруг вопли и выстрелы: мягкие шаги буквально втекают в комнату! Сколько же их, этих «пауков»?!

Даже шелеста одежды не слышала, когда уиверн скользнул надо мной, освобождая моё тело от его защищающей тяжести. Резкая пулемётная очередь — и оглушительный крик многих рычащих глоток!

Кот отпрянул от меня, словно выпуская. Я вскочила. Не вижу! Ничего не вижу! Как стрелять в такой тьме?! Я не Дрейвен, но помочь-то ему надо!!

Но, как выяснилось, не видели и «пауки»!

Один из них, проломив своим тяжеленным телом кухонный стол, рухнул на меня, прижав к стене. Дрейвен отстреливался, вертясь уже посреди комнаты, и, вероятно, не заметил, как одна зверюга проскользнула на кухню.

Мисти не удрал — зашипел на «паука». Тот, ещё не понявший, что упал на человека, заметил главную угрозу — в лице отскочившего бронированного кота — и замахнулся чудовищно громадной конечностью... Прибьёт ведь, как муху! Обозлённая, с застрявшим фиг знает где (между собственным телом и обломками рухнувшего под тяжестью «паука» стола) пулемётом, я вдруг сама превратилась в разъярённую кошку и, зашипев не слабее

Мисти, ударила мутанта — не кулаком, а растопыренными пальцами, метя в шею!

Выстрелившие из пальцев когти располосовали мягкую, всё ещё человеческую кожу «паука» — к сожалению, лишь на плече. Мутант от боли взревел и дёрнул головой кверху. Кошачья лапа ударила снова — по открывшемуся, незащищённому горлу! Теперь я видела силуэт «паука» на фоне сумеречной комнаты, куда шёл свет с улицы, и промахнуться не могла!

Кровь брызнула на меня, а я всё втискивала и втискивала когти в мягкую, влажную плоть, сжимая пальцы в кулак и лишь изредка встречая сопротивление связок и костей. Другой рукой я отталкивала чудовищные руки, беспорядочно молотящие перед моим лицом, а мутант задыхался, пока я не прервала его агонию — сжала, наконец, кулак до конца и сломала ему шейные позвонки.

Метнувшийся из комнаты в кухню смерч в мгновение снова очутился рядом со мной. Два определяющих, что именно произошло, шлепка ладонями по придавившей меня туше — и Дрейвен так же мгновенно решил мою проблему, да ещё одним выстрелом убил двух зайцев: с невероятной силой он ухватил сдохшего «паука» за конечности, приподнял и с размаху, с полуоборота вокруг себя, швырнул мертвое тело в дверной проём. Два уродливых силуэта, только-только было выросших и задвигавшихся на пороге, тут же снесло назад, на взвизгнувших от неожиданности агрессоров внутри комнаты.

— Ты жива? — мокрые от крови (чьей?!) пальцы скользнули по моему лицу.

— Да! — выдохнула я, стараясь изо всех сил вылезти из ловушки между столом и стеной и мыча от раздражения, что не получается.

Дрейвен подхватил меня под мышки и рывком выволок из капкана. Я только и успела пнуть останки стола, едва ноги задвигались.

Выдрал он меня вовремя.

Не сразу сообразившие, в чём дело, «пауки» несколько секунд — кто растерянно визжал, выбираясь из-под свалившегося на них тела (сбило, я так поняла, троих), кто, потеряв ориентиры — в самой кухне же темно! — кружил по комнате. Это дало нам немалую фору. Когда первый всё-таки снова, правда, уже не столь уверенно оказался на пороге, уверн врезал ногой по стене, у которой меня придавило. Я крепко обнимала его за шею, чтобы его руки-ноги были свободными. Но обнимать было нетрудно и одной рукой: плащ на нём не застёгнут, так что я обвила ногами его пояс — и, слава небесам, на нём нет твёрдого жилета! На этот раз я всё-таки умудрилась положить на его плечо пулемёт. Озлившиеся «пауки» рванули на звук пробиваемой дыры — и тут я наконец дала очередь. Стрелять с его плеча было трудно — Дрейвен прижимал меня к себе очень плотно. Но одной очереди хватило, чтобы мутанты шарахнулись от кухни, остервенело вопя.

Ещё один удар. Я увидела, как за клубилась пыль в месте слома. Там свет!.. Удар третий — и Дрейвен перепрыгнул через ощеренную кромку дыры и кинулся куда-то. На всякий случай я снова дала очередь. Она прошла мимо чёрной дыры, но мелькнувшие в ней тени убедили меня, что очередь оказалась не напрасной: на некоторое время отпугнула «пауков» от желания преследовать нас.

Где мы? Я немедленно убрала пулемёт — не в кобуру, естественно. До неё не дотянуться сейчас. Просто сунула между нами, с внутренним нервным смешком вспомнив старинную сказку, как рыцарь и прекрасная дева, предназначенная для короля, спали вместе, но разделённые мечом... Оружие я убрала, не желая, чтобы оно вылетело из рук в самый неподходящий момент, потому что Дрейвен бежал узким переулком, между двумя стенами, высоте которых наверху (я задрала голову раз) не видно конца. Переулок был настолько узок, что я невольно вжала голову в сжатые же плечи.

— Дрейвен, они нас не найдут по следам?

— Не успеют.

Что значила его фраза, я воочию увидела через некоторое время, после того как уверн, прижав мою голову к себе, заскочил за угол. Здесь он спустил меня на дорогу и стремительно развернулся к повороту. Быстрое бросающее движение рукой. Снова схватил меня за руку и потащил дальше, уже высвистывая дорогу... Секунды — и свист потонул в

грохоте взрыва.

Горячим воздухом, наполненным пылью и песком, из переулка нас только слегка опажнуло — отбежать успели довольно далеко.

Укоризненное ворчание снизу заставило вздрогнуть лишь одну меня. Дрейвен только усмехнулся. А я машинально перевернула экран включенной вирт-связи, подсвечивая дорогу под ногами. Ничего себе — Мисти здесь! Он что — бежал за нами всё это время? У меня на сердце потеплело. Если он привык к дому, к определённым людям, которые хоть и не кормят его, но позволяют оставаться в доме, под крышей, ему, наверное, тяжело было бы стать бездомным. Если он пойдёт за нами... Знать бы ещё куда.

Совершенно машинально, видимо из-за включенного экрана, я попыталась дозвониться до Адэра. Увы... Как и предупредили меня ещё на верхних ярусах, на нижних связь не работала.

— Что у тебя в руках?

— Вирт-связь.

— Здесь не дозвонишься.

— Знаю.

Свист. Очень слабый. Здесь, в этом переулке, видимость небольшая — откуда-то сверху шёл свет, но очень тусклый. Но я всё-таки разглядела, что собранные для свиста губы Дрейвена сморщились в болезненной гримасе. А поскольку держала его за руку (пardon, это он меня держал за руку), то ничего удивительного, что я прочувствовала его пульс, торопливый и неровный. Брендон пару раз переболел, и я привыкла понимать по биению пульса, что с человеком неладно.

— Здесь есть место, где можно отдохнуть?

Я хорошо понимала: он не захочет остановиться, если я напрямую скажу, что хочу осмотреть его, нет ли у него, мягко говоря, повреждений кожи. Особенно, если вспомнить, что он и на моём лице оставил следы крови, когда пытался определить, всё ли со мной в порядке. Знать бы ещё, следы чьей крови... Но, если он ранен — а с «пауками» это наверняка возможно, — значит, надо хотя бы продезинфицировать раны. И есть чем. В моём ремённом поясе прячется мини-аптечка. Адэр настоял.

— Ярусом выше. Пошли?

Он даже не спросил, сильно ли я устала. Что ж. Здесь он ориентируется лучше меня — и, значит, лучше понимает обстановку... Слушая свист (а куда денешься?) и машинально продолжая сжимать его горячую ладонь, я спешила за уверном, лишь выразив промелькнувшее соображение:

— А тебя искать не будут? Те, кому ты помогал?

— Когда хоронили Келли... — У него, неожиданно для такого до сих пор бесстрастного, перехватило дыхание, и он некоторое время молчал. — Я предупредил Руди, что теперь, когда Келли нет, я уйду. Меня здесь ничего не держит.

Теперь я бежала рядом с ним молча. Я не спрашивала больше ни о чём, хотя на языке вертелся вопрос: почему ты так легко пошёл со мной? Неужели только потому, что я сказала тебе, что я твоя родственница?.. И это был только один из вопросов — к нему. К себе вопросов накопилось больше. И главный из них: почему я признаю, что к этому уверну у меня нет ненависти? Почему я не воспринимаю идущего рядом, как существо, ненависть к которому я лелеяла целых три года?

— Тихо...

Уиверн остановился, прервав мои размышления, и обхлопал стену слева. Пустой зазор между стенами, в котором мы шли до сих пор, напоминал улочку лабиринта. И я удивилась, почему Дрейвен остановился именно здесь. Мисти задрал башку к невидимому потолку где-то там, наверху. Неужели он что-то понял? Или увидел?

Замерев, Дрейвен поднял ладонь выше и сильным толчком выбил плитку, покрашенную под сплошную стену. Потом ещё одну.

Я нервно оглянулась. Кажется, начиная здесь привыкать к жизни настороже, я становлюсь такой же чуткой, как обитатели нижних ярусов. И сейчас мне показалось, что навстречу нам кто-то идёт. Ступая слишком мягко. Ещё одна банда «пауков»? А ещё показалось, что становится странно тесно за нашими спинами. Если сейчас нас здесь, в узком месте, возьмут в клещи, сможем ли мы отбиться? А может, у меня начинает развиваться клаустрофобия в ограниченном бесконечными стенами переулке?

Дрейвен, между тем, снял уже несколько плиток, обнаруживая довольно широкую дыру. Обернувшись ко мне, он коротко свистнул. Неслышный, но пронизывающий звук скользнул чуть стороной, едва задев меня. Наверное, он понял, что мне не нравится это просвистывание пространства, и старается не слишком задевать меня им.

— Я подсажу тебя на стену, потом подам Мисти, — тихо сказал он.

Я встала перед ним, вертя головой по сторонам. Клаустрофобия или нет, но мне всё больше казалось, что нас окружают.

Дрейвен быстро и чётко поднял меня за подмышки и посадил наверх, в дыру, где я удобно села, как раз лишь слегка склонив голову. Я оглянулась. Здесь придётся идти, пригнувшись. Но это не страшно. Лаз, наподобие вентиляционной трубы, закрытый со всех сторон, без бесконечного вверх узкого пространства над головой, казался гораздо безопасней тесного коридора, где до сих пор стоял уиверн.

Он, кстати, уже наклонился за котом. Я быстро подтянула ноги и встала на колени. Мисти нисколько не удивился и не обозлился моим рукам и благополучно был поставлен рядом. Кот чуть отошёл и сел, терпеливо дожидаясь нас. Дрейвена втаскивать не пришлось. Он сначала передал мне плитки, которые выломал, создавая дыру, а потом уже влез сам, подтянувшись на руках.

Пришлось затратить пару минут ещё и на то, чтобы вложить плитки на место, создавая иллюзию сплошной стены. Хотя меня так и подмывало спросить: а если они почуют наш след наверху? Успокоилась, лишь вспомнив изуродованные пальцы «пауков»: пусть мутировавшие, они всё равно оставались гладкими и скользили бы по гладкой стене. Опасаться надо высоченного ногастого, а тот в этот узкий переулок не поместится. Широковат для него.

— Устала? — спросил Дрейвен. — Сейчас дойдём до угла, там есть место посидеть.

Угол нашёлся в десяти минутах — ходьбы ссутулившись.

Сначала показалась развилка на четыре стороны. Дрейвен уверенно свернул направо — и странная труба, по ощущениям, немного подняла нас. Угол оказался небольшим тупиком, нишей, где могли уместиться двое с котом. Отсюда был один-единственный выход, так что я наконец засунула в кобуру пулемёт, который до сих пор просто боялась выпустить из рук. И здесь была даже такая роскошь, как выдающийся из стены выступ, на который можно присесть.

Что я и сделала: устало присела рядом с уиверном и вытянула гудящие от напряжения ноги. Голодная. Удалось лишь попить предложенного кофе — да и то, всего пару глотков.

Знала бы, как будет, вышила бы всю банку. Усталая, несмотря на то что насиделась немало времени в кухне убогого прибежища Дрейвена. Голова кругом — от обрушившихся на неё событий и новостей, перевернувших моё представление о многом.

— И часто они прорываются? — безразлично от усталости спросила я.

— Бывает...

Он сидел рядом, опустив голову. И я сразу вспомнила.

— Повернись ко мне. Надо почистить твоё лицо.

— Перетерплю, — буркнул он.

— А я — нет. Ещё не хватало заразу с собой тащить. Вдруг меня заразишь? Повернись ко мне!

Дрейвен ещё немного посидел в той же позе и выпрямился — лицом ко мне.

Я встала, задрала на себе куртку и расстегнула пояс полувоенного образца — со множеством мелких, полезных в экстремальных ситуациях вещей.

Через минуту, подсвечивая себе экраном вирт-связи, я осторожно отмывала и дезинфицировала его царапины. Он вздрагивал и морщился — но не столько болезненно, сколько недовольно. А я вытерла ему лоб — мелкие царапины и порезы высыхали мгновенно после чистки дезинфицирующей жидкостью — и со странным ощущением, в котором не было места чувству отторжения, отмывала ему лицо далее. Пока только его левую скулу пришлось залепить схватывающим, словно пластырь, клеем.

Немного посомневавшись, я решилась всё-таки промокнуть ему кожу вокруг угрюмо сжатого рта.

Он схватил меня за кисть внезапно — движением стремительным и сильным. Как будто поймал на лету... И опять я вдруг поняла, что не испугана, а лишь полна ожидания: объяснит ли, зачем он это сделал?

— Мы... очень сильно поссорились?

— Да. Ты меня обидел. Оскорбил.

— Наверное, я был полным идиотом, если это сделал.

Если?.. Мгновенным эхом — слова Адэра: «Даг-ин Дрейвен никогда себе не позволял такого в отношении женщин». И я выдавила из себя:

— Почему?

— Я чувствую между нами такую связь, какой никогда не чувствовал даже с Келли.

— Ты её любил? — быстро спросила я и закусила губу: ответит ли?

— Наверное, да. Но я любил её, как любил Мисти. Они очень похожи: Келли тоже любила гулять подолгу и часто пропадала так, что я уже думал — она уже не вернётся. Я... любил её как часть нашего дома.

— Мисти пошёл с тобой, — сказала я, не зная, как сформулировать вопрос.

Он понял.

— Мисти я нашёл котёнком в прошлом году. Это мой... мой зверь.

— Почему ты так легко пошёл со мной? Только из-за того, что чувствуешь эту связь? — Я всё-таки не выдержала и спросила. — А вдруг ты обманываешься? И ко мне чувствуешь совсем не то, что... Не знаю, как сказать.

— Я могу только повторить это. — Он отпустил мою руку, странно поглаживающим движением скользнув пальцами до локтя. — Чем дольше я с тобой рядом, тем сильнее эту связь чувствую. Как будто есть нечто, что нас соединяет.

Я похолодела: он говорит о Брендоне! Но испуг быстро прошёл. Мало ли что он говорит.

Может, он просто устал жить здесь, на нижних ярусах Керы, и хочет уйти от всего этого? Попробовать расспросить? Плохо, что за собой знаю одну не очень хорошую черту: я не умею быть тонкой в расспросах. Чаще говорю напрямую, чем лавирую в наводящих вопросах. Ну и ладно!

С каким-то щемящим чувством я провела очищающим пластырем по глубокой морщине вокруг его рта, словно в попытках разгладить её, и сама смутилась. Но всё же решилась. Подумала немного и спросила:

— Но разве тебя здесь ничего не удерживает? Здесь у тебя друзья — тот же Руди. Ты пробыл здесь несколько лет — наверное, привык к этому месту?

— Тебя это так интересует?

— Нет, я хочу понять. Почему тебя на этом месте удерживала лишь Келли — и то, до поры до времени?

— Не знаю... — Он набрал воздуха вздохнуть и затаил дыхание, будто побоялся вздохнуть слишком явно. — Здесь я всегда чувствовал странное одиночество. Келли, в сущности, было всё равно, есть я или нет. Руди использовал меня чаще как личного агента. Мне даже всё равно, что случится с этим местом. Я всегда здесь делал лишь то, что мне говорили. Потому что так было легче. Не надо постоянно думать, кто я на самом деле. Почему я быстро и легко разбираюсь с оружием и с различным оборудованием для взрывов на расстоянии или для приборов связи. Почему на меня несколько раз нападали наверху совершенно незнакомые люди и пытались, как они объясняли, отомстить мне за прошлые грехи. И никто даже не пытался объяснить, что за грехи, кто я такой был в прошлом. Ты — знаешь?

— Знаю, — тихо ответила я. — Но пока говорить не буду.

— Тоже боишься? — безразлично спросил он. И я хоть и не сразу, но сообразила, что он имеет в виду — «тоже». Я даже хмыкнула от неожиданности.

— Ты их убил?

— Пришлось. Или они... — Я уже ожидала продолжения «или я», но он спокойно добавил: — Или лекарства для наших.

И замолчал, а я, с усмешкой поглядывая на него, думала: вот представить это трудно, а каково ему было, когда он вдруг обнаруживал в себе все особенности охотника за преступниками? Но улыбка быстро сошла на нет, когда подумалось: а каково ему было, когда незнакомые люди начинали охотиться на него самого?

— Значит, одиночество... — подтолкнула я его.

— Да, одиночество. Я чувствовал, что я... нездешний. Что это не моё место — во всех смыслах. Я постоянно ждал, что кто-то придёт и скажет, кто я... Или кто-то придёт и хотя бы скажет: твоё место не здесь... И мне не хватало рядом кого-то... Насколько мы родственники, Лианна? Почему-то мне кажется, у нас были очень близкие отношения.

— Ты!.. — Даже во внезапно вспыхнувшей ярости я смогла взять себя в руки и жёстко сказать: — Давай не будем этого касаться.

Лежавший на полу, у наших ног, свернувшись клубком, Мисти вздохнул, показалось, вместо Дрейвена. Дрейвен же застыл, снова отвернувшись. Но и я больше не могла протирать ему лицо, хотя — даже по взгляду мельком — было ясно, что по крайней мере две глубокие царапины остались необработанными.

Прошло, наверное, минуты две тягостной тишины, пока Дрейвен не проговорил:

— Прости, Лианна.

За что он просил прощения? За то, что когда-то натворил что-то сейчас неведомое ему? За то, что обидел тогда, а теперь, по моей вспышке, понял, что обидел и впрямь очень сильно? За то, что привёл меня в ярость, — ведь мои эмоции ему доступны?

Покосившись на его понурую голову, на всклокоченные чёрные волосы, на кисти, безвольно повисшие, когда он опёрся руками о колени, я тоже тихо вздохнула. Не надо бы ссориться. Нам ещё выбираться из этого кошмара. И, дотянувшись, я нерешительно положила пальцы на его ладонь.

— Извини, не хотела так резко...

— С тобой я не чувствую одиночества, — тяжело сказал он. А через мгновение вскинул голову, прислушиваясь. — Тихо, — уже одними губами произнёс он.

Мои пальцы разом слетели с его ладони на рукоять пулемёта. Машинально взглянув на Мисти, я затаилась: кот уже стоял и принюхивался, кивая круглой бронированной головой, к выходу из тупика.

Раскрылись губы уверна. Свист.

От выхода раздалось низкое утробное порывание. Кажется, неизвестному пришельцу не понравился пронизывающий уши и тело свист. Кот медленно попятился, втискиваясь в наши ноги. Заворожённая странным рыком, я не сразу заметила, что Дрейвен уже стоит. Причём стоит не просто так: руки чуть приподняты вытянутыми ладонями вперёд. Ножи в руках. Значит, уверн не хочет стрелять. Боится шумом привлечь кого-то пострашней этого, рыкающего?

Мы и так видели друг друга еле-еле — экран вирт-связи я давно отключила, но теперь нечто надвинулось, так плотно закрыв вход в нишу, что стемнело — хоть глаз выколи. Быстрое движение, начала которого я даже не почувствовала, — и я оказалась задвинутой в самый угол, а потом мне в руки ткнулось что-то мягкое, но тяжёлое: уверн сунул мне кота. И почему-то мне показалось, что кота Дрейвен дал мне подержать с определённой целью — не мешать ему.

Дальнейшее уплотнилось для меня в сумеречное движение, когда уверн кинулся в какие-то два шага вперёд, в оторопевшее заикание вместо рёва, глухие удары и стон убиваемого громадного зверя... И всё это вдруг упорядочилось в мысль страшную, но единственно логичную: можно было убить зверя выстрелом! Но Дрейвен хотел и убивает его руками! Что произошло?! Он так стравливает то напряжение, которое появилось после моих слов, сказанных в ярости?

Мисти прижимался ко мне, словно выполняя приказ хозяина не подпускать меня и близко к схватке. Я — не думала приближаться. Я стояла, оцепенев. Смотрела на неясное движение, на сильное движение, сопровождаемое звуками злобы и боли, — такое сильное и стремительное, что чудовище, перегородившее ход из ниши, не могло сопротивляться... И думала только об одном: этот Дрейвен другой. Это не тот Дрейвен, которого я искала! И что мне теперь с этим делать? Как мне теперь с этим жить? Сейчас перед глазами именно тот самый удобный момент, когда так легко выстрелить ему в спину, оставив на съедение всем зверям и мутантам нижних ярусов... Оставить бы... Но ведь я уже не могу этого сделать. Никогда.

Он грохнулся к моим ногам. Даже оцепеневшая, я подспудно испугалась не того, что вот сейчас отбросивший уверна зверь сунется в тупик и доберётся до меня. И тогда всё зря... Я испугалась, что никогда не увижу Брендона...

Но чудовище там, в коридоре у входа, хрипело, булькало — кашляя, задыхалось, словно

у него хватило сил лишь на последний рывок: отбросить своего убийцу от себя, чтобы умереть спокойно.

А Дрейвен у моих ног завозился, пытаюсь встать. Я ещё равнодушно подумала, не стукнулся ли он головой. Всё-таки ниша здесь узкая. Стояла, и даже мысли не возникло помочь ему подняться на ноги. Он справился с этим без меня.

Встал — обернувшись ко мне, тяжело и осипло дыша. Пренебрежительно к умирающему неведомому зверю. Я знала, что он сейчас сделает, но сопротивляться не собиралась. И он сделал. Отобрал кота, посадив его на приступок. Одну руку — мне на плечо. Другую поднял уже медленней, но не боясь, что я буду сопротивляться, а потому что боялся другого — что отшатнусь. Но я стояла спокойно. Он коснулся пальцами моего лица и медленно провёл ими сверху вниз, то и дело останавливая их движение и изучая. Он «видел», что я спокойна, но хотел убедиться. Пальцы остановились на моих губах. Обвели их так легко, будто он страшился, как бы я не укусила. И только после этого Дрейвен нагнулся ко мне и поцеловал.

Вытянувшись жёстким, напряжённым солдатиком, я перетерпела ожидаемое. Поцелуй получился короткий, почти дружеский. И Дрейвен не пытался взять больше того, что получилось... Просто застыл — губами к моим губам, всего лишь касаясь, но так, что у меня — мурашки по телу, и будто выжидая, позволю я дальнейшее, нет ли... Додумать я не успела, да и думалось обрывками: «Если он сейчас не перестанет... Буду стрелять...»

Его способности эмпата сработали, хотя он предупреждал, что они слабые. Выпрямился... Заглянуть бы в его глаза. Пусть и слепые.

— Ты... ненавидишь меня. Но всё равно приехала.

— Всё равно? Не обольщайся, — холодно сказала я. — Если бы необходимость не заставила, я была бы рада забыть твоё имя.

Ладони с моего плеча он так и не убрал, и тепло быстро перерастало в обжигающую горячность. Я чувствовала его пальцы, вцепившиеся в меня, словно в попытке удержать (или удержаться самому?), хотя мне некуда деться в замкнутом пространстве тупика...

Глупая самопроверка на личную вшивость удалась. Правда, она оказалась с небольшим изъяном: в качестве подопытного был не тот Дрейвен, который несколько лет назад, озверевшим, набросился на меня. Но, даже зная, кто целовал меня, я выстояла, не расклеилась. Гордиться этим? Что близко подпустила к себе того, воспоминание о ком заставляло кричать по ночам? Легче — жёлчно обозвать себя дурой. Хотя бы в мыслях.

Зато теперь знаю: этого Дрейвена бояться не стоит. Тем страшнее ожидание, когда вернётся настоящий Дрейвен.

— Мы будем выбираться отсюда? — сухо спросила я. — Чего ждём?

— Будем.

Горячие пальцы нехотя съехали с моего плеча. Потом меня передёрнуло, когда он, не предупреждая, проехался ладонями по моим бокам, чтобы поднять меня и поставить на приступок, а потом рядом со мной и Мисти.

— Не думаю, что тебе понравится прогулка по ещё тёплому мясу, — сказал он из темноты. Судя по движению, отвернулся и пошёл дальше, к выходу.

Потом я услышала длинный металлический скрежет вынимаемого из ножен длинного оружия и странные, но очень знакомые щелчки. Прежде чем раздались другие звуки, больше напоминавшие разделку туши мясником, я озадаченно нахмурилась. Щелчки... Так пощёлкивает оружие — одно из уивернских, ритуальных — меч, в современной интерпретации своей состоящий из нескольких сегментов для удобства ношения. Странно. Оружие оставили Дрейвену?

Ничего не понимаю. С самого начала меня интересовал вопрос: если он сошёл с ума, то как добрался до Керы? Ну ладно: было небольшое помрачение рассудка, и он, придя в сознание, немедленно добрался до планеты, понимая, что совершил преступление и что нужно спрятаться от правосудия. Если он был здесь избит, что называется, до потери пульса, то избит наверняка или живущими здесь преступниками — бандитами какими-нибудь. Или мстителями. Но Келли нашла его забившимся в дыру, из которой его пытался достать «паук»...

Тогда откуда при нём уивернский меч? Что бы с Дрейвеном ни сделали, в первую очередь у него должны были забрать все предметы, имеющие хоть какую-то, хоть мало-

мальски значимую цену. Уивернский меч, даже современный, ценится, насколько я это теперь знаю, очень дорого. И преступники не покусились на знаменитое оружие?!

Может, я спешу с выводами, и при Дрейвене не уивернский меч? Но когда меня начали тренировать (пусть я оказалась и не самой лучшей ученицей), я поинтересовалась историей мечей и вообще холодного оружия на Уиверне и до сих пор помню, что такие, сегментированные мечи — только в уивернских традициях.

Я задумчиво присела на корточки, благо приступок позволял, и погладила Мисти. Благодарный, хоть и несколько удивлённый (в темноте не видно, но по отвердевшему телу поняла), кот спустя секунды боднулся о мою ладонь: продолжай!

Тем временем удары по плоти и чавкающий звук рассекаемого тела прекратились. Шаги ко мне. Остановился.

— Ты присела? Возьми на руки Мисти.

Кажется, кот привык ко мне. Поэтому не сопротивлялся, когда я подняла его и прижала к себе, сообразив, что собирается сделать Дрейвен. Уиверн будто отчётливо видел меня: спокойно взял меня, как ребёнка, на руки и вынес из тупика, шагая по чавкающей под его ногами туше. Здесь опустил, даже не замешкавшись, что меня даже задело. Сособразив, что за мелкая обида остро кольнула меня, я удивилась: я и правда хотела, чтобы он ещё немного подержал меня на руках?

Но Дрейвену и в самом деле оказалось некогда заниматься посторонними делами. Он быстро вытер уивернский (всё-таки!) меч о нетронутую шкуру странного чудовища, похожего на бегемота, только с пастью, из вислых губ которой угрожающе торчали два длинных зубища плотоядного зверя, и забрал у меня Мисти.

— Подожди-ка, — решительно сказала я, предварительно оглянувшись, одни ли мы в коридоре и не грозит ли нападение ещё какой-либо твари. Но в коридоре плавали и курились лишь те же самые, уже привычные глазу дымки — где сильнее, где слабее. — Ты не можешь дать мне свой меч? Я хочу кое-что посмотреть.

— Посмотреть? — Рот уиверна отвердел.

Ещё бы. По Адэру знаю, что уиверны очень неохотно расстаются с личным оружием, даже если ненадолго и даже если оно остаётся для них на виду.

Но я ждала. Дрейвен медленно вынул меч из ножен и протянул его мне.

Знать надо, где искать. Я с трудом раскрутила рукоять — оружие давно не чищено, и резьба забита давней, чуть не окаменевшей грязью, и вытащила из полого клинка короткий кортик. Повертела его и нашла искомое: как все клинки ручного оружия на Уиверне, этот состоял из нескольких сотен металлических слоёв, и под последним десятком прозрачных виднелась гравировка «Дрейвен Ши Ро».

— Ну? — нетерпеливо сказал Дрейвен.

Я ткнула в его ладонь рукоять кортика.

— Ты знал, что у тебя в клинке меча такая штучка?

Уиверн растерялся, осторожно ощупывая и оглаживая маленькое изящное оружие.

— Не знал, — заключила я. — Это подтверждение — кто ты. На клинке написано твоё имя. Так что можно сказать, что ты прошёл полную идентификацию как Дрейвен Ши Ро.

Я показала, где именно прятался кортик, и уиверн сам опустил его на прежнее место, после чего, вслушиваясь в собственные действия, закрутил рукоять меча. Вздохнул, снова на полувздохе остановившись, и снова вернулся к актуальному.

— Нам надо добежать до следующего поворота — и там, слева, в самом тёмном месте,

будет старый лифт. На всякий случай: если лезть по шахте наверх, до самого конца, выйдешь на верхнем ярусе. Запомнила?

— Ничего запоминать не собираюсь! — сердито сказала я. — Я приехала за тобой — и без тебя никуда. Понял?

— Понял. У тебя нет боязни высоты?

— Нет.

— Тогда бежим.

Если сначала я решила, что его «Бежим!» — всего лишь слово, употреблённое в слегка преувеличенном виде, то выяснилось, что уиверн настроен серьёзно.

Как мы бежали! Свист, направляемый Дрейвенем вперёд, не так страшно резал уши, как ранее, но теперь тем не менее звучал всё ещё слишком пронизывающе. Я не понимала, почему так происходит, пока не заметила, что уиверн опять быстро водит головой по сторонам, будто отрицательно качает ею, посылая свист во все стороны. Дошло: он не только высвистывает дорогу, но и проверяет её на наличие затаившихся потенциальных преследователей.

Бежать я старалась ближе к нему — хотя воняло от него убитым зверем невероятно! Вероятно, он прошёлся по разрезанным кишкам, пока перетаскивал меня.

Поворот. Самое тёмное место оказалось опять-таки в нише, а шахта лифта пряталась за дверью, которую ловко замаскировали под стену.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Откуда ты знаешь про лифт?

— Келли показала, когда меня начали использовать в качестве курьера.

— А... откуда ты знаешь, что место самое тёмное?

— Чувствую.

Пошутил? Я с недоумением уставилась на него, пока он осторожно вытаскивал дверь из стены, отдав мне Мисти. Кстати, кот поражал не меньше, чем его хозяин. Сидел на моих руках послушно, словно понимая, что происходит. Мне бы эту кошачью уверенность, что его хозяин делает всё правильно... Дверь в руках уиверна легко отделилась от стены, и Дрейвен кивком велел мне войти в шахту.

Но, прежде чем войти, я помедлила и всё-таки сказала:

— Ты уверен? Уверен, что хочешь покинуть место, где жил несколько лет? Тебе не жаль оставлять его?

— Нет, — без раздумий ответил он. — Что я оставляю? Место, где чувствовал себя чужим. А что у меня впереди? Родные. Хотя бы вот уже и ты. Возможно, дом? У меня там, куда мы двинемся, есть дом?

— Есть, — насторожённо поглядывая на него, такого неожиданно энергичного и вдохновлённого будущим, ответила я. — У тебя большой дом и куча родственников, правда, в большинстве своём дальних.

— Меня это не волнует. Главное, что они будут знать меня... Возможно, дома я буду занимать и не самое важное место среди родных. Но я буду знать (пусть и не помня), что это место принадлежит мне по праву. Может, память не вернётся, но я хоть наново буду знать, кто я. И ты ещё спрашиваешь...

Здесь, внутри шахты, пришлось быть очень осторожной, потому что стоять можно было только на выступах по стенам. Уиверн встал рядом со мной и вставил дверь на место.

Итак, шахта. Пропась, правильных кубически-квадратных очертаний, без конца и без

краю что вниз, что наверх. Здесь довольно светло — периодически. Наверное, на некоторых этажах оставалось аварийное освещение, которое через трещины проникало в шахту. По краям шахты, как я уже заметила, имеются выступы, по которым можно осторожно перемещаться не только по кругу, но и постепенно двигаясь наверх или вниз по ступеням, явно проложенным позже и уже не лифтовыми строителями.

Дрейвен оказалась впереди меня. Он велел (а в этом месте я беспрекословно слушалась его — впрочем, как и везде) опустить кота на выступы, и тот «без разговоров» и даже деловито потопал между нами. Глядя на грязную гриву спутанных волос уиверна, почти до пояса, я тихо спросила:

— Ты всегда носишь волосы такой длины?

Не оглядываясь, он ответил:

— Таким меня нашла Келли. И я стараюсь оставаться таким, чтобы однажды... вспомнить. Или вспомнили бы меня. Но пока вспоминали до сих пор только те, кто хотел бы меня убить.

— И много таких было?

— Достаточно. Тебя это интересует?

— Не совсем. Просто приятно сознавать, что не у меня одной есть желание и причины убить тебя, — поддела я, не выдержав.

Он, не оборачиваясь, хмыкнул.

— Ещё приятней, наверное, будет сознавать, что ты пока единственная, которую мне убивать не хочется.

Теперь хмыкнула я. Неплохо.

Уиверн перемещался по кругу, держась то за толстый канат, просунутый сквозь скобы по всему пути, то за сами скобы.

— Забыл сказать: оружие держи наготове. И лучше не огнестрел. Переключи на лучевое. Здесь чем тише, тем лучше.

— А здесь разве может быть что-то опасное?

— Летучих тварей полно. И все жрать хотят. Кстати, ты не голодна?

— А что? — хмыкнула я устало. — Приглашаешь в ресторан?

— Почти, — загадочно сказал он.

Если считать наш путь поэтажно, то, цепляясь за канат, мы прошли наверх где-то восемь этажей, прежде чем уиверн остановился в ничем не примечательном месте.

Он встал так, что и мне пришлось затормозить.

— Что? — прошептала я.

— Сейчас...

И снова плотная, казалось бы, стена под его чуткими пальцами вдруг пошла трещинами, которые оказались входом в закуток. Дрейвен первым вошёл в маленькое, низкое, словно нора, помещение и подал мне руку. Мисти быстро прошмыгнул между ногами и уже внутри огляделся. Вопросительно мыркнул. Будто спрашивал — и какого мы здесь остановились? Я тоже вопросительно кивнула уиверну, совершенно не принимая во внимание, что он не видит моего кивка. Настолько привыкла к его уверенным движениям, что общаюсь с ним, как со зрячим, — подумалось только потом и с усмешкой. И вслух продублировала кивок:

— И зачем мы здесь?

Вместо ответа Дрейвен шагнул к стене и одним движением вынул из неё коробку.

— Поедим.

— Откуда у тебя это?! — не сдержалась я при виде консервов, уложенных стопками так тесно, что крышка коробки не закрывалась.

— Когда я бегал сверху вниз и назад, то часто откладывал консервы на всякий случай, если придётся пересидеть какое-то время здесь, — довольный моим восклицанием, сказал уиверн. — Специально заходил в магазины наверху, чтобы купить не только на сейчас, но и для тайника. Теперь тайник не нужен. Так что попируем.

— Несколько часов назад ты сказал, что у тебя есть деньги и ты даже можешь заплатить мне, если я хозяйка какого-то притона. У тебя и правда есть деньги?

— Ну, не совсем столько, чтобы платить за девочек или за еду в хорошем ресторане, — нисколько не смутившись, сказал Дрейвен. — Когда я очухался, первые дни жил на пособие Келли. Мне много не надо было. Пока болел. А потом пришёл в себя и начал выздоравливать. Вот тогда есть и захотелось. Очень. Я ходил голодным несколько месяцев...

Он замолчал, видимо, вспоминая. А я подумала: вот и разгадка, почему у него плохо зажили раны на спине, — знаменитая уивернская регенерация шла плохо, потому что не хватало белков.

— А потом на меня впервые напали. — Он скривил губы в усмешке. — Я тогда впервые вышел наверх — в сопровождении Келли. Благодаря ей, я уже научился хорошо слышать движение вокруг, и уложить троих мне было нетрудно. Келли обыскала трупы и нашла кучу наличных. В тот день мы с нею хорошо поели. — Вспоминая, он морщил губы в улыбке, открывая консервы и передавая мне. — Потом я стал выходить наверх один. И несколько раз на меня снова нападали. И тоже очень богатые были. Я забирал всё: и наличные, и банковские карточки. Руди радовался карточкам и не требовал денег — это была моя законная добыча. На карточки мы брали лекарства для нашего района, а на деньги я покупал продукты. Ну и... Некоторые заначил. — Он погладил сунувшегося под руку Мисти и вывалил перед ним на пол содержимое мясной консервы. Кот торопливо зачавкал, а уиверн улыбнулся его энтузиазму и продолжал рассказывать.

Я сидела близко к Дрейвену — из-за тесноты помещения — и смотрела на его пальцы, заботливо перебирающие эти консервы. У меня в руках уже была открытая банка, из которой я ела ножом. Но эти длинные, слегка вздрагивающие пальцы меня заворожили. Как заворожил и рассказ Дрейвена. Он рассказывал, как покупал ту или иную консерву — он запомнил не просто их расположение! И мне уже кусок в горло не лез: несколько месяцев он прожил голодным! И это притом, что он был раненый... Опальный ангел, сброшенный в нижние круги ада. С трудом отвела глаза от его пальцев. Что-то совсем не те мысли лезут в голову...

Я понимала, что со мной происходит: постепенно, в течение каких-то нескольких часов, я потеряла ненависть к существу, которому не повезло больше, чем мне. Пусть Дрейвен сам виноват в том, что произошло. Пусть виноват его характер... Но у меня всё больше и крепче складывалось впечатление: да, может, в произошедшем со мной виноват и лично он. Но вот в том, что произошло с ним самим... Мне почудилось, что кто-то был рядом с Дрейвенем — до самого его конца, когда уже на Кере померкло его сознание. Кто-то, кто очень активно помогал ему умереть.

С чего это я взяла? Провидицей никогда не была. И не слышала, чтобы в крови уивернов было что-то присущее колдунам и предсказателям. Можно, конечно, предположить, что виновато смешение двух кровей... Впрочем, дело не во мне.

А что, если предположить немислимое? Что Дрейвен не виноват и в том, что случилось

со мной? Крамольная мысль. Нонсенс. Не хочу и думать об этом.

Перебивая собственные тревожные мысли, я спросила:

— Дрейвен, почему Мисти такой? Без шерсти?

— Мутант, — пожал плечами уиверн, слабо улыбаясь. Сначала я не могла понять, почему он улыбается. Но сообразила: назвала его по имени. — Здесь, на нижних ярусах, и собаки такие встречаются — либо совсем голые, либо бронированные, как этот кот.

Потом мы сидели, молча уничтожая несколько консервов подряд, и я пыталась уложить в стройную систему всё то, о чём он рассказал. Не получалось. Слишком коротко прозвучало главное. Да и мне ли разбираться в этом?

Перед тем, как снова выйти в лифтовую шахту, я спросила:

— На каком этаже можно будет включить вирт-связь?

— Лучше включи её сейчас и время от времени поглядывай на экран, — посоветовал Дрейвен. — Тут тебе никто точно не скажет ничего. Слишком всё ненадёжно.

Он взял с собой на всякий случай несколько банок, остальные же, поколебавшись, сунул во всё той же коробке назад, во внутривенный тайник. Словно уловив мой взгляд, пожал плечами и почти виновато сказал:

— Привычка — хомячить на всякий случай.

— Нам ещё далеко подниматься? — спросила я, машинально поглядывая наверх.

— Если всё будет нормально, минут тридцать.

Он сказал это медленно, причём почти заикаясь на последних словах. Взглянув на него, чуть припоздав, я заметила его сдвинутые брови и застывшие глаза, словно устремлённые вниз. Не закрытые. Если бы был зрячим — точно смотрел бы вниз.

Прислушивается. Причём к пустому пространству внутри лифтовой шахты. Я остановилась и тихонько взялась за пулемёт, на ремнях висевший у меня на груди.

Дрейвен остановился, кажется сам не замечая того, и машинально потянулся к оружию в набедренной кобуре. Даже Мисти, широко расставив лапы, вытянул над лифтовой пропастью круглую голову, прижав усы к щекам.

Это ощущение уже было. Когда в коридоре на нас бежали с двух сторон. Тогда было впечатление, что на нас гонят воздух самым настоящим плотным облаком. Сейчас осязаемое облако вздымалось снизу.

— Их много, — внезапно сказал Дрейвен. Он вслушивался вниз, сдвинув брови, но как-то рассеянно, словно раздумывал совсем о другом.

— Здесь есть где спрятаться?

— Есть. Проблема в том, что эти твари слишком хорошо чувствуют запах и очень терпеливы. Если спрятаться в нишах шахты, они будут сторожить до упора. Придётся драться. Ты перевела на лучевое?

— Да.

— Хорошо. Тогда поднимаемся немного выше. На крайний случай придётся спрятать Мисти — его легко могут сбросить с выступов, а драться ему... Смешно.

И мы заторопились наверх. Даже кота не пришлось подгонять. Поднялись буквально на пол-этажа, прежде чем уиверн быстро, но осторожно отвёл от стены уже привычно для меня замаскированную дверцу — узкую и длинную.

— Сможешь влезть?

— Зачем? — удивилась я.

— Думаешь, ты сможешь запросто уговорить Мисти войти туда? — усмехнулся он.

Дрейвен прав. Мисти сидел, заглядывая в появившуюся прореху, и не выказывал никакого желания лезть в темноту — даже из любопытства. Я подняла тяжёлого кота на руки и протиснулась в длинную щель сама. Ну и ну... Это даже помещением невозможно назвать. Шкаф. При свете из шахты я разглядела, что места здесь даже мне — только на то, чтобы развернуться лицом к лифту. Поэтому я вместе с котом на руках это и сделала. И у меня перехватило дыхание: длинная узкая доска-вход резко встала на место. Стало темно.

— Дрейвен!

— Сиди тихо. Если успею ранить хоть одного, тебя уже не учуют. Сможешь выбраться. И учти: если попытаешься выбраться сейчас — сбросишь меня в шахту.

Я открыла было рот обозвать его идиотом — и закрыла. Судя по всему, он из этих упёртых мужчин, которые считают, что только в одиночку (и уж тем более без помощи женщины) смогут управиться с ситуацией. Пришлось покрепче обнять Мисти и только безнадёжно вслушиваться в тот звуковой кошмар, который для примерного знания ситуации и доступен.

И он, этот звуковой кошмар, не замедлил появиться.

Уже спустя минуту Дрейвен оглушил меня исследующим свистом. Хорошо ещё, что раньше я сумела немного привыкнуть к нему. Сейчас было ясно, что он высвистывает того, кто взлетает к нам снизу... Прижавшись спиной к стене, пытаюсь поджать локти так, чтобы они не упирались в доску, заменяющую дверцу в этот шкаф, я пыталась представить, что за чудовище поднимается к нам. И одно ли... Мелькнуло только раз: мои локти прижимаются через тонкую пластиковую доску к спине Дрейвена.

А дальше его свист заглушило шипение, которым, показалось, уверна плотно прижало к дверце. Потому что даже я почувствовала направленность этого страшного, оглушительно шипящего звука. А потом... Ещё один, другой... Далее шипение множества громадных, по ощущениям, существ слилось в единый вихрь мечущихся по лифтовой шахте чудовищ, которые хотят только одного — сожрать другое живое существо, которое пока отвечало им лишь тем, что высвистывало их расположение и стреляло, стреляло, стреляло... Свист, шипение, грохот огнестрельного оружия... Мельком сожаление, что не отдала ему свой ПП — тот хоть переключить на лучевое можно...

Нет ничего страшнее — и я прочувствовала это на своей шкуре, чем быть в шаге от разверзшегося ада и не видеть, что же тебе грозит. Я слышала, как Дрейвен время от времени вжимается в доску, за которой стояла я. А иной раз его почти бросало на неё — и я в ужасе замирала: а вдруг в доску грохает уже его мёртвое тело? И вот-вот, сейчас, я услышу шелест тела, сначала сползающего по двери, а потом быстрый свист — падающего?

Внезапно я поняла, что Дрейвена за доской нет! Но свист всё ещё пронизывал моё тело. Чуть сбоку. Не упал. Шагнул в сторону. Или его заставили отойти в продолжающемся бою. Приноровившаяся читать этот свист по изменениям в силе и в направлении, я, содрогаясь, слушала, как уверн мелкими шагами уходит и уходит от меня далее по выступам вокруг пропасти.

По периметру бывшая лифтовая клетка, видимо грузовая, довольно большая — что-то близко к шагам десяти на десять. Что же там сейчас происходит?!

Вот свист уверна раздался явно напротив меня — он словно всадил в меня этот страшный звук, от которого мне стало так плохо, что чуть не затошнило. Ненавижу этого типа! Что он там делает?! Мне же больно! И какого дьявола он перебрался на противоположную сторону?!

Не хочу сидеть в этой могиле!

Странно. Свист исчез. Как будто Дрейвен услышал меня... Но... Что это значит — свист исчез?! Дрейвен мёртв?!

Я, задеревеневшая от напряжения, боком нагнулась поставить рядом с собой Мисти, который спокойно сидел до сих пор на руках, хотя порой от напряжения я довольно сильно его стискивала. Кот не возражал против того, чтобы почувствовать под лапами твёрдую поверхность. Со странным чувством, переминаясь перед тем как решиться, я услышала, как под ногой звякнули консервы, которые уверн успел сунуть вслед мне, прежде чем закрыть меня хрупкой защитой — доской... Снова забыла о них. Освободившись от горячей кошачьей туши, от которой у меня руки взмокли от пота, я взялась за пулемёт и коленом выбила доску.

Странно, что инфаркта не случилось.

В узком пространстве шахты бесновались змеи. Или нечто, очень похожее на них. От огромных, толщиной в человеческое тело, до маленьких — с мою руку. Я не успевала проследить за их движением взглядом. Мгновенные нырки, фантастические сплетения — весь этот сумасшедший вихрь завораживал до задохнувшегося сознания. И чисто рефлекторно среагировала, когда одна из змей — я даже не успела заметить, которая! — плюнула в мою сторону. Верный нож очутился в левой руке — правая уже занята пулемётом. Нож я и дёрнулась подставить плевку. Основная часть жидкости отразилась резкими брызгами в стороны, половина из которых обляпала мне ладони. Я зашипела не тише этих змеюг — больно!

Буквально секунды: взгляд на кожу, которая мгновенно покрывалась пузырями, взгляд в поисках Дрейвена, застывшее сердце при виде съехавшего с выступа, повисшего напротив меня тела — он ещё единственной, левой рукой держится за оборванный канат (змеи сожгли своим ядом?), вторая — беспомощно обвисла. Меч в ней качается, удерживаемый только ремненным оплетьем с кисти. Кулак, сжатый на кончике каната, белый, когда я его вижу в мелькании длинных тел змеиных пираний. Огнестрельного оружия при нём уже нет.

А в лицо ему сверху вниз смотрит самая спокойная змеюга из всех. Теперь, по этой змеюге, я различала, как летают эти гибкие твари: почти полностью их тела одеты в желтоватые, прозрачно-гнилостного оттенка плавники. Они трепетали с такой скоростью, так сильно, как трепещут крылья колибри: почти не разглядишь крыльев-плавников — только самих мощно летающих гадов.

Хуже, что и остальные змеюги, не обращая внимания на меня, начинают летать, всё ближе и ближе подбираясь к Дрейвену. Насколько я вгляделась в происходящее, эти твари обладают разумом, но жутким, не гуманоидным. Разумом, потому что только разумные могут позволить себе поиздеваться над беззащитной жертвой.

Самая большая тварь медленно приближала вытянутую по-крокодильи морду к лицу Дрейвена, то и дело словно вздрагивая, а на деле метко плюясь кислотной слюной в его кулак, намертво сжатый на канате. Уверен только изредка кривился, но терпел... Почему он не позвал меня на помощь?!

И — вспомнила его последнюю фразу, перед тем как он закрыл меня: «Если успею ранить хоть одного, тебя уже не учуют. Сможешь выбраться». Он что же — сразу понял, с кем придётся иметь дело?! И с каким финалом?!

Я озверела настолько, что, будь это ему на помощь, прыгнула бы через пропасть шахты. Эти самоуверенные мужчины!.. Дьявол... Да как же ему помочь?!

Не придумала ничего лучше, как, хватаясь за целый пока с моего места канат, пойти к Дрейвену.

Странно, но его слова в чём-то сбылись: эти змеи-мутанты и не думали нападать на меня, хотя одна и приветствовала моё появление из шкафа жгучим плевком, от которого до сих пор горела кожа. Может, это невнимание только до поры до времени?

Оглянулась на упорный взгляд в спину. Мисти. Сидит на самом краю выступа и следит за полётом и нырками тварей, как следил бы за птицами. Зашёл бы снова, что ли, назад, в «шкаф». Может, ему повезёт больше, чем мне и уверну?

Почему Дрейвен прекратил свистеть? Или он чувствует, как над ним нависает громада, садистски капающая разъедающей слюной на живую плоть? Или от боли он уже ничего не чувствует и вот-вот сорвётся в пропасть?..

Пять шагов от «шкафа» до угла. Шагов шесть до уиверна.

Застряла в углу.

Змеища, нависшая над Дрейвеном, плавно повернула голову взглянуть на меня. От неожиданности мои пальцы на спусковом крючке вздрогнули. Выстрел. В «молоко». Шипящий луч скользнул мимо громадного туловища — змея легко отпрянула от смертоносного луча. Теперь её жёлтые, полыхающие белым огнём глаза заинтересованно вперились в меня, чувственно расплавленным взглядом-маслом втекая в мои.

Чувствуя, что меня буквально тащит к этим масляным глазам, всепоглощающим — то есть меня саму тянет шагнуть им навстречу, в пропасть; ведомая к смерти обволакивающим взглядом летучей твари, я всё-таки, хоть и с трудом собрала остатки плывущего сознания и хрипло вскрикнула:

— Дрейвен!

По безвольно обвисшему телу уиверна прошла самая настоящая судорога.

Если предыдущее действие было лишь прелюдией, то следующие три события произошли только благодаря моему воплю — события со змеями, уиверном и котом.

Змеи атаковали меня, как до сих пор атаковали Дрейвена. Они крутились, извивались вокруг меня, остро клевали хищными мордами, обстреливая ядом, от которого я не всегда могла уклониться, да и могла ли вообще? Ведь если у летучих тварей был естественный простор для передвижения, у меня его не было. Я стояла, просунув руку под страхующий канат, на дрожащих от напряжения ногах, плотно прислонившись к стене спиной. Я стреляла во всё, что металось перед глазами, время от времени дёргаясь в сторону, а иногда просто резко мотая головой, чтобы встряхнуть слёзы (от боли в сожжённых ладонях и на лице!), которых даже не замечала, но которые мешали стрелять.

Отстреливалась машинально, на таком автомате, что видела почти всё происходящее в это время с Дрейвеном.

Он слабо попытался развернуться лицом к стене, у которой болтался. Получилось. Теперь он старался достать другой рукой, отяжелённой мечом, тот же оборванный конец каната, на котором висел. Змеища, единственная, что осталась рядом с ним, с интересом следила за его действиями, не забывая равномерно капать ядовитой слюной на его кулак.

Внезапно меня обдало ледяным ужасом: змеи поймали меня на машинальной пристрелке и заставили заворожённо следовать определённой траектории их полёта в пространстве лифтовой шахты, играя в старинную игру — попади в меня! И сместили последний выстрел — в уиверна! Лексика старших приютских детей мгновенно прыгнула мне на язык. Цедя сквозь зубы страшные слова, я попыталась вырваться из гипнотизирующего воздействия шмыгающих, извивающихся длинных гладких тел и стрелять по ним и только по ним... Но тщетность разруливания ситуации стала вскоре очевидна и мне.

Соскальзывая и снова упрямо поднимаясь на остатки обрушившегося под его телом выступа, Дрейвен тем временем, видимо, тоже понял, что ситуация становится беспроигрышной только для тварей, которые от души забавлялись живыми игрушками.

Он выкрутился на канатном обрывке лицом ко мне.

То, что он высвистел, ему не понравилось. Даже сквозь шипение беснующихся летучих тварей я услышала его хрипкое рычание, увидела, как его передёрнуло. Наконец-то — сама со злобой подумала я. Хоть что-то. Ну придумай же хоть что-нибудь, раз ожил!.. И, замешкавшись — отвлеклась на уиверна, снова вскрикнула от боли: капля яда прожгла щёку!

Отшатнулась, прикрыла себя лучевым огнём, со злобой и хорошо понимая, что заряда мне надолго не хватит, а вставить новый в оружие, скорее всего, времени не дадут. Одновременно я работала с ножом, но увы — даже не пытаюсь полоснуть хоть одну тварь, а используя его лишь для защиты.

И — опять замешкалась, совершенно обалдев: Дрейвен сбросил с ног обувь (как ему это удалось?!) и ударил выпрямленными пальцами ноги в стену, на которой висел. Змеища, которая издевалась над ним, отпрянула. Что... что происходит?

«Мои» твари обернулись и с шипением метнулись к Дрейвену. Поздно. Он, подтянувшись на руках, которые почему-то очень крепко держали его на стене, очутился на выступе и покачнулся, едва не свалившись. Я вздрогнуть не успела от страха за него... Змеи набросились было на него и вдруг — по впечатлениям судорожно — разлетелись в стороны, когда он резко развёл руки — стоя лицом всё ещё к стене. Да что там, у него, происходит?!

Толчком, которого от себя не ожидала, откинулась к стене. Судорожно начала обстреливать растерянных мутантов. Горячее тепло прошло по сердцу: два гибких тела вдруг обмякшими оборванными хлыстами обрушились в пропасть! Я чуть не завопила от свирепой охотничьей радости! Попала!

Дрейвен развернулся, благо теперь змеища не мешала — скользнула удрать вместе с остальными. Развернулся, держа перед собой руку — с выскочившими когтями, с которых свисают клочья и капает кровь. А-а-а!.. Вот чего они испугались! Истинного уиверна! Будут знать в следующий раз!.. Но не мало ли этого против такой жуткой стаи?

Не мало, если есть поддержка.

Дёрнув подбородком кверху, Дрейвен прорычал на странных низких нотах:

— Мисти... Мисти!

Я от негодования чуть рот не открыла, мгновенно обозлённая снова. Зачем ему кот?! Дери этих гадов сам, раз когти отрастил!.. Оглянулась на «шкаф»... Нет, меня сегодня точно до инфаркта доведут! У ниши, где мы прятались, не было никакого кота-мутанта. Мисти исчез. Зато появилось кошмарное чудовище — кошмарный скат, создавший потолок над нами. Он ещё колыхался, обретая форму...

Зато змеи приутихли. Шипения не было слышно, они осторожно юркали под странным колышущимся «потолком», приглядываясь к нему. Кажется, такого они ещё не видали. Поэтому и не приближались вплотную.

Уиверн жался к стене, а я сначала не понимала, но пыталась тоже не слишком отрываться спиной от неё.

Но вот одна змеюка осмелела. Стремительным нырком подскочила к «потолку» и плюнула в него. Я мгновенно стукнулась спиной о стену, когда от «ската» выстрелило разноцветными брызгами. И не просто выстрелило, а прострелило всю пропасть вниз — насквозь?! Длинные искры превратились в бесконечные, полыхающе разноцветные стрелы, уходящие ливневыми струями вниз и уносящие с собой всё лишнее — например, мгновенно, на лету сдыхающих змей.

Честно говоря, при взгляде на то, что вытворял скат, я перетрусилась страшно: а вдруг на меня попадёт? Но, успокоив зачастившее дыхание, обнаружила, что скат бьёт длинными искрами локально: по бокам, по стенам лифтовой шахты, огненных стрел нет.

Нервное шипение, свист падающих гладких тел прекратился. Пропали искры. Только скат над нами тихонько шевелился в пространстве колодца, неизвестно какой силой поддерживаемый.

Дрейвен стоял слева от меня — в тех же шести шагах, а может, в семи. Почему он не шевелится? Попробовать подойти к нему?

Но, прежде чем я сделала шаг, скат наверху шевельнулся и лениво облепил собой ту самую нишу, где я оставила Мисти. В секунды уменьшившись, он сполз на выступ и обрёл форму бронированного кота. Мисти?! Это вот кошмарное было Мисти?! Значит, Мисти — мутант-метаморф??

Все мои царапины и ожоги взвыли страшной болью. Если у Мисти, по приказу Дрейвена, была возможность ещё раньше поубивать всех этих гадов, почему Дрейвен сразу этой возможностью не воспользовался?! Убью сама гада уверна!

И я, распахивавшаяся от гнева, но всё ещё осторожная, зашагала по выступу к Дрейвену. Тот стоял неподвижно и на мои оклики почему-то не поднимал глаз. Так что я благополучно перешла к нему, движимая хорошенько врезать ему — да хоть ботинком по ноге! И меня ведь понял бы каждый, кто видел, какое сумасшествие здесь происходило!

— Какого дьявола!.. — начала я на повышенных тонах.

Но уверн не среагировал даже на злость в моём голосе. И тогда я пальцами ухватила его подбородок, чтобы заглянуть в лицо. Глаза были закрыты.

— Дрейвен! — прикрикнула я, уже понимая, что происходит нечто, чего я не понимаю, но очень важное.

Он медленно поднял глаза. Нормальные, зрячие глаза уверна — светлые белки, серый зрачок. Разве что расфокусированные. Но, наконец, его взгляд обрёл цель — сосредоточился на мне, и мгновенно глаза облило серым — зрачки снова исчезли. Уже слепые, глаза моргнули. Дрейвен повёл подбородком, словно пытаясь высвободиться от моих пальцев... И через какое-то время растерянно спросил:

— Что у меня на пальцах?

— Когти, — насторожённо ответила я и сама отпустила его подбородок.

— От... откуда?

— Ты уверн, а они метаморфы.

Мне показалось, он хотел задать ещё один вопрос, и я догадывалась — какой: почему же раньше с ним ничего подобного не происходило? И я же интуитивно догадывалась — почему: он никогда на Кере не дрался за кого-то близкого, за чью-то жизнь, которая была бы дорога ему. Дорога?.. Нет, об этом потом... Значит, продолжала думать я, глядя на его непонимающе сдвинутые брови, его слепота — чисто нервное? И тут же подумалось: а нет ли у него на голове раны? Примитивно, конечно, мыслю, но иногда от удара по голове человек может потерять зрение. Слышала такое... А если учесть то, что ему сказала Келли: его словно били по стене всем телом — от этого удара могла и память пропасть. И возвращаться лишь в экстремальных условиях?

В психиатрии я профан.

Впрочем, сейчас не до того. Надо вернуться на те шесть шагов до угла и пять — к нише, посадить его там... Я чуть не свалилась вместе с ним, когда его ноги подогнулись...

— Что со мной? — изумлённо спросил он, с трудом сохраняя равновесие на узком, всё ещё осыпающемся выступе. — Я чувствую себя так, будто...

— Будто не ел неделю, — проворчала я, прислоняя его спиной к стене и закручивая обрывок каната на скобе в единственный толстый узел.

— Ты знаешь, что это?

— Знаю. Сейчас доведу до места, где ты нас с Мисти спрятал, накормлю.

Он по привычке попытался вцепиться в канат — мешали когти, каждый размером в половину его собственных пальцев. Пришлось вытаскивать его постепенно, велел опереться на мои плечи — точнее обняв меня за них, свесив кисть с когтями. Так, пятясь, мы чуть не по-стариковски и дошагали до ниши, откуда, доброжелательно высунувшись, нас приветствовал Мисти.

— Я помню это место, — внезапно сказал Дрейвен, невероятным образом изогнув ладонь, чтобы не мешали когти, и обшарив нишу. — Я оставил тебя здесь. С Мисти.

— Ага, — снова проворчала я, осторожно сажая его спиной к стене — ногами в пропасть и размышляя, почему его когти до сих пор остаются. — После чего пошёл геройски помирать, чтобы я смогла вылезти потом наверх.

— Это смешно?

— Глупо.

— Я знаю этих змей, — оправдываясь, сказал он, и я вдруг вспомнила, как легко он пошёл драться с ними, лишь бы отвести их внимание от меня. — Можно было отвлечь их, а потом... — Он сморщился и замолк. — Я не хотел геройствовать, — угрюмо сказал он. — Хуже, что я не помню, что произошло.

— Потом расскажу.

Я взялась за кольцо на консервной банке и открыла её. Запах мясного содержимого мгновенно разнёсся по пространству, прежде чем уйти наружу. Дрейвен сглотнул.

— Дьяволы, Дрейвен, — пробормотала я. — У нас две проблемы. Твои когти — и отсюда проблема со столовыми приборами. И что мне делать?

— А как... втягивать когти?

— Не знаю.

— Но ты же родственница.

— Но не уверн. — Я некоторое время размышляла над проблемой, как накормить голодного уверна, который не может пальцами вытащить из банки кусочка мяса — мешают когти, а накормить его надо обязательно. Даже на вид выглядит страшно голодным и часто сглатывает. И рядом ничего похожего на ложку. Снова обзлившись не то на себя, не то на Дрейвена, я сердито сказала: — Я тебя сейчас накормлю. Только не укуси моих пальцев, понял?

Он кивнул.

— Понял.

Мисти, сидящий рядом — с блестящими на банку в моих руках глазами, тоже выглядел не таким упругим, как раньше. Кости да кожа. Наверное, процессы, происходящие во время изменений, тоже заставляют его расходовать немало энергии.

Я вздохнула и поднесла кусочек мяса к губам Дрейвена.

— Ешь давай. Мне ещё твоего кота кормить придётся.

И осторожно ткнула кусочком в его рот.

Чего я не поняла при кормлении уверна — так это почему он вдруг, буквально через секунды, опустил свои и так незрячие глаза. Он ел аккуратно, не торопясь, хотя его руки постоянно вздрагивали, когда его губы натыкались на мои пальцы... Пришлось открыть почти все банки, кроме одной, чтобы хватило на него и кота.

Увлёкшись кормлением Дрейвена, а в перерывах между делом дезинфицируя свои и его раны, я сунула последний кусочек ему в рот и только было заглянула в банку, нет ли там ещё, как вдруг... Меня снова заставило поднять глаза нежное движение по моим влажным

пальцам — он облизал их быстро и быстро же откинулся назад, к стене, словно боясь, как бы я не разозлилась. Движение, от которого я, присевшая на корточки в тесном пространстве, чуть не свалилась. Он сидел с насторожённым видом, очень тревожный, чуть не затаившись в ожидании. Почему... Только я задалась вопросом, как увидела: его пальцы были в порядке! Когтей не было. Вот почему. Они, видимо, давно втянулись — через те самые секунды, когда он опустил глаза, судя по выражению затаённой, почти мальчишеской радости, которой он так и не смог стереть с лица. А он смолчал. Ему что — понравилось, что я кормлю его с рук?

Покопавшись в своём поясе и вытащив салфетку, я негромко сказала:

— Я тебе сейчас протру рот.

С видимым облегчением он расслабился. Кажется, по моим интонациям он сообразил, что я не рассердилась на эту его выходку... Зато я снова вдруг вспомнила слова Адэра, что Дрейвен и Монти были в уивернском светском обществе самыми настоящими повесами. И во что превратился теперь Дрейвен? В существо, которое боится быть самим собой. Потому что я сказала, что когда-то он больно обидел меня...

Дьяволы! Мне начать обливаться слезами умиления прямо сейчас? Или когда выберемся на Уиверн?

Пока насытившиеся Дрейвен и Мисти дремали, восстанавливаясь, я пыталась привести мысли в порядок. Итак...

Итак, на несколько минут, самых горячих и убийственных, из мягкого, битого жизнью на нижних ярусах и привычного к постоянной опасности, беспамятного уиверна появился настоящий Дрейвен. Он отрастил когти и превратил безобидного кошака в смертельное оружие. И — благополучно забыл об этих минутах, вернувшись в своё обычное состояние беспамятства.

Отсюда вопрос: кого я привезу на Уиверн — интеллигентное, согласное со мной во всём существо по кличке Крот или мятежного психа Дрейвена?

Знать бы ответ...

И вот ещё: уиверн потребовал от Мисти стать убийцей змей-мутантов — значит ли, что такое уже случилось и настоящий Дрейвен знает об этой страшной особенности кота?

Ещё вопрос: чтобы не свалиться с отвесной стены, ему пришлось отрастить когти и на ногах, для чего уиверн вынужденно сбросил обувь в пропасть. Что-то я не верю, чтобы он, босым, смог бы пройти хотя минут десять. Тоже проблема. Но вроде он говорил, что у него есть наличные? Хотя эта проблема из решаемых...

Я покосилась на него. Следы от ядовитых ожогов на левой руке выглядели страшно, но уже не мокли от язв. Тоже проблема — эти раны не быстро зарастут... Невольно я провела пальцем по собственной щеке. До сих пор пощипывает.

Подняла глаза. Ого... А он уже не дремлет. Полуоткрытые глаза словно уставились в одну точку. Будь рядом кто не знающий, что Дрейвен слеп, наверное, решил бы, что уиверн занимается, по крайней мере, медитацией. Любопытно, о чём он размышляет... Я сопнула носом и, слегка шурша, проехала подбородком по вороту куртки, чтобы он понял, что я не сплю. Он среагировал сразу:

— Ты мне родственница, но не уиверн.

Вот!.. Вот ведь!.. Я чуть заикаться не начала, поняв ход его мысли!

Ничего! Злость тоже иногда бывает на пользу. Когти выскочили немедленно, едва я с наслаждением представила, как вопьюсь ими в его наглуую даже сейчас, когда он потерял память, морду! Доказательство получилось сильным. Я высокомерно хмыкнула и положила его послушную ладонь на мои пальцы.

— Полукровка.

Не совсем правда, но ведь и не ложь?

Снова затаённый вздох, когда он понял, что именно предлагаю ему ощупать. Но, помедлив, его пальцы легли на хорошо ощутимые когти, огладили их, примериваясь, и скользнули между ними на мою ладонь. И неплохо так устроились, переплетённые с моими. Немного удивлённая, я увидела плохо обозначенную улыбку на его сухих губах.

— Это... замечательно, что есть ты. А ещё у меня есть родственники?

— Ты уже спрашивал. Много.

Выдрать ладонь нет возможности. Если потащу, а он не отпустит, процарапаю ему кожу, а я и так на него потратила слишком много из своей мини-аптечки. Так, надо бы попробовать без рекомендаций Монти спрятать когти. Хорошо ещё не поиграла ими, выпуская и снова втягивая. А то бы тоже оголодала быстро... За всеми этими практичными

мыслями не исчезало удивление, почему он так настаивает на родичах... Снова заглянула ему в лицо... И поняла, словно окунувшись в бездну. Беспросветное одиночество. Попыталась сообразить, как он чувствовал себя все эти годы, — и вспомнила, как только недавно стояла за тонкой доской и не знала, а лишь слышала, что за нею творится что-то жуткое. А он это слышит каждый час, каждую минуту. Постоянная неуверенность в происходящем. Незнание о полной картине происходящего. Год за годом... Я его жалею?.. Я, собиравшаяся убить его, подвернись только удачный момент?!

— Пора идти, — обыденно сказал он и выпрямил спину.

— Идти? — подтолкнула я его объясниться. — Ты знаешь — куда?

— Здесь, тремя этажами выше, есть ещё комната, где время от времени приходилось ждать курьера с препаратами. Там можно отдохнуть и привести себя в порядок.

Ишь... Чистюля.

И тут я додумалась ещё до одного вопроса.

— А ты не думаешь, что теперь там, в том вашем районе, без тебя будет туго?

— То есть жители остались без курьера? Ничего. Нас там много бегало, — усмехнулся он. — А вообще я давно предлагал Руди перебираться повыше. Людей в нашем районе осталось мало, а на ярусах выше есть целые посёлки, оставшиеся без жителей. Первыми вымирают именно промежуточные ярусы. Они надеются, что мутации их не коснутся, поэтому никаких мер не принимают, чтобы защититься — от мутантов. А тем же змеям здесь поживы много — из легкодоступной. Здешние ни драться не умеют, ни чего другого из защиты...

— А ты умеешь, — поддела я его и задумалась: спросить не спросить? Но он сидел спокойно, и я не выдержала: — Ты не помнишь половины боя со змеями. У тебя было уже такое, чтобы промежуток времени выпадал из памяти?

— А почему ты спрашиваешь? Кстати, ты мне так и не сказала, что именно произошло в это время, — насторожился он.

— Ты приказал Мисти помочь нам. — Сказала и ведь опять не солгала. Так. Говорить или промолчать о своих подозрениях, что возвращался прежний Дрейвен? Умолчу. Полуправда иной раз легче даётся. — И мне показалось, что твоя слепота на время исчезла.

— Впервые потеря со временем произошла, когда я оказался здесь, на Кере. Келли заставила меня очнуться. Потом темно. Потом уже понял, что я у неё в комнате. Но это, возможно, потому что был ранен. — Он неохотно пожал плечом. — Второй раз был несколько месяцев назад, когда на меня внезапно напала «паучья» стая. Мисти был со мной. Не знаю, что именно произошло, но, когда я снова очнулся, «пауки» были сожжены. Я ощупывал их тела. Ты — видела? Что сделал Мисти?

— То же, что и тогда, — сжёг змей.

Дрейвен вдруг странно повернулся ко мне. Напряжённые, облитые серым цветом глаза словно пытались разглядеть меня. Но так и оставались слепыми. Зачем ему эта попытка? Ничего не поняла, но напонила:

— Ты сказал — идём. Остаётся в силе? Тогда надо немного порезать твой плащ и соорудить тебе хоть какую-то обувь. Готов пожертвовать плащом?

Он кивнул. Я вооружилась ножом и отхряпала от его плаща часть полы. Завернув ноги уверна в тряпки, я проклеила их медицинским биоклеем из аптечки, с беспокойством размышляя, что слишком много трачу его. А если потом понадобится на настоящее склеивание настоящей кожи?

Во всяком случае, Дрейвен получил что-то вроде мягких тапочек. Он встал, немного потоптался на месте и попросил передать ему Мисти.

— Будет лучше, если пока он побудет у меня на руках.

— Почему у тебя?

— Потому что тебе придётся держать оружие наготове.

— Но ведь змей больше нет? Мисти их здорово напугал.

— Кроме змей, — в его голосе я услышала намёк на улыбку, — здесь чёрт те сколько всяких тварей. И все в основном голодные.

Невольно скользнув взглядом по его рукам, я поёжилась. После того как уиверн поел, регенерация, конечно, пошла быстрее. Но внешне кожа на его руках — там, куда капала ядом змеища, всё ещё производила жуткое впечатление. Да и ел он всего лишь консервированное мясо. Неизвестно ещё, какие там добавки... Мисти против поездки на руках хозяина не возражал.

Мы двинулись в путь. Самым опасным местом в самом начале дороги, естественно, оказался выступ, с которого уиверн чуть не слетел в шахту. И мне-то, со свободными руками, было нелегко цепляться за скобы — там, где канат оказался оборванным, а уж Дрейвену, с котом в руках, пришлось совсем тяжело. Тем не менее, вскоре этот участок пути преодолели.

Поднимались не спеша, несмотря на предупреждение Дрейвена, что из пропасти лифтовой шахты могут подняться другие твари.

Уиверн остановился перед уже привычной для меня сплошной стеной.

— Здесь.

Только почти у самых ног обнаружилась низкая дверца, больше похожая на лаз для собаки. Если встать на колени и пригнуться — можно и вползти.

Прежде чем войти в эту нору, я спросила:

— Здесь на каждом этаже есть улицы? Ну, где из лифта выйти можно?

— Улицы — да. Но выйти можно не везде. В большинстве случаев входы-выходы завалены — службами Керы, по требованию полиции. Официальные входы-выходы с нижних ярусов все под наблюдением. Но только не из этой шахты.

На четвереньках, а то и полностью пластаясь по земле, мы пролезли всю нору — уиверн впереди, между нами Мисти — топал уже своими лапами... На выходе Дрейвен вытянул себя на руках и пропал в темноте. Я ожидала — подаст руку. Первым же вылез. Но он поступил как коренной обитатель здешних мест: встал, напряжённо вслушиваясь в пространство, с оружием наготове.

Вылезли мы в крошечную тьму. Я даже рук своих не видела. И даже не то что не видела — не почувствовала: они будто растворились во тьме. Страшное ощущение. Уиверна заметила лишь силуэтом — на фоне очень далёкого и слабого света.

— Ты поднялась? — прошептал Дрейвен.

— Да. А почему ты не свистишь?

— Я знаю это место. Пойду без свиста, чтобы не привлекать внимания. Эту дорогу выучил так, что чувствую, как со всех сторон здания нависают. Здесь легко ориентироваться в пространстве. Чувствую стены домов.

Нисколько не удивилась переулку, до которого шли через пустынный перекрёсток. Узкий и удобный для игр в прятки, если учесть, что в нём громоздились горы мусора и крошева от обваленных стен домов. Больше волновала темнота, в котором тело словно украдкой от сознания пропадало. Где-то далеко смутный свет виден, но на него лучше не

смотреть — глаза режет. Уиверн будто понял меня: обернулся и, выждав, когда подойду ближе, нащупал моё плечо и взял меня за руку. Сразу стало легче.

Пару раз чувствовала, как к ноге, благо шаг у обоих медленный и неуверенный и с частыми остановками прослушать дорогу, прислоняется что-то мягкое и тёплое. Мисти.

Переулок казался бесконечным. Вялый свет впереди превращал его в подобие странной ветки лабиринта. Уиверна я не спрашивала, далеко ли нам ещё идти. В ушах напряжённо звенело, временами появлялось впечатление подозрительного шума со стороны... Заворожённая и даже обессиленная нехорошей тьмой, я, казалось, болезненно засыпала на ходу, то и дело спотыкаясь на каких-то кучах или на обломках кирпичей — если это были кирпичи. Пока Дрейвен властно не завернул меня от ходьбы по инерции куда-то в сторону. Наверное, некоторое время я вообще отсутствовала в реальности, ничего не ображая. Кажется, двигалась. Кажется — шла. Внезапный огонь, ударивший в глаза, заставил очнуться.

— Лианна...

Долго смотрела на огонёк перед глазами, прежде чем сообразила, что уиверн держит перед моими глазами зажигалку. Начала приходить в себя. Медленно, словно просыпаясь ото сна, огляделась. Притушёванное чёрными тенями мрака пространство — пустое, пахнущее застарелым потом и пищей, пыльной затхлостью давно покинутого живыми существами помещения. Дрейвен усадил меня на жёсткое, хоть и прикрытое тканью ложе. И потушил огонь.

— Подожди! Не надо!

— Нельзя. Здесь обитают насекомые, внимание которых лучше не привлекать. Сейчас я закрою окно — тогда можно будет снова зажечь огонь. Сиди здесь. Я быстро.

Пока он не зажёт живой огонёк, я даже представить не могла, чем он закрывает окно. Теперь разглядела — строительный лист плотно был вжат в стену... Насекомые. Блохи, небось... Комары... Хотя какие здесь комары — пусто и сухо для них.

— В других комнатах темно, и я не буду там включать свет, — негромко сказал Дрейвен. — Я провожу тебя по этому месту, чтобы ты запомнила, где что есть.

А потом он ждал меня в этой единственной светлой комнате. Я успела умыться, сбегать по личным делам, после чего он снова усадил меня на то же самое жёсткое ложе и велел вздремнуть. Сам вышел — наверное, тоже в ванную комнату. Мисти остался со мной. Я легла, обняла кота и задремала, предварительно оставив включённой вирт-связь.

Провал в небытие был мгновенным.

Как мгновенным стало и пробуждение.

Что-то тяжёлое навалилось на меня, вызвав мучительное впечатление дежа вю.

Кажется, дралась... Рот мне закрыли сразу — почти ударили по нему, и я могла только мычать... Отбивалась изо всех сил, плакала, билась... Если б не закрытый сильной ладонью рот, умоляла бы о милосердии... Чёрный сон... Кошмар наяву...

Пришла в себя, сильно прижатая чьим-то телом к твёрдой поверхности кровати, умирающая от болезненного боя сердца. Напряжённо раскрытыми глазами вперилась во всё ту же тьму, дезориентирующую и сводящую с ума. Над ухом слышала чьё-то тяжёлое дыхание. И бесконечный шёпот:

— Тихо, тихо, Лианна... Всё хорошо... Всё хорошо... Я рядом... Не бойся... — И — повтор одних и тех же слов. И ладонь на моих губах, плотно и больно зажимающая рот. И руки, сковавшие меня до полного обездвижения.

Ещё не поняла, что именно происходит, но постепенно обмякла, чувствуя, что он и в самом деле не двигается...

— Лианна... — после паузы прошептал уиверн. — Если ты успокоилась — кивни.

Но ступор не проходил. Я слышала всё, что говорил Дрейвен, но поверить не могла, что он не набрасывался на меня, — слишком ярким было впечатление его новой попытки... Наконец, я собралась с силами и помотала головой. Кивнула. И, вздрагивая, стала ждать, отпустит ли меня. Во что верилось с трудом. Зациклилась на мысли, что совершила ошибку, пойдя с ним: сумасшедший, который потерял память, да ещё...

— Лианна... — Снова шёпот в ухо. — Я отпущу тебя. Только не кричи... У нас гости.

Странная информация словно ушат ледяной воды. Мгновенно привела в себя.

Сейчас, когда кровь в ушах перестала звеняще биться, я услышала странный звук: впечатление, что кто-то постукивает сухими палочками по столу. Звук раздавался в одной из дальних комнат. Если я не совсем дезориентирована — ближе к ванной.

Руки, железной хваткой сжимавшие меня, заметно расслабились. Дрейвен почувствовал, как моё напряжение начало уходить.

Деревянное постукивание палочек переместилось, стало глуше. «Гость» зашёл за стену, из-за которой его стало плохо слышно. А потом и вовсе тишина... Я хотела было повернуть голову и спросить — шёпотом, конечно, кто это. Снова перестукивание. Быстрое-быстрое. И — снова тишина. А уже в тишине отчётливый цокот будто бы чьих-то высоких каблуков. Я представила, как там, в соседней комнате, ходит какая-то ненормальная женщина, обутая в туфли на высоком каблуке. Женщина, страшно измождённая, до болезненной худобы, — ступает легко-легко. У неё в руках... чётки? Она боится тишины и темноты, поэтому часто перебирает их, лишь бы отогнать тишину...

Чувствуя на себе тёплое тело уиверна, я умудрилась повернуть голову и только было открыла рот... Медленный, суховатый стукоток «каблуков» — так человек не ходит. Слишком быстро... Для перемещающегося медленно... Сколько же ног у этого существа?.. Поскольку теперь я лежала лицом от стены, я затаилась снова, когда каким-то странным чутьём ощутила, что существо стоит в дверном проёме и разглядывает комнату.

Снова потрескивание сухих палочек. Высоко.

Ничего не видно. Но ощущение, что существо на пороге лишь самую чуточку не дотягивает головой доверху косяка.

Уиверн на мне напрягся. Судя по всему, он готов в любой момент прыгнуть в драку. Но теперь и я была готова схватить его за руку и придержать: проснувшиеся внутри меня древние инстинкты трепетали на уровне приказа — лежать!

Сухо-твёрдая россыпь стукотков — существо развернулось. Цокот уходящего...

Только было собралась вдохнуть, как снова застыла: к удаляющемуся стукотку прибавился ещё один — тоже множественный, зазвучавший откуда-то со стороны. Потом ещё один... Когда постукивание замолкло, я сообразила, что не дышу.

Движение надо мной. Тёплая ладонь мягко погладила меня по голове. Тяжесть постепенно снялась с меня — Дрейвен осторожно приподнялся на локтях, и шёпот уиверна уже не в ухо, а над головой:

— Подожди ещё немного. Чуть позже можно будет встать.

Он лёг рядом — со стороны комнаты.

Сначала я хотела машинально отодвинуться. Чуть-чуть. Но задеревеневшие мышцы отказывались повиноваться. И я осталась впечатанной в странное твёрдое ложе, не

осмеливаясь пошевелиться. Дыхания Дрейвена не слышала — так бесшумно он лежал. Только тёплый бок его — уже не страшный, а успокаивающий, чувствовался плотно прижатым ко мне. И в тишине, подчёркнутой суховатым перестуком, его тепло воспринималось с облегчением... Только чуть позже почувствовала, что бок со стороны стены тоже греется от чего-то тёплого, даже горячего. Мисти?

Где-то что-то стукнуло. Потом звук уходящего дождя...

Странное впечатление от этого звука. Он напомнил мне Уиверн. Драконье гнездо. Вокруг дома — огромные деревья и кусты. Когда идёт крупный дождь, шелест падающих по листьям капель доносится даже до верхних этажей. И так уютно в детской комнате, где Брендон потихоньку засыпает под умиротворяющий шелест...

Глаза потеплели от подступивших слёз. От злой решимости: кто как хочет, но я выдержу и выживу на этой дерьмовой Кере, да ещё выведу отсюда этого дерьмового уиверна, который ни с того ни с сего начал меня опекать здесь!.. И реветь не буду!

Мягкое движение с кровати. Рядом со мной, слева, пустота, постепенно остывающая. Со стороны стены продолжает греть меня кот.

Движения уиверна по комнате не слышно и не видно. Но в дверном проёме мелькнула тень, как будто колыхнулось пространство.

Внезапно что-то хрустнуло. Будто переломили сухой сук. Я шарахнулась к стене, чуть не задавив Мисти, когда услышала, как кто-то пронзительно заверещал. Вопль резко оборвался с тем же сухим треском.

Шаги. Уже чувствительно — человека. Уиверна. Спокойные, уверенные.

— Лианна... Извини. Дверь не закрывалась нормально, а попробовал нажать — закрипела, — обычным негромким голосом сказал Дрейвен и снова затеплил огонёк зажигалки. — Пришлось оставить тебя при открытой. А тут... Как-то сам не ожидал.

— Что это... было?

— Ну... Я же предупреждал, что здесь довольно опасные насекомые.

Я вспомнила стук сухих палочек чуть не от потолка. Передёрнула плечами.

— Вообще-то, они сюда не должны были заходить, — добавил Дрейвен. — Здесь есть небольшая система, правда слабая, но всё-таки отпугивающая насекомых. Но ты, кажется, оставила включённой вирт-связь. Они пришли на звук. Я, конечно, выключил её, но...

Вирт-связь сработала?

Я спрыгнула с кровати и немедленно включила панель. Экран засветился. Адэр!

Кажется, я слишком громко вздохнула. Обычно спокойный, Дрейвен немедленно насторожился. Кивнул в мою сторону, словно не сразу определил, где я нахожусь.

— Что там?

— Это Адэр! — радостно сказала я и тут же охнула: не слишком ли громко говорю? Мгновенный взгляд на дверной проём. — Начальник службы безопасности Драконьего гнезда. Он ищет меня! Вот теперь станет легче!

Странно только одно: вызов есть, но сам Адэр почему-то не откликается, хотя я ответила на его вызов. Почему он не включает внешней связи — поговорить?

— Кажется, легче пока не будет, — тихо сказал Дрейвен.

Недовольно обернувшись на него: ну зачем он лишает меня хотя бы иллюзий, что теперь наконец-то всё будет хорошо — наше дело выживания и возвращения берёт в свои руки профессионал! — я поразилась. Впервые на моей памяти лицо уиверна выглядело ожесточившимся, он явно с трудом сдерживал какие-то очень сильные чувства. Отвернулся,

наверное, сообразив, что не может совладать с эмоциями.

Я притихла, украдкой косясь на него и одновременно пытаюсь сообразить, почему Адэр Кейдн не включает свою связь, хотя сам пытается дозвониться до меня.

— Не понимаю, — пробормотала я.

— Что?

— Он звонит, но не включает связи. — Я ещё раз попыталась перезвонить, но — увы.

— Дай. — Он протянул ладонь, и я положила на неё изящный блок вирт-связи, который выглядел в его руках более чем хрупким. Спohватившись, хотела было спросить, а знает ли он вообще, что это такое. Но рот закрыла: тонкие пальцы быстро огладили воздух вокруг блока и вытянулись направо — в сторону стены. — Он там.

— То есть?

— Я немного чувствую вирт-связь пальцами, — ровно объяснил он. — Если хочешь, мы пойдём туда и узнаем, почему он не отвечает, хотя его блок работает.

— Хочу, — решительно сказала я, немного встревожившись: всё ли с Адэром в порядке? Оглянувшись на жёсткое ложе, на котором так и не удалось отдохнуть, я позвала: — Мисти, мы пошли. Идём?

Дрейвен в темноте усмехнулся.

Мне казалось, пойдём так: уиверн — впереди, с моим блоком вирт-связи в руках, я и Мисти — за ним. Но Дрейвен сказал:

— Глупо. Я могу высвистывать пространство, если примерно представляю, где что находится. Но эта дорога мне неизвестна. Только направление. Смысл — свистеть? И ещё. Мы не знаем, что ждёт впереди. Оповещать о себе свистом? Опять-таки глупо.

Пришлось признать его правоту.

— Тогда как? — поинтересовалась я. — Как мы пойдём?

— Возьми меня за руку. Я пойду по следам вирт-связи, а ты будешь поправлять меня, если на дороге встретится какое-либо препятствие.

— Ладно. А как же Мисти?

— Давай его сюда. — Дрейвен нащупал кота на моих руках и посадил его на своё плечо. Кот повозился, устраиваясь на широком плече поудобней, а уиверн улыбнулся — вроде ему, а на деле — куда-то в пространство.

Освобождённая от довольно тяжёлой кошачьей туши, я нерешительно взяла уиверна за руку. Суховатые пальцы осторожно сжались вокруг моей ладони. Что это он?.. Секунды ходьбы спустя до меня дошло: он боится меня так же, как я боюсь его!.. Я попробовала заглянуть в его лицо — в странной надежде понять, чего он-то боится. Уже не боится. Слушает дорогу. Спокойный до непроницаемости. Глаза машинально открыты и, судя по векам, двигаются по направлению в ту сторону, которую он прослушивает.

Дорога исчезала уже в нескольких шагах от нас. Впечатление такое, словно идёшь в громадном здании, купол которого еле-еле пропускает свет. Видишь только сильно притушёванные сумраком очертания лица, часть дороги под ногами, да и то глаза режет от неопределённого освещения. И тишина, из-за которой порой чудится в безграничном от темноты пространстве эхо переговаривающихся голосов...

Мои ботинки, казалось, гремели по песку и мелкому мусору, в то время как Дрейвен в наспех сооружённых «тапках» двигался совершенно бесшумно, в чём довелось убедиться, когда иной раз невольно останавливалась, тоже вслушиваясь в странную, кладбищенскую тишину вокруг. С сомнением поглядывая на его ноги, я уже была готова предложить ему пошарить по пустым домам, чтобы раздобыть ему нормальную обувь, но Адэр ждал, может, нашей помощи где-то недалеко. Так что пришлось промолчать. Выбор между спасением Адэра (а я уже понимала, что у него дело плохо) и босыми ногами Дрейвена был очевиден. Кто такой Дрейвен? И кто такой Адэр.

И дом, мимо которого шли. Он ощущался молчаливой громадой, темной, такой же слепой, как уиверн, только ещё и неживой... Окна виднелись редко — где выбитые, где изредка мелькающие сумрачным бликом. Тяжёлая коробка с внутренними пустотами.

Внезапно Дрейвен застыл. Насторожиться — что случилось? — я не успела, только свободная рука оказалась на рукояти пулемёта, да увидела, как уиверн опустил незрячие глаза и чуть повернул голову ко мне. Негромко:

— Ты сейчас смотрела на меня?

— Ну... — смутилась я. И уже сердито сказала: — Да, смотрела. И что?

— Я думал — показалось. Иногда чувствую взгляды. — Он снова поднял голову, и я вздрогнула от короткого резкого свиста.

— Ты что? Ты же не хотел!

— Справа — дом, длинный. Нам наискось за этот дом. Проверил дорогу. Впереди пусто. Лианна, хотел бы тебя попросить. Только не отказывайся. Расскажи мне о Драконьем гнезде. Может, представляя рассказанное, я начну вспоминать. А если и не вспоминать, так, может, хоть легче потом будет ориентироваться в этом... Гнезде.

Дрейвен, честно говоря, несколько озадачил меня. Как рассказать о громадном доме, который являет собой целый мир с самым разнообразным населением? Пока я собиралась с мыслями, уиверн добавил:

— Ты назвала себя его хозяйкой. Ты выросла в этом доме?

— Нет. Я стала наследницей по завещанию его старой хозяйки, даг Куианны. Она выбрала меня... — Я закусила губу, стараясь придумать, как выбраться из неловкого положения. — Выбрала среди остальных наследников.

— Хм... Интересно. А я? Кем был я по отношению к этой даг Куианне?

— Её внук, — прямо сказала я. — Твои родители давным-давно погибли в космической катастрофе. А ты слишком долго не давал о себе знать. Даг Куианна поняла, что скоро умрёт, и спешно нашла меня.

— То есть я прямой наследник? — Странно, но в его голосе послышалась усмешка.

— Был, — спокойно сказала я. Играть в недомолвки не собиралась, пусть он и задавал неудобные вопросы. — Теперь это мой дом.

На короткое движение его ладони я снова заглянула в его лицо. Но, оказывается, он просто пожал плечами.

— Так ты расскажешь о Драконьем гнезде?

— Очень красивый дом, — невольно улыбаясь при воспоминании, сказала я. — Один из самых старинных на Уиверне. Двенадцать этажей. Бесконечные переходы-коридоры. Необычные комнаты с необычным интерьером. Под старину. Даже лифт — и тот под старину. Ходишь по этому дому, как по музею, — и однажды вдруг понимаешь, что этот дом уже не музей, а самое родное на свете место.

— Ты любишь Драконье гнездо, — заметил Дрейвен.

— Обжила — конечно, люблю.

— А до того как мне пропасть, я бывал в этом доме?

— Да. У тебя там даже свои комнаты есть.

— А ты? До завещания бывала в Драконьем гнезде?

Станный, настойчивый интерес. Или это тоже входит в попытку вспомнить?

— Нет, не бывала.

— Тогда я не понимаю, как я мог тебя обидеть, — задумчиво сказал он.

Вот в чём дело... Моё дыхание зачастило. И вскоре даже от него, слепого, не удалось скрыть, как дрожу, словно в сильном ознобе. Изумлённый, он склонил голову, будто прислушиваясь, заговорил:

— Если воспоминания настолько...

— Нет. Я скажу... — с трудом давя внезапно рвущийся крик, сквозь зубы сказала я. — Ты обидел меня в день смерти даг Куианны. Ты вернулся вдруг и узнал про завещание... что даг Куианна вписала в завещание меня... Ты... Ты набросился на меня и... и...

Он даже вздрогнул, когда до него дошло.

— Я... что сделал?!

Его видимое потрясение смягчило мою истерику, но не дало возможности прекратить

её телу. Меня трясло так, что не сразу заметила: он меня обнимает и качается вместе со мной, лишь бы я успокоилась. Слёз нет. Выплакала раньше... А когда заметила, что Дрейвен успокаивает, было плевать. Здесь, в крошечной темноте, в его руках стало даже спокойней. Так что собралась и взяла себя в железный кулак. Успокоилась — он почувствовал сразу. Его пальцы явно вопросительно скользнули по моему лицу. Застыли на скулах, вздрагивая. От этого лёгкого, проверяющего прикосновения — мурашки по телу.

— Не плакала, но сильно расстроилась.

— Вердикт правильный, — сказала я, с трудом расслабляя сжавшееся горло. — Пусти.

— Подожди немного.

Лбом в его грудь, руки перед собой скрестила. Пусть знает, что даже утешающего не подпущу близко к себе. Хотя куда уж ближе... Вздохнула, сглотнула — горло уже не так зажато. Подняла голову на шевеление сверху, с плеча уверна. Глаза в глаза с зелёными, кошачьими. Мисти взгляделся и тихо замурлыкал. Вот уж после чего полегчало сразу. От него — сочувствие приму безоговорочно.

— Пошли.

Дом и правда казался бесконечным. Зато через несколько десятков шагов мимо него я успокоилась полностью. Шла рядом с уверном, думала о прошлом, думала о том, как Дрейвен теперь будет вести себя со мной, зная о странице из своего прошлого — хотя бы с моих слов. И время от времени тихо предупреждала:

— Слева ящик... Впереди — куча кирпичей... Обойти слева. Дальше — ровно.

— Ты очень сильно переживаешь, — вскоре снова заговорил он. — Но сейчас ведь главное, что ты хозяйка Драконьего гнезда. Ты счастлива?

— Почти. Повезло, что помогали. Я бы не стала хозяйкой дома, если бы не старик Грир и Брилл — бывший секретарь даг Куианны. А уж без помощи начальника службы безопасности мне бы пришлось совсем худо. Адэр здорово помог мне. Адэр Кейдн.

— Адэр... Ты называешь его запросто? По имени?

— Между нами дружеские отношения. Я многим ему обязана, — чопорно сказала я.

— А как он относится ко мне? Он помнит меня? Сумеет опознать?

Понимать я понимала, что он пытается отвлечь меня от тяжёлых мыслей, но что-то благодарности не чувствовала. Слишком много негатива всколыхнули воспоминания.

— Адэр хорошо относится к тебе. Он рассказывал, что ты часто приходил к охранникам на тренировки и дрался с ним самим в спарринге. Но опознать тебя сможет и Монти Альпин — один из твоих кузенов. Монти нам здорово помог, когда выяснилось, что Кера становится закрытой планетой.

— Вот как? Ты и про кузена говоришь очень просто. С ним у тебя тоже дружеские отношения?

— Монти ввёл меня в светское общество на Уиверне. Без его связей и знакомств я бы чувствовала себя там очень неуютно.

— Тебе многие помогали, — бесстрастно заметил он.

Не знаю, что именно он имел в виду. Может, это была констатация факта, может, попытка подтолкнуть к каким-то объяснениям, но, впервые задумавшись об этом, сказала:

— Им всем было выгодно, чтобы в доме хозяйкой стала я. Когда другие родичи даг Куианны узнали, что старая леди обошла их вниманием в своём завещании, они воспользовались моим... тогдашним состоянием и начали увольнять старых слуг. Многие просто внаглую начали пользоваться преимуществами, которое даёт даже простое

проживание в таком доме. Сотрудничество, как говорится, оказалось взаимовыгодным: из слуг я не выгоняла никого, потому что мне легче было войти в курс дела с теми, кто издавна знал дом и семью. Меня не учили, а только подсказывали. И эта учёба оказалась лучшим, что могло быть в моём положении. Я знала, на кого могу опереться. Они знали, что их место стабильно. Мне там... хорошо.

Кажется, некоторое время он переваривал информацию, поэтому шли молча. Но несколько не удивилась, когда он снова спросил:

— А как пропал я? Понимаю, что вопрос странный...

— Тебя отследили до ангаров, принадлежащих Драконьему гнезду. Ты самостоятельно выбрал нужный катер до орбиты, где пересел на личное судно. Дальнейший путь оказался неизвестным.

— А как узнали, что я на Кере?

— Даг-ин Рэдманд подсказал. У него есть отслеживающая служба, которая ищет клиентов по всему Содружеству. Тебя засекли на верхних ярусах — всего раз. Этого было достаточно, чтобы собраться сюда.

— А кто это — даг-ин Рэдманд?

— Юрист, который ведёт дела Драконьего гнезда.

— Ты говорила — я нужен, чтобы решить дело рода Драконье гнездо. Но не сказала, что именно от меня ожидается.

Я остановилась. О ребёнке говорить не хочу. Брендон мой и только мой. Отдавать его на каких-нибудь сомнительных юридических условиях, которые могут возникнуть на Уиверне, этому уиверну не могу. Душа плачет, и сердце протестует. Что придумать?

— Если бы ты был тем Дрейвеном, который всё помнит, я бы сказала, — высокомерно ответила я. — Но ты другой. И ещё неизвестно, будешь ли именно ты, по уивернским законам, выполнять родовые обязанности, как это требуется.

— Ничего не понял, — признался Дрейвен, тоже подумав. — Хочешь сказать: если ко мне вернётся память, я могу сделать нечто? А если буду беспамятным — у меня всё под вопросом?

— Да. Примерно так. Наверное.

Мне показалось, я успела заметить странный блеск в его глазах. Мы стояли близко к углу дома, вдоль которого шли. Он помедлил. Еле слышно хмыкнул.

— Ты... заставила меня жалеть о двух противоречивых вещах: я не помню. И не знаю, хочу ли вспоминать.

— Почему? — Он и правда озадачил.

— Ты мне нравишься. Такая маленькая и такая сильная.

— А по морде не хочешь за такие слова? — Во мне мгновенно подняла голову приютская девчонка, привыкшая жить по законам маленьких зверёнышей, собранных в одном месте, но так и не прирученных.

— Вот это я и имел в виду, — спокойно отозвался он и повернулся к углу дома, всматриваясь и в самом деле поблёскивающие из-за него промельки огня и ворча: — Что-то мне это не очень нравится. Дальше идём тихо и осторожно.

Я хотела было ответить ему в духе: чего, мол, раскомандовался тут?! Но вовремя опомнилась. Он прав, нужно быть очень осторожным. Ведь не Адэр же зажжёт этот огонь, дожидаясь меня. Но Дрейвену мысленно ответила: «Я не сильная. Это обстоятельства заставляют драться изо всех сил за будущее двоих». А ещё, покосившись на него,

напряжённо вслушивающегося в пространство впереди, нерешительно подумала, что, останься уверн таким, каким я сейчас его узнаю, он был бы мне близок. Такой сильный и такой одинокий... И тут же угрюмо напомнила себе, что я тоже была одинокой, но меня заставили быть сильной. Я не просила даг Куианну выбирать меня своей наследницей.

Пришлось подойти к самой стене дома, чтобы я смогла выглянуть из-за угла.

— Что там?

— Костёр. Вокруг него люди.

— Не уверен, что там точно люди.

Я притихла, прислонившись к стене. Он опять прав. Люди могли разжечь костёр. Но это же могли сделать и мутанты... Движение Дрейвена — он поднёс к глазам всё ещё работающий блок вирт-связи. Видимо, машинально покачал головой.

— Его вирт работает за этим местом. Обойти нельзя.

Снова пришлось выглянуть. Костёр горел на середине ровного места. Но узкого. Переулок. Опять. Когда-то здесь, наверное, был очень густо заселённый район, пока до него не добрались мутанты с нижних ярусов.

На еле слышный скрежет я обернулась. Дрейвен вынул меч и кивнул на своё плечо.

— Доверяю тебе Мисти. Держись за моей спиной. Поняла?

— Ещё чего... — начала было я, но он перебил — сильно и жёстко:

— Лианна, это не тренировочный полигон и не спортивный зал. Не будь упрямой душой. Тебе нужно вернуться на Уверн, мне — спорно. Так что ещё раз: держись за моей спиной. — И насмешливо добавил: — Головой отвечаешь за Мисти, ясно?

«Упрямая дура», как ни странно, вернула меня к реальности. Да, это не спортивный зал, но Дрейвен и не отсылает меня... Так что Мисти я тоже переношу на своё плечо, жалея, что нет переноски, в которой его можно было бы тащить, не думая, как бы котяра не свалился. Впрочем, думать и переживать за Мисти, как оказалось, и так не надо: бронированный кот крепко вцепился в мою куртку, оставляя мне таким образом свободу для военных действий, случись им начаться.

Дрейвен тихо спросил:

— Всё? Готова?

И дотронулся до меня. Его пальцы, дрогнув, остановились перед моим лицом, прежде чем коснуться щеки. Я уже не пыталась отшатнуться, как бывало ранее. Если ему спокойней, когда он чувствует меня таким образом, отказывать в малости не буду.

Но когда его пальцы вдруг съехали на мои губы и мягко обвёли их...

Уверн резко развернулся и шагнул за угол дома.

Ошеломлённая, я некоторое время стояла неподвижно, а потом опомнилась и поспешила за ним.

Нам предстояло обойти костёр и людей, сидящих вокруг него. Огонь горел не в самой середине переулка, как ранее виделось сбоку, а чуть ближе к стене дома напротив.

Пока я торопилась за Дрейвеном, который теперь шёл и высвистывал путь не скрываясь, насчитала у костра семь чёрных, пока плохо угадываемых фигур.

Уверн шёл, по своему обыкновению, бесшумно и мягко ступая, будто вкрадчивый хищный зверь. Насторожённо — после его странного жеста — приглядываясь к нему, я смутно думала, что, будь неизвестных нам пока существ двое или трое, я вряд ли на их месте подошла бы к нам. Очень уж сильно и с какой-то чувственной угрозой двигался уверн, несмотря на слепоту... И на почти босые ноги — аукнулось слабо.

Пулемёт я несла, сунув рукоять подальше в рукав куртки, так что ствол торчал между пальцами, чуть ниже их. На ходу, пока была возможность, я пару раз пробовала расслабить пальцы, чтобы пулемёт выпадал из рукава — и пальцы мгновенно натыкались на спусковой крючок. Кажется, получалось.

Теперь только одно вызывало моё беспокойство, несмотря на уверенный мягкий шаг Дрейвена. Адэр забыт. Дрейвен ближе, и его босые ноги вдруг стали важнее всего на свете — от них наверняка зависело очень многое, случись что. Едва-едва прикрыты плащевой тканью. Под толстой подошвой своих-то ботинок я отчётливо ощущала хруст раздавленного мусора, а уж каково приходилось ему?..

Но над всеми размышлениями царило одно, чисто физическое ощущение — его пальцы на моих губах. Ощущение возмущало: что он себе позволяет? Ощущение вызывало иррациональную тревогу: не прощальная ли это ласка? Что в основном и заставляло торопиться за ним след в след... Лаской я не избалована. В приюте смешным считалось слово «любовь», да и использовалось оно часто в грязном значении. Секс среди старших воспитанников считался чем-то сродни стакану компота: кто сильнее — тот и возьмёт. Выходя из приюта во взрослую жизнь, я была уверена, что знаю о «любви» абсолютно всё и довольно брезгливо относилась ко всему, что связано с «этим». Да и дальнейшие «любовные» приключения в богатых домах, где приходилось работать, только подтверждали мою убеждённость...

Странно, что я задумалась об этом сейчас, когда до костра оставалось несколько шагов. Но воспоминания витали надо мной, как будто желая прогнать чувственную память о пальцах Дрейвена на моих губах.

От костра поднялась ссутуленная фигура, в которой пока только угадывались внешние человеческие признаки. Но, может, это из-за темноты. А может, из-за того что приходилось всматриваться в фигуру, привставшую на фоне трепетного огня, прикрывающего её, смазывающего очертания.

Дрейвен шёл всё так же, не торопясь, но походка чуть заметно изменилась: она отяжелела, отчего теперь казалось, что от уиверна странным образом веет отчётливым предупреждением: «Не подходи!»

Плохо различимую фигуру это изменение явно не беспокоило, а может, неизвестный и не разглядел его. Он ковылял к нам не спеша, но настойчиво, по-медвежьи переваливаясь с «лапы на лапу», явно стараясь дойти наперерез. Наконец Дрейвен просто вынужден был остановиться: последний шаг существа — и он оказался буквально перед носом уиверна.

С опаской выглядывая из-за спины Дрейвена, я с той же опаской присматривалась к странному существу. Оно пряталось внутри какой-то мешковины — толстые руки-ноги из дыр, наверху которой прорезана ещё одна кривая горизонтальная дыра — не то для глаз, не то для рта. Существо высилось над Дрейвеном, хотя ростом уиверн довольно высок.

Услышав сиплое рыканье, я похолодела: странное же горло могло издавать такие звериные звуки. Существо порывивало сначала спокойно, а потом вроде как даже разволновалось: Дрейвен всё молчал. А я тщетно прислушивалась и не узнавала ни единого слова. Может, существо говорит на каком-то изуродованном диалекте Керы?

Существо уже вопросительно рыкнуло и — у меня сердце замерло! — указало на меня. Уиверн тоже оглянулся, словно не понимая. Снова отвернулся — и спокойно ответил на том же языке. Я сжала кулаки. О чём они? Ничего не понимаю! А, нет... Вот это я поняла. Существо снова показало на меня, а уиверн покачал головой.

Так, Дрейвен не хочет чего-то, связанного со мной.

Не успела додумать. Существо вдруг повысило голос и уже зарычало по-настоящему звериным рыком. Оно требовало, снова и снова тыча в меня... А от костра медленно поднимались остальные фигуры...

И тут Дрейвен нажал на горло и сказал на общегуманоидном, но как сказал! Так сочно, так глубоко усмешливо, с такой улыбкой превосходства, что, будь мы наедине, я бы обязательно попыталась убить его!

— Это — моя женщина. И делиться ею ни с кем не собираюсь!

До меня ещё только-только доходил смысл его реплики, а существо взревело и набросилось на уиверна. Руки Дрейвена взлетели и будто встретили узкие плечи мутанта, падающего на него. Блеснули ножи, выскочившие из-под его ладоней. Я отскочила от обрушившейся наземь туши, с ужасом и восторгом глядя на неё и одновременно держа в поле зрения встающие от костра фигуры. И не только в поле зрения, но и на кончике пулемётного ствола. Злость на Дрейвена смешалась с детским восторгом, как здорово он убил мутанта, — и ко всему прочему, как ни странно, примешивалось бешеное, ничем не сдерживаемое восхищение: в такой ситуации мне понравилось быть женщиной уиверна!

В темноте показалось: что-то странное с рукавами Дрейвеновского плаща. Спустя мгновения сообразилось — ножи втянулись, и теперь он выстрелил клинком уивернского меча. А эти, от костра, рассыпались в две стороны — позади нас и впереди. В клещи взяли. Удобно — переулочек превратился в тупик.

Я только-только развернулась к угрожающе топающим на нас сзади, благо их всего двое, как Дрейвен вдруг шарахнулся назад. Врезались спинами друг в друга не хило.

Рот раскрыла выдохнуть: «Что?» А дыхание замерло — вместе со словами на похолодевших губах. Сверху! Из пустых окон, западавших тьмой внутрь дома, который мы обходили, вылетели какие-то, будто выстрелили... Даже назвать их как-то трудно, потому что, кроме крыльев, и не видно ничего! Глаз не успеваешь проследить за их полётом! Откуда они и что они такое?! И нам теперь что — защищаться и от тех, и от этих?! Зажали со всех сторон?!

А эти, которые в переулочке, крылатых пока не видят! Они смотрят только на нас!

Сигналом к бою послужил ультразвуковой свист Дрейвена. И что-то зажалось во мне. Несмотря на понимание, что он не впервые попадает в такие передрыги, стало страшно не за себя — за него: надеяться слепому в такой ситуации только на свист?! Но короткие, синкопирующие высвисты уиверна звучали довольно уверенно, и отходить от меня он не старался, хоть наверняка я и путалась у него под ногами. Впрочем, скорее всего, он даже был рад этому: всё-таки под его присмотром.

А двое, самоуверенно порывивая, подходили ко мне.

Вспомнив, как гонял меня на тренировках Адэр, я попыталась представить, что передо мной охранники Драконьего гнезда, переодетые для устрашения. Да — не полигон, да — не спортивный зал! Но и моё оружие не игрушка... Рыкнув, первый из моих двоих бросился ко мне. Я только вскидывала пулемёт, а мутант уже оказался совсем близко. Мой выстрел утонул в его брюхе, приглушённый толстой и мягкой плотью, — и, дьяволы! — я ткнула в него слишком сильно: он конвульсивно вцепился в пулемёт, и вместе с рухнувшим телом из моих рук выдрало оружие! Я схватилась за нож!

Дрейвен пока не вынимал огнестрельно-лучевого оружия, стремительно орудуя мечом, хотя ему пришлось биться против четверых.

Затылок тёплый: Мисти облёг меня плотно, явно не собираясь покидать насиженное место.

Уиверн уже только против троих! Сверху одного из четырёх мутантов ударили по голове чем-то, по впечатлениям, твёрдым и выдернули в воздух. Кто именно выдрал — разглядеть так и не удалось. Удалось уловить лишь, что это было нечто гигантское и поглощающее свет, и так нервно мотающийся в этом стиснутом стенами переулочке.

Протестующее рычание наверху резко оборвалось. Зато загрохотал странный, убивающий уши скрежет, заглушивший даже свист уиверна. Повезло, что этот скрежет подействовал точно так же убийственно и на нападающих. Мутанты упали, зажимая головы. Дрейвен, ссутулившись, схватился за уши. У меня брызнули слёзы от боли.

Но именно мутанты пришли в себя первыми. Я ещё не могла унять слёз, закрывающих обзор, как второй нападавший с рыком метнулся прямо с земли ко мне. Нож мгновенно оказался в замахе, но мутант, вдруг резко согнувшись и хекнув, отлетел от меня. Это Дрейвен

успел развернуться и ударить его ногой. Фора! Я быстро нагнулась, не спуская глаз с неуклюже поднимающегося медведеподобного существа, которое хватало воздух раскрытой пастью. Всё, пулемёт в моих руках! Очередь в мутанта. Быстро развернулась к уиверну. Тот завалил ещё одного мутанта, а двое оставшихся старались обойти его с обеих же сторон.

Он с ними разберётся сам. Я прицелилась и попыталась подстрелить хоть одну летающую тварь. Такое впечатление, что стая растёт с каждой секундой. Как они только друг другу не мешают?! Переулочек-то явно не для полётов... Воздух наполнился шорохом громадных крыльев, свистом рассекающих пространство тел и короткими скрежещущими воплями, в которых слышались кровожадный восторг и что-то вроде охотничьего вопля.

Выпустила очередь над головой Дрейвена. То ли попала, то ли нет. Но уиверн успел уложить одного мутанта, а второго снова подхватили из тёмного пространства, вздёрунув его наверх. Теперь на виду только мы.

Скрежет, бьющий по голове. Непроизвольные слёзы. Кто-то хватается за руку.

— Бежим!

Ничего не вижу. Скрежет превратился в пронзительное верещание. Боль прорезала голову и будто скручивает её, легко выжимая из глаз слёзы. Шуршание крыльев близко над головами. Резкий, пугающий снизившееся чудовище мяв и шипение Мисти на моих плечах. Кто-то сверху шарахается от нас. Дрейвен сильно пригибает мою руку, почти к земле, заставляя согнуться и меня... Невидимое чудовище скользнуло мимо, не сумев вовремя сориентироваться на наш нырок.

Новый рывок вперёд застал меня уже пришедшей в себя. Глаза больше не слезились, только сама я болезненно кривилась от боли в ушах.

Уиверн тащил меня куда-то, подальше от костра, и наши тени металась по стене дома сумасшедшими великанами из сумасшедших снов...

Его следующий рывок сбил меня с ног. Возмутиться не успела. Оказывается, Дрейвен добивался именно этого — падения. Он дёрнул меня к себе во время падения и перекатом, страхуя меня плотным объятием, кинулся под стену. Освещённый огнём чёрный зев подвального окошечка казался таким маленьким и узким...

Мы ввалились через него и грохнулись на пол. Слава богам, он оказался невысоко от подвального окошка. И грохнулись не мы, а лишь уиверн, постаравшийся упасть так, чтобы я оказалась сверху. Свалились — и замерли.

Тишина. Только за стеной — слышно из окошечка — шелестят и свистят крылья...

Плечо и ключицы внезапно по нарастающей налились болью. Прежде чем я поняла, что происходит, Мисти вынул наконец когти из моей кожи и медленно, прислушиваясь и насторожённо присматриваясь к окошку, отошёл в темноту. Кажется, от стремительно летящих событий у него шок не меньше нашего.

Я было дёрнулась встать с Дрейвена, но он не пустил. Его руки крепче прижали меня к его телу. Хотела возмутиться... Стекающий шорох от подвального окошечка парализовал мгновенно. По нижнему краю — как поняла, вслушавшись, — кто-то сползал к нам с улицы. Не разглядишь: последние отблески явно затухающего костра призрачно плясали на противоположной нашему лазу стене.

Одну руку Дрейвен бесшумно убрал с меня, кажется убедившись, что я больше никуда не рвусь. Убрал правую, с мечом. Начал осторожно выпрямлять её, застывая всякий раз, едва затихал шорох от подвального окошка. Меня слегка покачивало на его теле, когда он дышал, и бешеный перестук его сердца только и объяснял его настоящее состояние.

Когда уверн еле ощутило напрягся, напряглась и я, предполагая, что он вскочит на ноги и поднимет меня.

Он развернулся сильно сжатой пружиной и отшвырнул меня в сторону. Перекатившись пару раз и чуть не врезавшись в невидимую стену, я вскочила на ноги и позорно прижалась к той же стене, ничего не видя, абсолютно слепая.

А впереди, всего в нескольких шагах от меня, что-то воевало, пыхтело, шипело, рычало, стучаясь о землю! И непонятно, кто с кем и кто кого... А потом так вообще я шарахнулась, влипая в стену за спиной, потому что кто-то злобно взвыл — и сразу узнать голос Мисти не удалось, поэтому его вой первобытным ужасом ударил по сердцу.

Внезапно живая тьма застыла. Что-то мягко стукнулось о пол. Наступила какая-то безнадежная тишина. Мне стало плохо. Дыша ртом и слыша пульс, бьющийся в виске, я изо всех сил вслушивалась в пространство подвала... А вдруг уверн убит? И сейчас нечто-убийца ползёт ко мне и вот-вот набросится?.. А если даже и не ползёт, как мне теперь выбираться с этого яруса? Одной? Не знающей правил здешних, диких игр? Дрейвен, будь ты проклят! Кто разрешил тебе умирать, оставив меня здесь в одиночестве?!

— Лианна...

Тихий голос выдохом снизу. Я осторожно пошла на него, еле шаркая ногами по неровному полу. Но всё равно чуть не грохнулась, споткнувшись обо что-то упругое, что неохотно отодвинулось в сторону только из-за силы моего нечаянного пинка. Тяжёлое.

Втянув воздух сквозь зубы, я присела на четвереньки и, на полусогнутых перешагнув какую-то мягкую трубу, судя по теплу недавно живую, поползла по направлению к голосу. Дрейвен лежал. Я нащупала его руку, потом положила ладонь ему на грудь. Сердце работало, причём успокоенней, чем до этого.

— Ты живой? — ненужно спросила я, садясь рядом с ним на пол.

— Живой, — всё так же тихо сказал он. — А ты? Сильно ударились? — Он говорил почти на выдохе, каждое слово отдельно. И, чувствовалось, не оттого что надо говорить тихо, а потому, что тяжело выговаривать слова.

— Не смейся. Почему ты не поднимаешься? Ранен?

— Нет. Сейчас отлежусь — и пойдём дальше. Посмотри в кармане плаща — блок вирт-связи не разбился?

Я обшарила плащ, прежде чем нашла карман, на котором, оказывается, уверн лежал. Вирт-связь вроде оставалась в порядке, но я боялась включать её.

— Дрейвен, а можно включить её?

— Подожди немного. Сейчас встану. Отойдём от окна — посмотрим.

Я села рядом. В темноте оказалось теперь не так страшно, когда рядом лежал уверн. Я нашарила его руку и сжала вялую ладонь. И почти сразу бледные отблески огня на стене погасли. Костёр мутантов догорел без присмотра.

Ожидала, что Дрейвен пожмёт мне руку в ответ, чтобы не боялась. Но он не среагировал. Тогда я на коленях подобралась ближе и потрогала его лицо. Глаза закрыты. Может, ему и правда надо отлежаться? Пульс-то спокойный, даже замедленный. Мои пальцы скользнули по лицу уверна. Влага. Вся левая щека мокрая. Кажется, кровь изо рта. Кажется, всё-таки его сильно ударили. А я ещё пыталась его разговорить... Вытащила пачку бумажных платочков, на ощупь оттерла ему кровь.

Ладно. Он обещал — значит, отлежится. Но до чего же хочется, наплевав на опасность с улицы, включить хоть небольшой свет, который даёт вирт-связь, и посмотреть, что с ним.

Нельзя. Тогда я сделала единственное, что могло бы уиверну помочь или хотя бы облегчить его состояние: сняла свою куртку и, скатав её, подложила ему под голову. Чтобы приподнять ему голову, пришлось собрать его волосы. Ощувив их, грязные, спутанные, я не впервые задумалась о странных поворотах судьбы. Не психани он из-за завещания, ничего бы этого не было. А что было бы? Я попыталась прикинуть... Честно говоря, почему-то с трудом представлялось, что этот Дрейвен вообще мог быть таким, как тогда, в день смерти даг Куианны... Нет. Не думалось ни о чём, кроме того, что без Дрейвена мне отсюда не выбраться. И больше не увидеть Брендона. Я подавленно вздохнула и провела пару раз по волосам уиверна, остановив потом ладонь на его лбу, горячем и мокром.

— Век бы... так лежать, — прошептал он.

Кажется, Мисти был полностью согласен с ним. Я вздрогнула, когда ощутила, как чьи-то лёгкие лапы деловито, еле слышно протопали рядом. Маленькое, но тяжёлое тело забралось ко мне на колени и свернулось клубочком. Усиленное мурлыканье Мисти под моей ладонью вскоре погрузило меня в тяжёлую дремоту.

Сколько времени мы были без сна? Неудивительно, что я заснула. Сон прерывистый. Просыпаясь время от времени, я не сразу осознавала, где нахожусь. Особенно, если засыпала глубоко. Но ничего не боялась. Несмотря на то, что оказалась в подвале, где могли таиться не менее страшные чудовища, чем те, что нас сюда загнали. Дрейвен обнимал меня, когда-то успевшую прилечь на его плечо. С ним было тепло и спокойно.

В очередной раз проснувшись, я поняла, что он не спит. Приподняла голову.

— Мы давно... отдыхаем?

— Достаточно, — ответил он, уже не задыхаясь, нормальным голосом.

Села рядом с ним, снова потрогала лоб. Просто тёплый.

— Сейчас встану.

Мисти проворчал что-то вроде того, что неплохо бы подремать ещё чуток. Но Дрейвен уже сел — без помощи рук. Просто поднялся.

— Что у меня под головой?

— Куртка моя. Давай сюда. Ты точно пришёл в себя?

— Угу. Кажется, нам повезло. — Он передал мне куртку, предварительно встряхнув её — судя по шелестящему звуку.

— Чем?

— Не чуешь, чем пахнет?

Я приняхалась. В сухом воздухе подвала еле витал запах чего-то химического. Нет, даже технического. Так и не догадавшись, что это, положила на знание уиверна.

А тот встал, велел мне сидеть на месте и растворился в темноте. Вернулся, когда я уже снова от ожидания начала засыпать.

— Пошли. Мисти у тебя?

— Да.

Я не спрашивала, куда идти, зачем. Надо будет — сам скажет. Надо будет — просто приведёт на место, где сама всё пойму. Одной рукой я придерживала сладко дрыхнувшую на моём плече тушу бронированного кота, другой держалась за руку уиверна. Приходилось: ноги вялые. Устала и снова хочу есть. А Дрейвен двигался уверенно — даже без свиста. Остановился.

— В двух шагах от тебя машина. Спортивная. Отличается тем, что четырёхместная. Я посмотрел: зарядки нам хватит часа на два.

— Я не умею водить машины.

— Тебе и не придётся.

Он осторожно подвёл меня к машине, чтобы я смогла её в темноте нащупать и сесть. Я только было хотела спросить, уверен ли он, что слепым сможет вести её, но закрыла рот. Если он сказал — поверю. Даже спрашивать не стала, знает ли он, куда ехать. Наверняка уже все ходы-выходы проверил. И он подтвердил:

— Коридор, по которому поедем, я просмотрел. Выход рядом с тем местом, на которое указывает блок вирта. Некоторое время нам придётся ехать с убраным верхом — без свиста не обойтись.

Всё ещё не пришедшая в себя после прерывистого сна, я согласилась бы на что угодно, лишь бы побыстрее выехать на свет. Хоть небольшой, но не дающий гнетущей, болезненной дремоты. Хотелось нормального бодрствования. Дрейвен усадил меня на переднее сиденье, затянул ремни и снова сунул мне в руки тяжёлый тёплый груз — Мисти. Сел рядом. Проверяющий свист — и машина мягко двинулась с места. Прислонившись к спинке сиденья, чувствуя на лице прохладный подвальный воздух, пыльный и пропитанный запахами бетона и старых вещей, я постепенно начала приходить в себя. Но недолго: пока осторожная, езда в машине, монотонно гудящей низким тихим гудом, снова вкрадчиво успокаивала и усыпляла до обрывочного сна.

Не знаю, сколько не спал Дрейвен с момента, как мы столкнулись с ним, но, кажется, сейчас он чувствовал себя намного лучше. Во всяком случае, едва мы выехали из подвала — поднялись по выездной дороге, он спокойно сказал:

— Не пугайся. Придётся немного поманеврировать.

И машина рванула с места. Потому что сверху снова раздался шорох слетающих ночных невидимок, которые бросились в погоню за нами.

Свист, время от времени блок вирт-связи в руках, и тогда приходилось управлять машиной одной рукой, — как он всё успевал?!

Мисти вцепился в меня мёртвой хваткой. Впившихся в меня когтей я уже не замечала, потеряв чувствительность на раздираемой коже, лишь один раз подумала: неплохо бы полностью застегнуть куртку... Мы вылетели из переулка, пересекли пустынный перекрёсток, каким-то чудом не угодили в битую витрину, отблёскивающую тусклым огнём единственного фонаря на этой улице. Машина развернулась в таком крутом вираже, что я не выдержала, с испугу ухватилась за край окна и крикнула:

— Что ты вытворяешь?!

— Всё нормально! — процедил он сквозь зубы.

Через минуту я поняла — что: те летучие твари, невидимые в темноте, выразить, как юркая спортивная машинка, не умели — разогнавшись, пролетели мимо нас. И, кажется, потеряли!.. А потом Дрейвен бросил машину на такой поворот, что я проснулась сразу!

Бросил, подлетел к следующему дому, у которого шарахнулись от нашей машины какие-то фигуры — не то людей, не то мутантов. Они ещё пятились, когда уиверн выскочил из машины и бросился к дверям в подъезд — если не в магазин. Злая, как чёрт, я вскинула пулемёт на край окна, перед тем за шкуру оттащив Мисти от себя на место водителя. И приготовилась стрелять в каждого, кто подойдёт!.. Ему трудно было сказать, куда он?! Чтобы я не психовала и не беспокоилась!

Но Дрейвен вышел из магазина — или откуда-то там ещё — очень быстро. Но вышел — не выбежал. Тащил груз, довольно большой и неудобный для перетаскивания. И, пока я

следила за ним, чуть не раскрыв рот, совершенно обалдевшая, он перекинул через дверцу (тут я его поняла — некогда возиться, открывая её) на пассажирское место безвольно обвисшее уже на его руках тело Адэра, пристегнул его ремнями безопасности и прыгнул на место водителя. Мисти только и успел снова шагнуть ко мне. И машина снова рванула по улице, оставляя позади ошеломлённые стремительно происходившими событиями фигуры. Но, возможно, если для аборигенов происшествие выглядело примерно, как очередной грабёж с убийством, то меня Дрейвен поразило до глубины души.

— Откуда ты знал?..

— Пошёл по связи вирта.

После этого короткого ответа, по мнению этого мужчины всё объясняющего, я решительно заткнулась, подумав, что лучше выждать время и выпросить у него подробности тогда, когда это позволят обстоятельства и место. Если они, эти подробности, мне вообще когда-нибудь понадобятся.

А пока мы мчались по улице, и единственным желанием было поскорей остановиться в безопасном месте, чтобы осмотреть Адэра и понять, что с ним происходит. Смутно я представляла, что уиверн не бросил бы его тело так решительно в машину, не будь тот жив. Да и, может, вообще бы вернулся без него... Уже хорошо.

Словно сообразив, Дрейвен сухо сказал:

— Потерпит. Ранен не слишком тяжело.

И снова свист-разведка.

Никогда не думала, что буду так ему благодарна за пару коротких и конкретных слов... Хотя, по наблюдениям, он в благодарности и не нуждался. Слишком сосредоточен на дороге. Да и я на такой скорости не решилась бы его отвлекать. Слишком много сосредоточенности на такой дороге не бывает. С таким водителем.

Внезапно он сбросил скорость. Наша машина притулилась у какого-то заведения под крышей-козырьком. Единственный человек, стоящий здесь, быстро отошёл от нас. Судя по всему, в этой части Керы не слишком привыкли к машинам.

Дрейвен высоко поднял подбородок, сдвинув брови. Прислушивался к чему-то, что ему явно не нравилось. Осел на сиденье, некоторое время раздумывая.

— Полиция. На вертолётах, — пробормотал он. — Что-то как-то не вовремя. Что у них ещё...

Машина медленно, словно тоже размышляя, нужно ли это делать, поехала дальше. Дрейвен выглядел настолько сосредоточенным, что мне стало не по себе.

— Хорошо, — сказал он, будто на что-то решился. — Мы всё-таки доедем до места, где была моя комната. Будем надеяться, что тот кузен — как его? — ждёт нас там.

— Лианна! — донеслось с заднего сиденья.

— Адэр! — обрадовалась я, обернувшись к нему. — Ты пришёл в себя? Подожди немного — и мы поможем тебе! Дрейвен говорит — раны не тяжёлые!

— Дрейвен?

— Ну да!

Уиверн, слушавший наши реплики с непроницаемым видом, снова завернул куда-то в сторону. Машина остановилась, и Дрейвен вытащил спрятанную в дверце справа от себя дорожную аптечку. Я быстро расстегнула на себе ремни и подбежала к Адэру. Счастье — видеть его! Видимо, он почувствовал мою радость и слабо улыбнулся.

— Потерпи, я сейчас! Быстро!

Дрейвен встал с другой стороны машины и, нащупав на Адэре ремни, освободил его от них. Адэр изумлённо смотрел на его сосредоточенное лицо — причём я заметила, что его рука, освобождённая первой, немедленно дёрнулась в сторону бедра с кобурой. И тогда я торопливо сказала, чтобы не было лишних недоразумений:

— Дрейвен ничего не помнит — из того, что произошло на Уиверне. — Заметив же, что Адэр недоумённо следит за руками Дрейвена, нашаривающими ремни безопасности на нём, я предупредила: — Ко всему прочему Дрейвен слеп.

— Так что, дружище, вам придётся терпеть мой свист. Я им нахожу дорогу, — спокойно уточнил Дрейвен.

— Даг-ин Дрейвен, вы правда ничего не помните? — пробормотал Адэр.

— Не помню, но в курсе большинства событий. Лианна рассказала. Что произошло с вами, Адэр? Где остальные телохранители Лианны?

Начальник службы безопасности Драконьего гнезда заметно вздрогнул, когда Дрейвен назвал его запросто — без обращения «даг-ин», но я кивнула ему и пожала плечами, и он принял существующее положение, при котором Дрейвен обращался к нему не по уивернскому этикету.

— Монти Альпин расстрелял всех, — безэмоционально сказал Адэр и сморщился от ненависти.

Плеснуло перед глазами: Монти — изящный, светски улыбочивый денди, всегда в светлой одежде (исподтишка посмеивались: не в цвет ли длинным белым волосам?), — и «Монти расстрелял всех».

Кинула взгляд на Дрейвена. Тот стоял неподвижно, но не оттого, что услышал. Подняв голову, но опустив глаза, он внимательно слушал. Снова отчётливо проступили морщины. Наконец он повернулся предпологаемо к нам и сухо сказал:

— Нам придётся найти укрытие. Сюда с обеих сторон летят полицейские вертолёты.

И сел за руль.

Я, поколебавшись, снова пристегнула Кейдна ремнями безопасности, причём он не возражал и повернулся так, чтобы лежать на боку. Кажется, именно со спиной у него проблемы. Надо будет спину смотреть сразу, как только Дрейвен завезёт нас куда-нибудь.

Хм... Я невольно усмехнулась сама себе, когда машина быстро тронулась с места и помчалась к ближайшему переулку. Когда это я начала доверять Дрейвену? А если он сейчас спрячет машину с нами где-нибудь в потайном местечке, а потом...

Переулок между тем, в сравнении с улицей, опять темнел, и мы словно вдвигались в мрак. Я невольно ссутулилась. Устала от постоянной темноты. Но с границы, когда темь уже обрушилась на нас, Дрейвен начал высвистывать дорогу. Как ни странно, это помогло мне. Знакомое ощущение, от которого хоть и передёргивало... Можно не обращать внимания — усмехнулась я себе. И вдруг задумалась совсем не о том, о чём надо бы.

Опять Дрейвен. Точнее, не так. Почему, когда Дрейвен сел за руль, я, вместо того чтобы сесть к раненому Адэру, придерживая его, чтобы ему было удобней, осталась на переднем месте? Так привыкла, что рядом с Дрейвеном безопасней? Опять хм...

Что-то с ним, кстати, не то. Он как-то отяжелел, поугрюмел с момента, когда вытащил из здания Адэра. Что случилось? Или я придумываю что-то? И ещё одно кстати: с чего вдруг я начала приглядываться к нему?

Внезапно неясное чувство заставило меня оглянуться — на мутный свет в начале переулочка. Он двигался — этот свет, причём неровно — мотаясь из стороны в сторону.

— Дрейвен, за нами вертолёт.

Свист оборвался. Дрейвен секунды ехал молча, затем кивнул куда-то в воздух — снова свист, тычущийся по стенам домов слева. Арка. Чёрная — с провальной тьмой вовнутрь. Резкий поворот — и машину будто втянуло в такую темноту, что у меня заболели глаза в попытках различить хоть намёк на свет. Остановились в ощутимо гулком пространстве. Подземный гараж?

— Лианна, я возьму Адэра. Держись за меня.

Наверное, здесь у него тоже комната, где он дожидался, когда придёт человек с препаратами для нижнего яруса, — сообразила я, напряжённо вслушиваясь в шорохи и возню в двух шагах от меня. Близкий короткий стон судорогой сжал мой живот.

— Лианна, всё нормально, — негромко сказал Дрейвен. — Адэр отключился.

Мужчины... Всё нормально, когда человек в обмороке. Ну ладно. Дрейвен многое «повидал». Если говорит, что нормально, — значит, надо верить. Я без слов взяла на руки послушного Мисти, вцепилась снова в рукав Дрейвеновского плаща и осторожно, нащупывая шарканьем дорогу во тьме, пошла за ним...

Опять. Я опять ему доверилась. Впрочем, а как иначе? Он знает здешние законы и способы выживания. Кому как не ему доверять?

Оглянувшись на примерную точку, откуда мы въехали в нечто, я с замиранием успела заметить, как быстро мелькнули мимо нашего убежища яркие огни. Вертолёт?

Теперь меня вёл Дрейвен. То и дело прерывая свист, он говорил:

— Сейчас будет небольшой порог. Сворачиваем направо. Длинный коридор. Осторожно, здесь дверь разбита — иди прямо за мной.

Он пошёл медленней, чтобы я смогла пройти эту дверь, не ободрав себя.

Заслоня Мисти от остатков сломанной двери, я обняла его, на миг оторвавшись от рукава Дрейвена, и уверн терпеливо выждал меня.

— Ещё порог. Как перешагнёшь, постой на месте. Закрой глаза. Будет светло.

Шаги от меня. Шелест — кажется, он положил куда-то Адэра. Снова шаги. Я зажмурилась, предупреждённая. Сквозь веки увидела, что он и правда включил свет. И только после некоторых секунд привыкания сквозь веки же открыла глаза. Свет! Небеса высокие — свет! Проморгавшись и привыкнув к не самому яркому освещению, я разглядела даже пуговицы на своей куртке. На руках завозился бронированный кот, а потом ему надоело, что я торможу с пониманием, чего хочет свободолюбивый котяра, и Мисти просто расслабился и скользнул на пол. После чего весьма деловито потопал куда-то в угол комнаты.

Дрейвен шёл же навстречу мне. Нет, огибая меня, чтобы закрыть дверь.

Комната — просторный куб, без окон, слегка облагороженный мебелью: вместо кроватей — два предмета наподобие кушетки, на одну из которых, без матерчатого покрытия, жёсткую, он и положил Адэра — почему-то животом вниз. Рядом с Адэром, кстати, лежала и кожаная машинная аптечка; есть столик и у стены несколько стульев — из тех пластиковых, которые обычно используются в летних кафе. Бронированный кот напрямую подошёл к стене слева, где прикреплено что-то вроде раковины и примитивного крана, и поцарапал её лапой. Оглянувшись, мыркнул.

— Сейчас, — пробормотал Дрейвен. Он стоял посреди комнаты, кажется, в небольшой растерянности, с чего бы начать. — Лианна, сними пока с Адэра куртку. По-моему, у него что-то со спиной не то. А я пока... — И он направился к стене, у которой его терпеливо дожидался Мисти.

Пока он, присев на корточки, открывал явный тайник в стене, а Мисти терпеливо теперь дожидался результата, я сняла свою куртку и принялась освободить Адэра от одежды. Куртка, бронежилет, плотная рубаха — тяжёлая от крови, лёгкая когда-то тенниска — все одеяния на спине, даже бронежилет! — почему-то оказались в каких-то странных, грубых, словно картонных обрывках и разорванными до такой степени, будто спину Адэра дракон пропахал когтями. А вот и сами разрезы. Точно: его кто-то сильно ударил по спине чудовищной лапой, вооружённой нехилыми когтями. Дьяволы, как ему позвоночник не перебило?! Пока я в ужасе и с содроганием вытаскивала ключья одежды из страшных разрезов, подошёл Дрейвен.

— Дрейвен, я не понимаю... У него спина вся разрезана.

— Сяду рядом с ним.

Он сел так, чтобы удобней было потрогать раны. Чуткие пальцы быстро пробежались по ранам Адэра, слегка зачерпнули какой-то слизи, помяли её.

— Эта штука зеленоватого цвета?

— Да. — Слава небесам, что освещение позволяло рассмотреть цвет. — А что это?

— Если Монти, как он говорит, стрелял и в него тоже, то это вот тут, два отверстия сбоку. Наверное, этот Адэр убежал после выстрелов, а потом на запах крови пришли...

— Кто? — выдохнула я, не дождавшись продолжения.

— Тварей с хорошим обонянием здесь много. И есть всем хочется, — пробормотал Дрейвен, шаря в принесённой коробке с какими-то медицинскими предметами. — Так, я сейчас вколю ему противоядие. Судя по всему, он повстречался...

— С кем?!

— Сейчас... — Он быстро нащупал нужную точку под лопаткой Адэра и приложил к ней автоматический шприц. Укол. — Лианна, — мягко сказал он, вставая и поднимая на меня незрячие глаза, — у тебя ведь холодное оружие есть? Пожалуйста, приготовь его. К кровати не подходи. Если б тебя рядом не было, я бы не вколол ему противоядия. Через минуту-полторы из его ран побегут такие тонкие штуки — многоножки. Надо перерезать их хотя бы пополам. Запомнила? Их штук двенадцать. Не подпускай их к себе: вопьются — не вытащишь. Это паразиты. Противоядия больше нет. Главное — перерезать пополам.

Странное это ощущение — стоять рядом с кушеткой, на которой лежит полуголый уиверн, и ждать начала фильма ужасов. И слышать, как обыденно похрустывает кормом бронированный кот, к которому отошёл Дрейвен. Правда, Мисти раз подошёл к кушетке и, вздыбившись, зашипел на Адэра.

Сначала я возмутилась: как это — не будь меня, Дрейвен не ввёл бы противоядия существу, нуждающемуся в его помощи?! Но когда из раны Адэра высунулась первая многоножка, я поняла: слепой, даже такой привычный к жизни в темноте, как Дрейвен, вряд ли смог бы уничтожить такую юркую и бешено энергичную тварь!

Теперь я поняла и то, почему он положил раненого Адэра на твёрдую поверхность: многоножки всюду удирали врассыпную. Если бить их на поверхности матраса, например, они тут же намертво впивались в ткань, уходя от моих ударов. Как это было с двумя многоножками, решившими, что, если залезут в оставшееся одеяние Адэра, то мне их там не достать. Пришлось кончиком ножа сбросить их на пол. Причём, сбрасывать я постаралась, несмотря на тошноту, лезвием ножа. Слава небесам — кушетка узкая. Я била ножом по обе стороны Адэра, едва сдерживая рвотный позыв при воспоминании, что эти твари были в теле живого существа!

Двенадцатая! Скорчилась, оббившись вокруг клинка моего ножа.

Я некоторое время тупо смотрела на неё, потом трудно разогнула спину.

— Дрейвен, их точно должно быть двенадцать?

— Это максимум, который откладывает оса-мутант, — отозвался от потайной дверцы уиверн, глядя кота. — Скольких ты убила?

— Двенадцать.

— Тогда скоро можно обработать раны. После введения противоядия придётся немного подождать с лекарствами. В себя он придёт ещё не скоро. Хочешь есть? У меня здесь консервы.

Некоторое время я ошарашенно смотрела на него. Потом что-то толкнулось от живота к горлу — и я стремительно выскочила за незапертую, а только прикрытую дверь.

Потом долго стояла, держась за стену одной рукой и согнувшись — со страхом ожидая, что вот-вот из меня выплеснет. Темнота в коридоре теперь виделась наполненной всякими тварями. Я то и дело вздрагивала от впечатления, что вот, сейчас, кто-то выпрыгнет из тьмы,

в которой даже руку не надо вытягивать, чтобы проверить густую насыщенность мрака: я не видела пальцев, поднесённых к глазам. Но и в комнату боялась заходить. Почему-то не хотела, чтобы Дрейвен меня видел в таком состоянии... Странная раздвоенность. Вроде и плевать, что он подумает.

Неизвестно, сколько бы она, эта раздвоенность, продолжалась, если бы в коридор не вытянулась мантия света из комнаты. Дрейвен, видимо потеряв меня, открыл дверь.

— Лианна... — шёпотом.

— Я здесь. Сейчас.

— Переживаешь за Адэра? — С порога он не двинулся.

Глянув мельком на отчётливый на свету силуэт уиверна, я вздохнула.

— Нет. За него не боюсь. Ты же сказал, что он придёт в себя. Я... боюсь, что меня стошнит. Сейчас. Зайду.

— Ты мне так доверяешь?

— Конечно, — вырвалось у меня. Ведь, если посудить, кому ещё пока можно доверять здесь, уже не совсем на нижних ярусах, но всё же в опасном месте? Адэру — конечно, но он сейчас беспомощен. А Дрейвен...

Додумать не успела. Дверь закрылась — тоже не успела попросить не закрывать, чтобы свет продолжал вливаться в коридор. Но...

— Лианна...

Он встал за спиной, положил руки на мои плечи. Большой и сильный, словно закрывая собой от того, что есть в коридоре. Защищает? Но почему не завёл в комнату? Я немедленно выпрямилась, насторожившись. Его ладони, тёплые и сильные, чувствовались как-то успокоительно. И, странно, но тошнота начала уходить. Он стоял, не двигаясь, и я чувствовала его тело, которое грело меня даже на расстоянии. Может, в этой темноте я тоже становлюсь чувствительной, как он?

— Лианна, ты точно полукровка?

От странного вопроса я быстро повернулась к нему.

Ладони на моих плечах он держал легко, так что развернулась я тоже без усилий.

— Почему тебя это...

Его сухие пальцы коснулись моего лица, быстро погладили моё лицо, снова, как в прошлый раз, задержавшись на моих губах. Съехали к шее, мягко огладили её. Уже понимая, что сейчас Дрейвен сделает, я стояла, не двигаясь. Ждала. Он поднял мне голову за подбородок, я почувствовала его тёплое дыхание на своих губах. Секунды... Он сомневается или боится?.. А я? Я же знаю, кто он... Почему же меня так и тянет... Ведь всего несколько часов назад, до приземления на Кере, я ненавидела его чёрной ненавистью?!

Чего он ждёт?!

Я не выдержала и сама закинула ему руки на плечи, погрузила пальцы в его спутанные волосы. Не знаю, что это за наваждение, но я сама потянулась к его губам, к его ждущему рту, к его дыханию... Наконец-то... В его поцелуе я впервые почувствовала себя маленькой для этого мира. А он, такой большой и уверенный... И сильный. Мой мужчина... Мой?.. Рассудок, слабо и сладко умирающий уже под напором его губ, ещё пытался вытащить меня из силы его страсти: это твой насильник, он...

Он не давал мне думать. Он целовал яростно и властно и погружал в такое забытьё, что я не чувствовала ничего, кроме своей слабости и его силы. Откуда-то со стороны, я понимала, что уже не стою на ногах, а повисла на его руках, потому что ноги не держат.

Внезапно он оторвался от меня и оторвал от себя мои руки, всё ещё машинально цепляющиеся за него. Поставил на пол.

— Нет...

Он стоял впрытык ко мне, дыша тяжело и прерывисто. Я чувствовала его рядом, но чувствовала так, словно меня грубо отделили от какой-то моей части. Большею части, чем я сама. Но эта часть рядом. Протяни руку и дотронься... Всего каких-то несколько часов... Что он такого сделал со мной за это время, что я веду себя так?

— Дрейвен.

— Да? — спросил он сверху, над моей головой.

Я хотела спросить, что происходит, почему он прервал поцелуй, когда нам обоим было так хорошо в нём. Почему — если его хотел он, если хотела я. Но вырвалось другое:

— Ты не бросишь меня?

Осознать вопроса не успела. Дрейвен медленно опустил ладони на мои плечи и привлёк меня к себе. Мы стояли молча. Я слушала стук его сердца. Беспокойный. И ни о чём больше не могла думать. И, лишь успокоившись, я смогла выговорить ему в грудь:

— Попробуй только бросить...

Он снова промолчал, только погладил по голове. Странно, что, даже придя в себя, я разрешила, спустила ему этот жалеющий жест. Но странностей хватало и без этого удивления, так что я просто выкинула всё из головы. Кроме одной злорадной мысли: по условиям завещания этот уверн должен жениться на мне.

Мы вошли в комнату, и Дрейвен сразу отправил меня к столику, на котором громоздились вынутые им из тайника консервы. Он присел с краю на кушетку, изгвозданную моим ножом, и принялся работать — вслепую, но теперь я доверяла ему от и до — с ранами Адэра.

Мисти посмотрел на меня и начал крутиться вокруг ног, умильно глядя на консервную банку в моих руках. Я открыла крышку и сразу поделилась с котом. Кто его знает, а вдруг Мисти придётся ещё не раз менять собственную форму? Пусть наберётся белков побольше. И сама запустила пальцы в банку, неожиданно оголодавшая. Съехала по стене рядом со столиком, даже не подумав, что можно сесть на стул. Села рядом с котом и ела, наблюдая за Дрейвеном. Он работал сосредоточенно, видимо наизусть зная расположение лекарственных средств в своей аптечке. Один только раз оглянулся на меня. Улыбнулся. Наверное, почувствовал взгляд.

Поев и отдав остатки обрадованному коту, я подошла к нему. Собственнически положила руку на его плечо — он же всё равно слышал, как я подходила. Не испугаю.

Адэр всё ещё лежал на животе. Без сознания. Наверное, ему долгое время придётся лежать только так. Попробовать бы его накормить. Может, регенерация пойдёт быстрее. Спина залеплена пластырями. Не скажу, что профессионально — в конце концов, я не врач. Но залеплена как-то надёжно. Дрейвен, видимо, не один раз занимался перевязкой и не впервые сталкивается с такими повреждениями.

— Как ты думаешь, что с ним случилось? Я про многоножек.

— Когда его... подстрелили... — Дрейвен споткнулся на полуфразе. Мне показалось, он хотел сказать: «Когда подстрелил Монти», но предпочёл обойтись неопределённостью. — Когда его подстрелили, он нашёл в себе силы бежать. Возможно, его преследовали. Раны неопасные, но задело артерию. Когда понял, что слабеет от потери крови, наверное, решил где-нибудь пересидеть, переждать погоню. Забился в тот дом и на

всякий случай включил вирт-связь. Но забился нехорошо. Пока я шёл к нему, пришлось хорошенько поработать мечом: он попал прямым в логово осы-мутанта. А может, оказался близко от осы. Здесь темно. Чувствительность тварей, как я уже говорил, к крови повышенная, а крови он оставил за собой достаточно. Прежде чем вынести его из логова, пришлось вынимать его из кокона. Бедолаге просто здорово не повезло за эти несколько часов.

Так вот какие картонные обрывки были будто приклеены к одежде Адэра...

— Как мы теперь будем добираться до орбиты? Если Монти жив, он не даст нам покинуть планету. У него здесь связи. Может, и полиция нас ищет, потому что он потребовал. Дрейвен, у тебя здесь есть место, где можно пересидеть? Может, решат, что мы погибли?

— А что потом?

— Потом? — задумалась я. — Если Монти говорил правду, что Керу хотят чистить, то основное население наверняка скоро начнут эвакуировать с планеты. Может, в общем потоке беженцев отсюда нам удастся проскочить?

— Слишком маловероятно, — покачал он головой. Потом дотянулся до меня и усадил на колени. Обнял. — Твои вирт-снимки давно разосланы по всей планете. Мои — тем более. Уж чего-чего, а отслеживающей аппаратуры на всех космопортах будет достаточно. Но и здесь отсидеться будет невозможно. Съестных запасов у меня здесь мало. Комната не приспособлена для жизни. Этому Адэру нужно будет время от времени вкалывать противоядие, чередуя его с обычными заживляющими лекарствами. А препаратов осталось мало.

— Что предлагаешь ты?

— Ты спрашиваешь у меня? — улыбнулся он, и впервые его усталое лицо, перерезанное глубокими морщинами, разгладилось.

— Ты... — Я не знала, как объяснить ему свою уверенность, что именно он может что-то придумать в этой ситуации. Сказать, напомнив, что именно он был всегда ведущим в нашей паре — с момента нашей встречи? Звучит-то как — в нашей паре. — Ты лучше меня здесь ориентируешься, — неуверенно сказала я. — Поэтому и спрашиваю.

— Что ж. Пока у меня есть единственный вариант, как выбраться с Керы. Но довольно рискованный. Надо найти Монти и заставить его поверить, что мы не верим Адэру и его рассказу. То есть сделать всё, чтобы покинуть планету.

— Если до этого Монти не найдёт нас, — задумчиво сказала я. Меня уже волновало кое-что поинтересней выхода из положения. И пусть меня могли бы посчитать эгоисткой, но мой интерес сосредоточился на Дрейвене. — Дрейвен, почему ты спросил, полукровка ли я?

Он тоже сначала помолчал, наверное, собираясь с мыслями... Затем на его губах появилась тень улыбки. И — предупредил:

— Точно не отвечу. Всё это философия. Рассуждения и наблюдения. Всего несколько часов назад я не знал, кто я такой. В сущности, и сейчас ничего не знаю, кроме названия расы, к которой, оказывается, принадлежу. За эти годы я ни разу не был с женщиной. — Он сказал это очень спокойно. — Хотя в нашем районе есть очень привлекательные. Келли в начале знакомства пыталась разбудить во мне... чувственность. Но быстро прекратила попытки. Сначала я... не откликнулся. Потом она начала мутировать. Я наблюдал всякое на Кере. Видел, как создаются пары, совершенно не подходящие. По расовой принадлежности. Но никогда и ни с кем не мог, да и не хотел. А несколько часов назад появилась ты. И я с

трудом держу себя на личном поводке. Мне постоянно хочется... Я постоянно хочу тебя. У меня такого никогда не было.

— Но тогда почему?..

— Ты сама сказала, что я поступил с тобой... нехорошо. А вдруг со мной что-то и в самом деле не так? Вдруг, переступив определённую черту в тяге к тебе, я стану тем уиверном, который однажды... обидел тебя?

Некоторое время, обнявшись, мы смотрели на Мисти, который больше не шипел на Адэра, а лежал, свернувшись клубочком у его бока. Наверное, думала я, он сначала почувял тех многоножек, поэтому так среагировал на раненого. А сейчас их нет, и теперь кот чувствует, что стало безопасно. Хоть с этим легче. А проснётся Адэр — может, он что-нибудь придумает? Ну, как выбраться с Керы?

Дрейвен сказал: Адэр пребудет в бессознательном состоянии ещё долго, пока внутри идёт обеззараживание после яда, впрыснутого в него осой-мутантом. Как минимум часа три. Но и после обеззараживания Адэру будет всё ещё плохо. Ведь внутри организма та дрянь проделала множество ходов, проедавая плоть. Так что, даже придя в сознание, Адэр вряд ли окажется способен самостоятельно передвигаться.

Я-то немного подремала в том подвале, куда мы свалились после драки с мутантами. А вот уиверн постоянно был на ногах. Так что я сразу и сказала, что возле Адэра подежурю первой и столько, сколько понадобится.

— Дрейвен, попробуй подремать. Не железный.

Задняя мысль тоже была. Поразмыслить над тем, что произошло в недавние несколько часов. Водоворот событий, в котором меня беспощадно закружило здесь, на Кере, думать почти не давал. Так разве только — соображать на ходу.

Дрейвен кивнул и пошёл к кушетке, которая стояла поодаль, и сел на неё, прислонившись к стене. Я же устроилась на принесённом стуле, рядом с Адэром, а потом сообразила: пока Дрейвен не уснул и есть возможность не разбудить его посреди сна, надо хоть немного побеспокоиться об Адэре. Здесь не очень холодно, но неподвижно лежащему, голому по пояс уиверну простудиться не мудрено. Я взяла его куртку, встряхнула и осторожно прикрыла его залепленную пластырями спину, под куртку же подняла его свесившуюся с кушетки руку.

Странное чувство заставило взглянуть на Дрейвена. Успела увидеть: он поспешно опустил голову. Лицо напряжено. Слушал, что я делаю?

Откинулась на спинку стула. Голова свежая. Наверное, потому, что здесь есть свет и можно видеть окружающее. И ничто не провоцирует на дремоту. Ну, почти не провоцирует. Итак, я в довольно странной ситуации. Выхода из неё не вижу, хотя предположительно что-то может придумать мой начальник службы безопасности. Но, пока он придёт в себя... Я уже знаю, на что способна Кера, когда дело касается чрезвычайных ситуаций. Значит, эти три часа его отключки могут привести...

Не дали додумать. Опять.

Шелест со стороны Дрейвена. Он встал, немного поколебался и подошёл ко мне. Тихо подошёл. Ох ты ж... Глядя, как он уверенно везде передвигается, я совсем забыла о его босых ногах! Только открыла рот спросить, нет ли у него здесь, в комнате, запасной одежды и обуви, только сообразила — смысл спрашивать: было бы всё, он наверняка бы сразу обулся, как уиверн остановился передо мной.

— Лианна. Ты не уиверн. — Он морщился, словно пытался услышать что-то, потом закончил: — И не полукровка. Кто ты?

— Откуда ты?.. — изумлённо начала я. Но ответила напрямую, хоть и строптиво: — Я человек. С кровью уиверна. И что из этого?

Он что — начал вспоминать?

Он молча отошёл к своей кушетке. Чуть не сел на недовольно мявкнувшего Мисти. Я недоумённо наблюдала: Дрейвен посидел немного, застыв, затем потянулся к аптечке, лежавшей на краю кушетки. Добыл из неё катушку широкой, в три пальца, чёрной фиксирующей ленты. Ножом обрезал её, предварительно сделав один моток: с локтя на

ладонь — и снова на локоть. После чего завязал себе лентой глаза.

— Зачем? — с новым изумлением спросила я.

После недолгого молчания уиверн ответил:

— Мне всё время кажется, что я вот-вот начну видеть. Это мешает слушать пространство. Ты ничего не чувствуешь?

Он сидел, выпрямившись, как будто готов немедленно вскочить с кушетки на чей-то сигнал. Судя по обострившемуся от напряжения лицу, он и впрямь изо всех сил вслушивался. Во что? Что встревожило его? На всякий случай я выложила на кушетку, рядом с телом Адэра, свой ручной пулемёт и проверила, легко ли вытаскивается нож из ножен, пока сижу. И застыла сама. Кера, кажется, решила преподнести ещё один сюрприз.

На этот раз первым поднял голову Мисти — уши торчком.

Секунды две спустя — и Дрейвен мягко поднялся с кушетки и не пошёл, но заскользил к двери с собственным пулемётом. Знакомый щелчок — по пути он переключил оружие на одиночный выстрел.

Дьяволы... Почему я простая горожанка и не слышу так, как слышат эти двое?

Уиверн встал боком у двери, прислушиваясь. Немного помедлив, я осторожно, на цыпочках подошла к нему. Он только движением головы в мою сторону показал, что слышал моё приближение. И снова сосредоточился на происходящем в коридоре. Я затаила дыхание, пытаюсь расслышать хоть что-нибудь... Дрейвен осторожно и мягко нажал на дверь, буквально на миллиметры сдвигая её в коридор. Теперь, когда образовалась узкая вертикальная прореха между дверью и косяком, услышала и я. Чуть не волной к нам приближался топот многих ног. Сначала мне показалось — бежит целая толпа. Потом начала вычленять из беспорядочного топота отдельные шаги.

Дрейвен снова повернулся ко мне. Губами:

— Выключи свет.

Я кивнула, забыв, что он не видит, и нажала на выключатель.

— Не выходи.

Зрение уже приноровилось к темноте, поэтому я разглядела, как глубоко чёрная во тьме фигура уиверна плавно шагнула в коридор. Ещё немного привыкания — и теперь я видела, что Дрейвен стоит, на уровне глаз вытянув руки с пулемётом в ту сторону коридора, откуда мы пришли.

Целится. Почему не меч? Положение слишком серьёзно?

Теперь я точно слышала жёсткий бег одного существа и туповатый топот нескольких существ, бегущих на четырёх — лапах? Отходить от двери не собиралась. Дрейвен не сказал, а я была уверена, что пригожусь в нужный момент — хотя бы для того, чтобы захлопнуть дверь перед носом врага.

Выстрел. Визг, короткий и отчаянный. Выстрел! Стук кувыркающегося тела. Совсем близко. Жёсткий бег было ослабел, как будто бегущий испугался или растерялся, а потом зазвучал быстрее и всё ближе к нам.

Выстрел. Рычание взбешённого зверя. Ещё выстрел.

В пустоте коридора теперь раздавался только бег явно человеческих ног. Вот он приближается к нам, вот бег слегка замедляется. Бегущий не видит, как слышит в темноте уиверн. Для него, бегуна, темнота везде одинакова — что за спиной, что впереди. Дрейвен между тем развернулся спиной ко мне — ближе к дверному проёму. Вот шаги совсем рядом. Мне показалось, я уже услышала заполошённое, со свистом дыхание.

Дрейвен выбросил вперёд руку и мгновенно затащил в комнату кого-то, кто чуть не пробежал мимо нас. Я захлопнула дверь, стараясь сделать это как можно тише, и включила освещение.

Но ещё до включения Дрейвен, быстро мазнув ладонью по лицу втащенного, слегка удивлённо спросил:

— Руди?

— Кро-от... — с облегчением выдохнул человек.

При свете я и в самом деле увидела того самого высокого длиннолицего человека, Руди, который в нижнем районе снял с Дрейвена жилет, набитый препаратами для выживания. Сейчас он выглядел ещё более длиннолицым — исхудалым то ли от бега, то ли от давнего голода. Зато глаза блестели такой радостью! Уверен держал его за грудки. Но человек и не сопротивлялся. Он быстро оглядел комнату. Глаза его расширились при виде лежащего на кушетке Адэра.

— Оса, — сказал Дрейвен и разжал пальцы.

— Ясно, — всё ещё задыхаясь от бега, сказал Руди.

— Что случилось?

— Есть хотите?

Мы с Дрейвеном заговорили в один голос. Я тихонько фыркнула, а он повернул голову в мою сторону и улыбнулся.

— Хочу, — сказал Руди, сглотнув и постепенно успокаиваясь. — Мэм, вы самая поразительная и самая добрая женщина на свете, потому что умеете задавать нужные вопросы. О, Мисти! Ты тоже здесь?

И он пошёл поздороваться с бронированным котом, с которым, как выяснилось, был в приятельских отношениях. Во всяком случае, Мисти приветствовал его как хорошего знакомого — вставанием и вытягиванием длинного тощего тела, выпрашивая поглаживание.

Я открыла несколько банок из оставшихся и предложила Руди.

Пока он торопливо насыщался, Дрейвен снова встал у двери и прислушался.

— Руди, это «пауки»?

— Угу. От переулка меня пасли. Ка-ак ты их! — Он восхищённо причмокнул, отчего Мисти немедленно попробовал залезть лапой в банку, опущенную человеком непредусмотрительно низко. — Святые небеса, Крот! Ты не представляешь, как я рад, что ты оказался здесь! Хотя... — Он горестно вдруг ссутулился и машинально погладил кота, который уже выгреб половину содержимого банки.

Дрейвен спокойно подошёл к нему и присел рядом. Я взяла стул и присоединилась к маленькой компании.

— Итак?

— На нижнем районе эвакуация. Прибыли команды миротворцев со всех планет. Всех наших делят на две группы — на выглядящих нормально и на тех, кто хоть немного мутировал. Не знаю, что будет с остальными, но решил сбежать от греха подальше.

— Но у тебя... — начал Дрейвен и замолчал.

— Ну да, ну да, — закивал Руди, облизывая пальцы и выливая остатки банки в рот. — У меня так и не прошло. Прихватил с собой соседа — у него тоже проблемы с мутацией, хоть и небольшие, благодаря препаратам. И — бежать. Только вот «пауков» никак не ожидали на этом ярусе. Мы думали, они только на двух последних.

— Я предупредил, — хмуро сказал Дрейвен.

— Предупреждал, — согласился Руди. — Да ведь мы тоже здесь время от времени шастали. И не видели. Вот и не поверили. — Он вдруг замер, беспокойно вглядываясь то в уиверна, то в меня. — Крот, а ты... Ты ведь тоже уходишь? Ты... не оставишь меня? Я понимаю, что мутирую, но ведь... самое начало... Может, ещё... — И уже шёпотом, моляще впившись в мои глаза: — Мэм... Пожалуйста.

Я взглянула на уиверна. Он молчал. Теперь, когда тёмная лента на его глазах скрывала от меня половину его эмоций — а я уже научилась понимать его по движению бровей, было непонятно, что он думает о Руди и о ситуации, в которой мы очутились. А Руди вдруг успокоился до безнадёжного безразличия, опустил глаза и посмотрел в сторону, всё ещё продолжая гладить кота.

— А ты чего босой? — безразлично спросил он уиверна.

И этот вопрос решил всё. Для меня. Человек, который способен увидеть трудности другого существа и обеспокоиться ими, в дороге точно пригодится.

И вообще. Кто здесь хозяйка?

— Ты идёшь с нами, — с невольной надменностью сказала я. — Нам не хватает рук, потому что я нести раненого не смогу, а Дрейвену одному его долго не протаскать. Надеюсь, ты не откажешься помочь нам?

Он даже обиделся. Но обиделся радостно!

— Мэм, за кого вы меня принимаете?

— Меня зовут Лианна. Вашего Крота — Дрейвен.

Уиверн чуть улыбнулся. А Руди озадаченно посмотрел на него и пожал плечами.

Кажется, по характеру он был немного суетлив, хотя жизнь на нижнем ярусе приучила его к собранности: он то и дело застывал, вслушиваясь в происходящее вокруг, а посреди разговора, вдруг уловив, что говорит слишком громко, немедленно замолкал.

— А, ну да. Ну ладно. Так чего ты босой, Дрейвен? Нам ведь сейчас драпать придётся.

— Так, — уже серьёзно сказал Дрейвен. — Руди, кажется, ты забыл нам ещё кое-что сообщить? Выкладывай, что пропустил.

— Ну, когда мы с Тимом поднимались на этот ярус, пришлось пробираться сквозь отряды заграждения. Кое-что услышали. Этот ярус, где мы сейчас, один из самых пустых. Думаешь, чего «пауки» нас гнали так открыто? Они сами убегали от групп зачистки. Те только недавно были здесь, прошли с частым бреднем, выловили кого могли и думают, что гуманоидных здесь больше нет. Гонят газ сверху, с вертолётов. Сами идут понизу, в скафандрах. Всех оставшихся мутантов уничтожают. Тим знал, где твоя комната. Хотели закрыться и пересидеть. Но «пауки» его догнали первым. Не знаю, добежал бы я или нет, но я здорово тебе, Крот, благодарен... Дрейвен, благодарен, что ты оказался здесь.

Даже у Дрейвена дыхание перехватило, когда Руди договаривал про газ. Я пока не понимала, что именно происходит, поэтому меня волновало другое. Мне очень хотелось спросить у Руди, а как он мутирует и не заразно ли это. Но стыдно спрашивать о таком. Ему и так плохо, а тут я со своим пока праздным (помочь-то не могу) любопытством. Так что я молчала и вопросительно смотрела на мужчин.

— Собираемся, — сказал Дрейвен, вставая. — Так понимаю, вы с Тимом в первую очередь посмотрели лифт. Что там?

— Везде засады. Даже не прячутся. — И он с надеждой воззрился на уиверна. — Не ведь ты, Кро... Дрейвен, все ходы-выходы знаешь? Ты же нас выведешь?

— Придётся по лестницам. — Дрейвен хотел было сказать что-то ещё. Я перебила.

— Руди, что вы хотели сказать о босых ногах Дрейвена?

— Ну так... Вон тот лежит и, наверное, долго лежать будет. Чего обувке пропадать зря? Кажись, его размер Кро... Дрейвену подходящ.

Он ещё договаривал, а я торопливо шла к Адэру. Если сейчас бежать... Я быстро расшнуровала один ботинок Адэра и подбежала с ним к Дрейвену. Нажала на плечо.

— Садись. Примерим.

Он послушно сел, а я размотала тряпки на его ноге. Пластыри, державшие эти тряпки, уже торчали краями в стороны. Вспомнив дороги, по которым мы прошли, я потянулась было погладить ноги Дрейвена. Опомнилась быстро и, быстро же закатав брючину, сунула его ногу в ботинок. Почти идеально. Закусив губу от смущения, взглянула на него.

— Поставь ногу. Как?

Он встал, усмехаясь. Потоптался. Прошептал: «Неплохо». Руди радостно улыбался, кажется, очень довольный, что сообразил первым. Я побежала снимать с Адэра и второй ботинок, а Руди принялся разворачивать тряпье со второй ноги Дрейвена.

Вскоре уверн прислушивался к себе, притоптывая обеими ногами.

— Слышь, Дрейвен, — воззвал к нему серьёзный Руди. — Мне б оружие какое, а?

— У Адэра, — по инерции сказала я. И пожала сама плечами: Адэру оружие пока не пригодится. И вообще. Он должен быть счастлив, что его собираются отсюда вытаскивать. Так что... Я сама отстегнула от пояса Адэра кобуру с пулемётом и отдала её повеселевшему Руди.

Дрейвен тем временем осторожно открыл дверь в коридор. Закрыл. Обернулся к нам. Наверное, сам не заметил, что вздохнул.

— Беру Адэра, — сказал Дрейвен, взваливая того на плечо. — Лианна, возьми Мисти Руди, возьми вещевой мешок с аптечкой и припасами и держись за Лианной.

Руди с видимой тоской обвёл глазами комнату, где, наверное, хотел отдохнуть, но, быстро опоясавшись ремнём с кобурой пулемёта, взбодрился и закинул на спину вещмешок. Он вышел последним, выключив свет в комнате.

Мы насторожённо вышли в коридор. Постояли немного, примериваясь к темноте. Теперь вся надежда на Дрейвена. Как он поведёт.

В неясной тьме прошли шагов тридцать — считала машинально, когда тёмная фигура впереди свернула налево. Бронированный кот на моих руках тоже повернул голову, и я спокойней, не переживая, что не разгляжу в темноте, последовала за уверном.

Долгие лестницы на следующий ярус — повыше. Устала от них, естественно, больше, чем от долгой ходьбы по коридорам. Так что, выбравшись на улицу (а лестницы вывели именно сюда), с облегчением вздохнула и огляделась, благо и Дрейвен остановился, прислушиваясь и вроде как определяясь со следующим маршрутом.

Мы стояли словно на пороге выхода из метрополитена. Только в небольшой зал, откуда идут по нескольким направлениям ещё лестницы. Из плюсов — тусклое, но всё же освещение. Минус — что все, кроме меня, как по команде, обернулись к лестнице справа.

Мисти на моих руках снова услышал первым. Кажется, Руди среагировал на его движение, потому что тихо сказал:

— Дрейвен, справа.

— Слышу. Возьми Адэра.

Честно говоря, я не поверила, что длинный, худощавый Руди сможет тащить на себе уверна — сплошные накачанные мышцы. Но он лишь крикнул, когда Дрейвен свалил на его

плечо вялое тело, и чуть дёрнул плечом, пристраивая груз удобней.

Всё это было проделано на ходу, поспешно и даже лихорадочно. Точней — не на ходу, а на бегу к лестнице налево. Та находилась напротив подозрительного выхода с лестницы справа, поэтому я вскоре тоже услышала нарастающий шум. Дрейвен пропустил нас с Руди вперёд, а сам, то и дело оборачиваясь и издавая короткий свист, водил дулом пулемёта перед собой.

Мы не успели забежать в следующий коридор, к лестницам.

Шум, оглушающий и продолжающий нарастать, распался на отдельные составляющие: рёв, вопли, рычание, тоскливый вой, грохот копыт и топот множества лап.

Я оглянулась на Дрейвена, но взгляд соскользнул с него на то, что за его спиной вырвалось из правого лестничного коридора в зал. Мне-то казалось, я уже познакомилась с большинством представителей мутирующей фауны Нижних ярусов Керы. Наивная...

Вылетевшее в стремительном потоке оказалось для меня совершенно неизвестным и трудно понятным, потому что такого разнообразного уродства мне в жизни не приходилось видеть. Мчащиеся существа ревели от ужаса, огрызались друг на друга, а некоторые и вгрызались в бегущих рядом, но не оттого что голодны. Стон и жалобные вопли смешивались со свирепым рыком — и всё это накатывало на нас.

— Быстро на лестницы!

Мисти распластался на мне, снова вцепившись в куртку настолько сильно, что опять пробил её когтями и рвал кожу. Смотреть за моё плечо он отказался наотрез, уткнувшись мордой куда-то мне в шею.

— Почему они так?!

— Их гонят газом! — пропыхтел Руди.

Жалость к живым, но обречённым монстрам, страх за собственную жизнь и за жизнь тех, кто рядом, — всё это ушло куда-то в сторону. Я мчалась совершенно бездумно, не замечая слёз, прижимая к себе живое существо, за которое теперь боялась гораздо больше, чем даже за тяжело бегущего впереди Руди с телом Адэра, чем за прикрывающего нас Дрейвена. А грохот за спиной нарастал. И я уже инстинктивно понимала, что, догони нас обезумевшие от ужаса мутанты, они сомнут нас, затопчут, потому что им нужна эта дорога, потому что им хочется жить, потому что в бешеном, но таком понятном желании жить им всё равно, по чему бежать — по дороге или по умирающей под их лапами и копытами пока ещё живой плоти.

Коридор, теперь всё более похожий на туннель, темнел к концу. Мы бежали в постепенно нарастающую тьму... Где же лестницы?

Я увидела, как Руди дёрнул головой. Но в этот момент в наш туннель ворвался живой поток монстров-мутантов, и его крик я ещё услышала, но не сразу поняла. А когда поняла смысл, поняла, что он кричит, мне было всё равно. Нас догоняли, и теперь, после многих секунд сумасшедшего бега, я ужаснулась за Дрейвена! Он не сможет остановить нашествие озверелого потока монстров! Его убьют первым!

— Лианна! Кро-от! Вертолёты! В конце... вертолёты!

Я услышала новый крик Руди, но снова безразлично восприняла его. Бежала на полном автомате, полная равнодушия и обречённости, как те монстры-мутанты, которые вот-вот затопчут нас. Обнимала, втискивая в себя Мисти, чтобы он не видел, как нас убьют... Единственно лишь раз промелькнула мысль забросить кота куда-нибудь на стену — может, спасётся без нас. А потом эту мысль смяла другая, умирающая под напором усталости и

безнадёги: а потом его всё равно потравят газом. Так — смысл?.. Да и стена голая, без единой возможности за что-то зацепиться даже такому коту, как Мисти.

Но Дрейвен услышал крик Руди. Он вдруг кинулся вперёд, обогнав нас. Я ещё ничего не успела понять, кроме того что он убегает — от нас! — как уверн сильно размахнулся и швырнул в стену, чуть впереди себя, маленький предмет.

Рычащая волна уже жгла спину, когда внезапный сильный удар впереди заставил меня закрыться руками от брызнувших во все стороны осколков.

— Руди, сюда!

Дрейвен ногами добивал взорванную стену. Вот когдагодились ботинки Адэра!

Уже не обращая внимания на нагоняющих нас мутантов, забыв о болтающемся на мне Мисти (сам хорошо держится!), я помогла торопливо пригнувшемуся Руди втащить в образованную щель Адэра. Прыгнула сама в новую темь, слегка подсвеченную из коридора. Обернулась. Дрейвен, стиснув губы в жёсткую линию, снова швырнул миниатюрные гранаты — только теперь уже по направлению к мчащемуся потоку. И нырнул к нам. Два взрыва, один за другим, прогрохотали уже приглушённо. Взревевшие от боли монстры процарапали моё сердце — живые ведь! Но я уже отодрала от себя перепуганного кота, сунула его присевшему Руди и бросилась к Дрейвену, который немедленно пошёл мне навстречу.

— Уходим, уходим!

Он лишь раз поднял подбородок, прислушиваясь к тому, что происходило сзади.

Я вскинула глаза. Верхняя часть дыры в стене медленно обвалилась, полностью скрыв нас от мощного потока мутированных чудовищ, уже пробегающих мимо нашего временного убежища — прямо под очереди с поджидающих на выходе вертолётов. Обвал закрыл нас в ловушку, которая вот-вот наполнится газом, убивающим всё живое.

Я еле стояла на дрожащих от усталости и пережитого страха ногах и тупо смотрела в темноту, где кто-то шевелился и где что-то говорили. Но говорили так глухо, что речь слышалась будто из-за стены. Вроде отчётливо, а слов не понять.

Слышала и другое: приглушённый рёв, рычание, визг за завалом... Чёрная безнадёга овладевала мной медленно, но неумолимо. На поверхности сознания меня держало только имя, бившееся в виске лихорадочным пульсом: «Брендон-Брендон...»

Мрак передо мной сгустился. На плечи легли тёплые ладони.

— Лианна. Пять минут передышки. Через двадцать мы напрямую выйдем на вертолётную площадку полицейского участка следующего яруса.

— И что? — безразлично сказала я. — Угоним вертолёт и будем бесконечно удирать от полиции Керы?

— Угоним вертолёт, — подтвердил Дрейвен. — И как только оторвёмся, ты дозвонишься до Монти Альпина. Он дипломат и наш единственный шанс.

— Я же говорил: Крот все ходы-выходы знает, — радостно сказали из темноты.

— А почему... — Я остановилась, потому что, уставшая и физически, и без света, мгновенно забыла, что именно хотела спросить. Вспомнила: — Почему тогда не позвонить прямо сейчас? Чтобы он нас забрал прямо отсюда?

— Ярусы прослушиваются. Полиция может перехватить нас раньше. Руди, оставь Адэра на меня, пока идём наверх. А там тебе придётся снова взять его.

— А что? Я с превеликим удовольствием, — довольно отозвались из тьмы.

— Лианна, очень устала?

— Не знаю.

Неясное движение, полшага ко мне. Обнял. Странно как-то: он склонился ко мне и обхватил руками так мягко и бережно, что я вяло, но всё же удивилась. Но ещё больше удивилась, когда он разомкнул объятия, и я вдруг поняла, что мне хорошо. Ноги больше не дрожали, дышалось спокойно, да и думать сразу стало легче. После того как он всей ладонью проехался по голове. И темнота уже не раздражала так, как недавно — до отчаянно плаксивого состояния.

Шаг назад, обошёл меня.

— Руди?

— Здесь я.

— Не пугайся.

Шелест одежды.

— Ты что это — прощаешься, что ли? — тихо и даже испуганно спросил Руди, и я поняла, что Дрейвен обнял и его.

— Ну что? Дорогу дальше выдержишь? — через пару секунд спросил Дрейвен.

— Ого... Да я теперь не только дальше, но и весь район пробегу. Эк ты как умеешь!

А я подумала, как мало знаю, что же из себя представляют уиверны. Мы привыкли видеть их надменными господами на их собственной планете, привыкли, что они к нам, людям, относятся свысока, как к дешёвой рабочей силе. Кое-что знали о них, как о гениальных хирургах. А вот о тех особенностях, которые сейчас вынужденно продемонстрировал Дрейвен, я, например, не слышала. В общем-то, раньше знания об их

умениях меня и не интересовали — приходится признаться. Но Дрейвен... Он всегда помнил о своём умении снимать усталость и передавать живым энергию? Если даже забыл о себе, что он уверн? Или он и в самом деле начинает вспоминать? Но если так... То почему он до конца не регенерирует свои глаза? Что — что, но личную регенерацию уверны осуществляют лучше всех рас. Или глаза увернов наиболее уязвимы и требуют с собой более осторожного обращения?

— Лианна, включи вирт-связь.

Я подошла на голос и осветила экраном вирта место, где раньше предполагала увидеть только Руди. У Адэра, который до сих пор находился без сознания, стоял и Дрейвен. Он чуть склонил голову, словно пытался что-то услышать. Я ожидала, что он вот-вот попробует и раненому дать часть энергии. Но, кажется, Дрейвен счёл, что с беспамятным Адэром будет легче в пути (честно говоря, была с ним согласна). Потому что отвернулся от него и хотел что-то сказать. Руди перебил.

— Крот... Дрейвен, зверьё стихает. Ничего не чувствуешь?

Сначала я думала, что он говорит о внутреннем чутье. Но уверн потянул носом и быстро нагнулся к Адэру. Руди поспешил на помощь: поднял тело и взвалил ему на плечо.

— Лианна, посвети ещё раз. Тут должны быть ступени.

Ступени оказались узкой винтовой лестницей в настоящем каменном колодце.

— Надеюсь, ни у кого нет клаустрофобии, — пробормотал Дрейвен. — Лианна, иди впереди, включай время от времени вирт. Светить лучше под ноги.

— Хорошо.

— Крот, а что это за колодец?

— Думаю, для наладчиков и ремонтников коммуникаций. Этих колодцев полно в стенах. Только поискать надо. Ты Мисти взял?

— А как же? — Чувствовалось, Руди улыбается, отвечая.

Если честно, то клаустрофобия началась где-то на десятой минуте подъёма. Неудивительно, если учесть, что колодец с винтовой лестницей и в самом деле напоминал канализационный, лишь чуть побольше, а по ступеням пришлось идти, в основном нажимая на переднюю часть стопы, почти на пальцы, — с постоянным ощущением, что вот-вот провалишься пяткой. Чувство, что стены колодца дрогнули и медленно стали сближаться, сначала заставило ёжиться. Да и запахи помогали: спёртый воздух никогда не проветриваемого подвала, заплесневевших от влаги каменных стен и отчётливое ощущение гнилого мяса снизу... Хотя последний запах, пожалуй, принадлежал уже точно не колодцу. Но потом, когда темнота начала давить сверху и я сама не заметила, что моё дыхание зачастило, снизу раздался голос Дрейвена:

— Лианна, направь сюда свет с вирта. Руди не видит ступеней.

Его слегка укоризненная просьба заставила меня собраться. Некоторое время я упорно следила за тем, чтобы свет падал под ноги внизу идущим. Для этого пришлось идти боком, что в таком узком месте очень неудобно. Зато сосредоточенность, чтобы не упасть и одновременно светить экраном вирта, помогла: стены перестали сдвигаться.

Мы уже подбирались к люку, как выяснилось чуть позже, когда заметно встревоженный Руди подал голос:

— Крот, в темпе. Мисти рвётся из рук. Здесь совсем уже загазовано.

— Лианна, посмотри наверх. Долго ещё?

— Вижу потолок! — радостно откликнулась я.

Простую металлическую щеколду отодвинуть удалось сразу. Ею, видимо, часто пользовались, поэтому она и пошла хоть упруго, но легко. Я откинула крышку и подтянулась на руках, жадно вдыхая воздух и впитывая довольно яркое здесь освещение. Святые небеса, как же здесь светло и просторно!

Взгляд по сторонам — тихо, пусто.

Над краем колодца появилась голова уиверна. Я сразу схватилась за Адэра, стаскивая его с плеча Дрейвена на площадку. А тот, выскочив, принял из рук Руди совершенно озверевшего, ругательски шипящего на всех Мисти, после чего буквально вынул из колодца уже надыхавшегося газом Руди.

Быстро закрыли, как могли плотно, крышку на колодце и, наконец, огляделись.

Я — заледенела.

Вертолётная площадка и правда оказалась просторной. Но не оттого, что вертолётная. Пустая. Ни одного вертолёта. Хуже, что по краям площадки встали высокие металлические ограды. Клетка? Для кого? И только два выхода-коридора. Куда?

Приближающийся неровный гул подсказал: не куда, а зачем.

Именно сюда, на опустевшую вертолётную площадку, гнали уцелевших в газовой атаке мутантов. А наш колодец оказался посередине площадки.

Дрейвен коротко вздохнул и шагнул было к одному из коридоров, похожих на клеточные переходы для вывода цирковых хищников на арену. Свист-свист... Попятился. Сделал шаг и нагнулся к крышке колодца. Выпрямился.

— На решётки, — сипло сказал Руди, в мгновения осунувшийся и словно похудевший ещё больше.

— Под напряжением, — сквозь зубы процедил уиверн, и мы поверили.

Он повернул голову к лежащему у колодца телу Адэра. Легко было прочитать это движение: этого ещё защищай, когда и самим-то... Дрейвен согнул руки в локтях и сжал кулаки. Из рукавов, под кистями, выскочили клинки ножей. Быстро проверил содержимое подсумков с зарядами для пулемёта. Я — напряжёнными пальцами, чтобы не было видно, как они дрожат, — проверила свой. Глядя на нас, побелевший от ужаса Руди машинально принялся рассматривать доставшееся ему от Адэра оружие.

— Их будет меньше, чем в том коридоре, — предупредил Дрейвен. — Слышите? Меньше. От Адэра не отходить. Лучший ориентир, чтобы не разбежаться друг от друга.

Он коротко закивал, высвистывая что-то в пространстве, и подхватил на руки подошедшего к нему бронированного кота. Поднёс к лицу.

— Мисти, использовать бы тебя. Но ты всегда был непредсказуемым.

Потёрся щекой о кошачью морду и закинул Мисти за спину, на затылок.

Мы обернулись в момент, когда из бокового коридора начали вбегать на вертолётную площадку мутанты. У меня сердце зашло от предстоящего. Взгляд на угрюмого уиверна: он стоял, ссутулившись, уже с мечом в одной руке и с пулемётом — в другой. Как-то так получилось, что старались встать вокруг тела Адэра, но в итоге оказалось, что мы с Дрейвеном стоим спиной друг к другу, закрывая не только Адэра, но и Руди, жалко бормочущего, что гранат не осталось.

Сначала мутированные уроды мчались по кругу: пытались бросаться на ограды, но по ужасающему опыту бегущих впереди, в несколько секунд подыхающих в муках после соприкосновения с оградой, всё-таки поняли, что к оградкам лучше не приближаться. И тогда на вертолётной площадке разверзся настоящий ад: чудовища начали бросаться друг на друга.

Нам пришлось отражать не атаки мутантов, а их почти нечаянные вторжения на «нашу» территорию. Переведённые на огнестрел, пулемёты сделали своё дело: грохота и огня мутанты боялись. Так что какое-то время мы отпугивали их достаточно легко. Проблема в том, что они продолжали прибывать. Одновременно из двух коридоров.

Улучив момент, я крикнула Дрейвену:

— Но ведь должны же здесь быть полицейские вирт-камеры!

— Зачем? Они сделали прекрасную ловушку и знают это!

Вскоре на вертолётной площадке стало так тесно, что нам волей-неволей пришлось пустить в ход всю огневую, а затем и лучевую мощь нашего оружия, чтобы твари хотя бы не задавили нас. Руди помогал, встав на одно колено. Он же первый и закричал:

— Кро-от! У меня заряды кончились!

— Лианна, дай ему своё нож!

— Сбрэндил?! Он короткий!

— Ничего! Уже и такой подойдёт!

И Руди смирился. Потому что Дрейвен всё чаще и чаще обращался к бою мечом, приберегая заряды пулемёта — и только на самый крайний случай, так что Руди досталось добивать раненых, но всё ещё тянущихся к нам мутантов. Я тоже пыталась действовать так, как уверн, но такой скорости, работая мечом, достигнуть не смогла, так что была вынуждена использовать именно пулемёт. Больше всего в этом аду сумасшедшего движения, непрерывного вопля меня угнетал запах — тяжёлый запах крови, тошнотворный — из пасти ревуших чудовищ и только что поджаренной свежей плоти.

В грохоте выстрелов, в рычании чудовищ, которые вдруг будто все обернулись против нас, я вдруг услышала нарастающе ровный монотонный рокот... В попытке расслышать, меня чуть не сбило с ног жуткое чудовище, с длинными твёрдо-жёсткими конечностями, больше похожими на лапы какого-нибудь кузнечика, чем на лапы зверя, которого теперь и не угадаешь в уродливом теле. Оно подкралось незаметно, точнее уловило момент, когда я отвлеклась на странный звук сверху. Жёсткая тощая лапа метнулась ко мне. Мелькнул меч уверна. Урод завопил от боли, когда конечность шлёпнулась на площадку.

— Лианна, не отвлекайся!

— Дрейвен! Вертолёт!

Теперь чуть не споткнулся уверн. Дрейвен, наверное, услышал бы звук мотора и раньше, если б не пытался защищать и меня, и Руди одновременно.

А вертолёт уже показался сбоку — странно маленький, почти игрушечный и уж точно не тяжёлый полицейский. Словно прогулочный.

То и дело бросая короткие взгляды на него, я обнаружила, что он кружит над площадкой, а затем начинает снижаться. Внезапно раздавшиеся с вертолёта очереди мгновенно скосили ринувшихся было на меня, снова отвлëкшуюся, мутантов.

Ещё один взгляд вверх. Стрелок сидит на полу кабины и выцеливает следующую жертву. Не поверила глазам, когда фигура стрелка обозначилась внятно. Мелькнули длинные светлые волосы. Этого не может быть! Почему Дрейвен не поднимает головы, не высвистывает, чтобы понять, что там, наверху?! Почему он сосредоточенно свистит, лишь бы драться, не пропуская ничего?! А если сейчас возьмутся за нас самих сверху?!

— Это Монти!! Дрейвен, ты слышишь?!

— Слышу, — кратко отрезал он и скосил из пулемёта ещё пару жирафоподобных тварей с клыками доисторического тигра.

Вертолёт между тем снижался. Руди поглядывал на машину, поглядывал на Дрейвена, но помалкивал. Вертолётные лопасти на пару минут распугали мутантов. Машина зависла, чуть с ног не сбивая нас упорядоченными вихрями. Спрыгнувший с подножки Монти, неожиданно для него, всегда элегантно одетого, запакованный в камуфляжку, безо всяких слов закинул в салон вертолёта тело Адэра, содрал с Дрейвена вцепившегося в него орущего Мисти и забросил туда же. Руди, поняв, что Дрейвен не возражает, полез в машину сам. Отстреливаясь уже вместе с нами, Монти, уловив момент, решительно подхватил меня под мышки, а уже в салоне меня поддержал изумлённый происходящим донельзя Руди.

— Дрейвен, в машину! — скомандовал Монти.

Я отстрелила пару мутантов, которые кинулись было на его крик.

И в это мгновение в оба коридора хлынули толпы мутантов. В панике я завизжала:

— Дрейвен!!

Толпа, скучившаяся и всё плотнеющая, разделила Монти и Дрейвена. Я лихорадочно стреляла, уже не разбирая в кого, лишь бы отделить Дрейвена от мутантов, лишь бы освободить ему путь к вертолёту. Я даже забыла про Монти. А тот уже влез в вертолёт, рядом со мной, и быстро оглядывал вопящий и сталкивающийся кошмар.

Ещё очередь. Рухнули существа с бревноподобными лапищами. Дрейвен! Он вырубил кого-то перед собой, обернулся бежать к вертолёту. И вдруг резко выгнулся, будто его толкнули в спину. Замер, будто привычно прислушиваясь... Если бы из живота не высунулась узкая лапа подскочившего сзади существа.

— Дрейвен!! — зарычал Монти.

Я только дёрнулась прыгнуть с подножки вертолёта, как он схватил меня за шиворот куртки и с неожиданной силой бросил в салон. Чуть в кресла не врезалась головой. Кажется, я пронзительно кричала, срываясь на визг, а перед глазами только одно: Дрейвен стоит, покачиваясь, явно поддерживаемый только той самой пронзившей его лапой, а изо рта течёт что-то чёрное, которое я не хочу, не хочу называть даже в мыслях!.. И внезапно его вдёрнули в толпу!

Снова зарывавший не слабее расшвирипевших чудовищ, Монти снова спрыгнул с вертолёта, крикнув лётчику:

— Уходи!! Сбивайте их с шасси!!

Крикнул он вовремя. Вертолёт вдруг наклонился. Матерящийся лётчик всеми силами пытался исправить положение. Я снова бросилась сесть на пол кабины и отстрелила вцепившееся мёртвой хваткой в шасси чудовище, которое, наверное, перепутало машину с другим чудовищем. Чудовище, не разжимая когтистых пальцев, рухнуло, одновременно со своим падением чуть не свалив и наш вертолёт. Упавший на край кабины, рядом со мной, Руди короткой очередью взятого в салоне пулемёта ударил по гигантским пальцам, в предсмертных конвульсиях скрючившимся вокруг верхней части шасси.

Тонущего в беснующейся толпе чудовищ Монти я увидела в последний раз, когда он замахивался двумя мечами. Если он хочет и в самом деле спасти Дрейвена (вот только не поздно ли?!) — холодное оружие понятно, но... Последний высверк металла в бурлящей орде — и Монти исчез.

— «Паук»! — вскрикнул Руди.

Поднявшийся метра на два вертолёт резко перекосило. Руди чуть не вылетел из кабины. Я цапнула его за куртку в последнее мгновение, потом ещё пришлось упасть на него — он чуть не выехал из расстёгнутой куртки.

Очередь. Секунды перекошенной кабины, еле слышные в рёве снизу ругательства лётчика... Вертолёт облегчённо рванул вверх.

Не веря глазам, в ступоре глядя на шевелящееся внизу месиво, заполонившее удаляющуюся площадку, я, наконец, догадалась сползти с Руди и лечь рядом — отдышаться.

Шевелящаяся площадка уехала в сторону. Вертолёт крутым виражом — мы с Руди схватились за всё, во что можно вцепиться, — ушёл в длинный узкий переулок. Затем так же резко свернул ещё раз и, выровнявшись, уже более-менее спокойно начал подниматься.

Я еле села и прислонилась к косяку.

Машинально отмечала: пассажирских четыре места, откуда-то из-под дальних сидений в ужасе воеет Мисти. Еле закреплённый какими-то проводами, лежит под передними креслами Адэр. Я невольно позавидовала уиверну: пропустить такую драйвовую вечеринку!.. Чуть не кряхтя поднялась на ноги, с помощью приходящего в себя Руди отволокла Адэра на задние сиденья, к которым прикрутили его ремнями безопасности. Усадила Руди на переднее сиденье, сунула ему выпустившего было с перепугу на своих когти Мисти, который сразу уткнулся в живот, под куртку, знакомому человеку, и только было начала застёгивать на Руди ремни, как морозом продрало спину от повелительного голоса лётчика:

— Мутантов возить я не подряжался! Скидывай обоих! А то не посмотрю на приказ дагин Альпина!

— А мне плевать, на что ты подряжался! — звенящим от нового накала ненависти (чёртовы уиверны!) отрезала я. — Отвезёшь нас всех — туда, куда тебе приказали!

— А ты чего, девка, раскомандовалась?! — пренебрежительно ответил уиверн. — Ты кто тут такая? Смотри — высажу всех, будете пешим ходом добираться куда вам надо!

Дрейвен не увидел во мне уиверна. Этот — тоже. Несмотря на кровь. Возможно, будь я одна — я бы тоже взбрыкнула и отреагировала во вред себе: ну и высаживай! Но сжавшийся от страха Руди с перепуганным Мисти на руках!..

Ненависть вздыбила меня до бешенства. Одним махом развернувшись бедром, я протиснулась между креслами лётчиков, плюхнулась в свободное и шлёпнула на панель перед уиверном свою лапу, резким коротким движением дёрнув её по блестящей поверхности. В моём состоянии готовности к разрушению, мне даже понравился издевательский скрежет когтей и те длинные царапины, которые забелели над утопленными в панели датчиками и всякими обозначениями.

Панель беспокойно осветилась огоньками тревоги, некоторые датчики попискиванием оповестили лётчика, если он ещё ничего не заметил, что с управлением что-то не то. Вертолёт пошатнулся, но время ещё есть!

— Ко мне обращаться — дама Лианна! Будешь твякать — будешь добираться пешим ходом вместе с нами. Понял?

— Без вопросов, — неожиданно спокойно ответил он.

Я убрала лапу с панели управления. Но долго ещё мелко вздрагивала от мгновенно пережитого ужаса: снова бегать по страшным ярусам бесконечного города Керы?! Без Дрейвена, с беспомощным Адэром на наших руках?.. Впрочем, Адэра-то лётчик бы как раз оставил в вертолёте — уиверн, как-никак.

Время от времени оборачиваясь к пассажирским креслам, чтобы подбодрить пригнувшегося Руди, я видела голый хвост бронированного кота. Снова поворачивалась к лобовому стеклу и думала о том, что нужно бы побыстрее добраться до места. Что за место, куда лётчику велел Монти доставить нас, я не знала. Мне главное — побыстрее, потому что

ещё немного — и я не смогу больше открывать глаза и провалюсь в чёрный провал сновидений. Они и так уже мелькали нездоровой дымкой перед глазами.

Но лётчик продолжал поднимать вертолёт всё выше и выше. Забыв, что нужно бояться, Руди, раскрыв рот, с восторгом смотрел на серое от туч небо... Вертолёт снова развернулся — совсем немного. Пролетели один квартал, другой... Машина опустилась на крышу какого-то дома. Когда мотор вертолёта стих, лётчик сухо сказал:

— Конец маршрута. Квартира даг-ин Альпина.

К кабине лётчика подбежали двое, коротко спросили:

— Ну?

— ВП триста двадцать, — ответил тот.

Вспомнив, что на полицейской вертолётной площадке красовались именно эти буквы и цифры, сообразила: лётчика спрашивали, где сейчас Монти Альпин. Двое побежали на противоположный край крыши, где стоял более мощный вертолёт, чем тот, на котором мы прилетели. Пытаясь понять ситуацию, решила: вирт-связь для уточнения данных использовать боялись, поскольку пространство Керы прослушивается полицией. Но теперь вертолёт взлетел — и уиверны в нём явно для того, чтобы попробовать поискать Монти. Или я неправильно поняла? Плевать. С текущим бы разобраться.

Спрыгнув на поверхность крыши с подножки вертолёта, чуть не упала. Ноги, ослабевшие от нечаянного отдыха, предательски подкосились. Но повернулась и дождалась, когда тоже спрыгнувший Руди стащит с вертолёта тело Адэра. Правда, лётчик всё же смягчился — ради соотечественника, естественно. И помог вытащить Адэра из салона, аккуратно уложить наземь. Высокомерно глядя на меня (я мгновенно проснулась и тоже дёрнула подбородком вверх), кивнул.

Вертолёт улетел.

Я огляделась. От круглой башни неподалёку к нам торопились пока ещё невнятные фигуры. Где-то пятеро. Любопытно, есть ли среди них уиверны? Как нас встретят? Как ничтожных людишек? Как мутантов?.. Как будто всё понимая, Мисти осторожно высунул башку из-под полурасстёгнутой куртки насторожённого Руди и поблёскивал на идущих к нам подозрительными глазами. Я машинально опустила руку, пальцами касаясь набедренной кобуры. Если хоть ещё один уиверн скажет мне слово поперёк...

Три уиверна, двое — люди. Уивернов узнала по привычно длинным волосам.

Сердце заколотилось, когда четверо остановились чуть поодаль, а вперёд, ко мне, шагнул высокий плечистый уиверн с седыми волосами. И так смотрит свысока, а если ещё и скажет что... Не старый. Ровесник Дрейвену — лет сорок, если не больше. Седые волосы старят. Или маскируют?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Дама Лианна, — поклонился уиверн. — Моё имя Фарлей. Я управляющий домом даг-ин Альпина на Кере. Хозяин поручил мне разместить гостей, если они придут без него. Позвольте препроводить вас в апартаменты.

По внешнему виду больше похож на телохранителя, нежели на управляющего. Во всяком случае, я уловила мгновение, когда он скользнул цепким взглядом по моей руке на набедренной кобуре.

Знаю, что так нельзя, но я устала, нормально смотреть уже не могла. Веки казались вспухшими и тяжёлыми. Поэтому мой взгляд исподлобья наверняка выглядел диковатым. Но заставила себя ответить:

— Даг-ин Фарлей, мне бы хотелось, чтобы мои спутники находились в комнатах недалеко от моей.

— Пожелание дамы, — снова склонился управляющий домом. И кивнул своим помощникам, стоявшим чуть позади него.

Двое быстро подошли к Адэру. Один, с походной аптечкой, присел перед ним, быстро проверил глаза и оглянулся на меня:

— Что с ним?

— Оса-мутант отложила в нём личинки. Организм от личинок очищен. Противоядие и средство от интоксикации введены.

Адэра быстро переложили на принесённые с собой носилки и унесли почти бегом. Я оглянулась на Руди.

— Пошли.

Пришлось взять себя не в руки — в кулаки. Качалась я — качалось вокруг меня пространство. Дойти бы до кровати и свалиться. Ну, и вымыться, конечно, тоже бы не мешало. А есть хочется-а... Я не выдержала, криво ухмыльнулась: любопытно, кто за меня сейчас — Бог или дьяволы? Смогу ли отдохнуть? Или через минуты опять начнётся что-нибудь такое... Так, а сколько у меня осталось в пулемёте зарядов? И для огнестрела, и для лучевого обстрела, если вдруг что?

Башня стояла — во-он она. И неожиданно оказалась рядом. Нос к носу со мной. Кажется, я отключилась, пока шла к ней. Тёмный провал. Фарлей открыл передо мной дверь. Чуть не споткнулась. Логово Монти. Убийцы моих телохранителей — так сказал Адэр... Я перешагнула порог. И того самого Монти, который внезапно бросился к нам на выручку и спасал всех подряд, не выбирая, кто здесь нормальный, а кто мутант. Хотя выбор у него был. Надо бы подумать над тем, что произошло. Дрейвен мёртв. Теперь уже окончательно. Зачем Монти бросился за ним? Удостовериться?.. Мысли ворочались тяжёлыми валунами, думать не хотелось — хотелось спать.

Дрейвен мёртв... И никто больше не стоит за моей спиной — привычной защитой. Теперь смотреть в его глаза буду, лишь видя сына... Странно это — чувствовать пустоту за спиной. Необычно.

Чуть не вздрогнула, когда над ухом Фарлей сказал:

— Даг-ин Альпин предупредил, что вас будет двое.

Я поняла его недосказанность: а приехали трое. Адэра всё равно примут — уиверн. Поэтому спокойно сказала:

— Руди и я. Мы должны быть рядом.

Ни чёрточкой в лице не шевельнул. Лишь склонил голову.

— Хорошо.

Ничего себе квартира у Монти. Я даже проснулась, когда с крыши мы попали на широкую лестницу. Спустились к небольшому залу, от которого нас сразу провели в просторный светлый коридор.

— Ваши комнаты, дама Лианна. — Фарлей открыл дверь слева. — Ваша, Руди. — Открыл дверь напротив.

Неплохое разделение — мне комнаты, для Руди — небольшая комнатка, как успела мельком заглянуть. Интересно ещё, когда это управляющий успел приготовить для нас место отдыха. Сориентировался на ходу? Один из молчаливых сопровождающих кивнул Руди на комнату и прошёл вместе с ним вовнутрь. Уже оттуда я услышала почти безразличный голос:

— Здесь душевая. Здесь — стол с обедом. Здесь вы можете отдохнуть. Пока умываетесь, я принесу вам одежду ваших размеров и корм для животного.

Если бы не присутствие Фарлея, я бы передёрнула плечами. Как там себя чувствует Руди при таком внимании к его скромной персоне?

— Прошу вас, — приглашающе предложил Фарлей, убедившись, что я слышала всё и теперь не стану беспокоиться за своего спутника.

В моих комнатах тоже всё оказалось приготовленным к приёму гости. Как и у Руди. Фарлей мгновенно провёл «экскурсию» по помещениям и удалился, пообещав и мне прислать сменную одежду. Не совсем изысканно я поблагодарила его и осталась одна. Подскочила к столу, сунула в рот первый попавшийся кусок чего-то съедобного и сразу пошла в душевую. Только было сняла куртку, как спину морозом обдало! Ничего особенного, но показалось вдруг, что вот-вот кто-то войдёт. Фарлей обещал принести чистую одежду — напомнила я себе. Всего лишь. Зайдут — выйдут... Но постояла немного, обернулась к двери в душевую и, рассмотрев, как она закрывается, заклинила её какой-то щёткой с длинной ручкой.

Паранойя. После недавних суток убеганий и психованных ожиданий, когда тебя убьют или съедят. Психолог учил не подпитывать такие состояния. Сюда бы его, на моё место. И пусть не подпитывает. А я запрюсь.

Под душем простояла недолго. Вытерлась оставленным громадным полотенцем — не стала пускать в ход направленный воздух, чтобы высушиться. Закуталась в это же полотенце, протянула руку к щётке, чтобы выйти. И поняла, что не могу. Выйти не могу. Слишком уязвимой себя чувствовала в полотенце. Ругаясь про себя последней дурой-неврастеничкой, напялила грязную одежду, уже было брошенную как ненужную. И только после этого, вяло посмеиваясь, но продолжая держать пальцы на спусковом крючке пулемёта, вышла.

В комнатах никого. Я подошла к двери, вспомнила, вернулась. Фарлей выполнил обещание: новая одежда аккуратной стопкой лежала на столике возле кровати. Значит, пока я была в душевой... Я выдохнула раз, выдохнула ещё, чтобы успокоиться. Снова приблизилась к двери. Внимательно осмотрела. Никаких замков, щеколд. Ничего, чтобы запереться. Не-ет... Я так не могу.

Открыв дверь, я выскользнула в коридор и тихонько постучала в комнату Руди. Тихо. Зайти без приглашения? Нерешительно оглядевшись по обе стороны коридора, я толкнула дверь и вошла.

Тихо и пусто. С трудом удерживаясь от идиотского смешка, я негромко сказала:

— Руди, это я, Лианна. Пошли ко мне. Я одна боюсь.

Дверца встроенного шкафа приоткрылась, и Руди с котом на руках поспешно зашагал ко мне. Судя по всему, он оказался параноиком не меньше моего.

Шипя друг на друга: «Тихо!» и фыркая, чтобы не ржать в полный голос, мы подтащили к двери уже в моей комнате небольшой, но солидный комод. Поставили на него опустевшую посуду (ели на ходу, давась от жадности, — деловые!) таким образом: если кто-то захочет проникнуть к нам, на пол, освобождённый в этом месте от ковра, полетят стеклянные стаканы. Звону от них больше. Да и учили мы, что, будучи гостями, лучше слишком больших разрушений после себя не оставлять.

Потом встали вокруг стола и, с беспокойством поглядывая на дверь за комодом, уничтожили всё, что ещё влезло в желудки. Мисти жрать начал ещё раньше, прямо на столе, тоже то и дело оглядываясь на дверь, у которой мы сначала копошились. Кажется, наш психоз передался и ему. Руди сказал, что кошачий корм кот отказался есть наотрез... Потом перетаскали все мягкие вещи, какие нашли, ближе к моей кровати. Наконец, легли, оба — не раздеваясь, в обнимку с оружием. Я — на кровать, Руди — на пол, в грудку покрывал и накидок со стульев и кресел.

Едва моя голова опустилась на подушку, меня слегка повело, перед глазами поехало. Головокружение. Перебегали. Что-то тяжёлое — услышала я сквозь дремоту — протопало от моих ног и свалилось горячей спиной к моему животу. Обняв Мисти, я вспомнила то, что давно хотела узнать. Уже в полусне пробормотала:

— Руди...

— М?

— А ты как мутируешь?

— Как Мисти.

Перед моими глазами появилась рука. Потом вторая, стащившая до локтя рукав куртки. Проморгавшись, я вгляделась в кожу: на ней отчётливо обозначились чешуйки. Правда, ближе к кисти они пропадали, словно расплываясь или вплавляясь в кожу.

— Страшно, да? — тихо вздохнул Руди.

— Знаешь, Руди... Когда мы отдохнём, я тебе покажу, что такое страшно.

— И что это будет?

— Дрейвен тебе никогда ничего не показывал?

— Нет.

— Он умеет выпускать когти. Я — тоже.

Над краем кровати появилась голова Руди. Он озадаченно посмотрел на меня, и я, приподнявшись на локте, пожала плечами:

— Для уивернов это нормально.

— Спасибо.

Голова исчезла, а через минуты послышалось успокоенное сопение. А я некоторое время пыталась размышлять, почему он меня поблагодарил, и пришла к выводу: я его успокоила. И уснула. Так крепко, что ничего мне не снилось, а если и снилось, то не запомнилось. Нет, вру. Запомнился один эпизод, промелькнувший, как лёгкая тень. Мне почудилось, что мёртвый Дрейвен, на вид поразительно живой, всё с той же чёрной лентой на незрячих глазах, появился в нашей комнате, что он подошёл почти к самой кровати и Мисти вопросительно мыркнул, завидев своего друга, а уиверн прошептал:

— Тихо, Мисти. Тихо.

Кажется, Дрейвен присел на корточки и осторожно потрогал лицо Руди, словно проверяя, кто здесь лежит, но тот спал крепче моего и только пробормотал что-то. А потом Дрейвен стоял перед кроватью, просто смотрел на меня. Смотрел странно, будто видел, и я никак не могла объяснить себе во сне этой странности, только раз мелькнуло слово «эмпат», которое объясняло, что он меня не видит, а чувствует. А потом появился Монти. Он подошёл к кузену, взял его за рукав и увёл, а я снова провалилась в сон.

Проснувшись, открыла глаза и стала таращить их на потолок, чтобы не закрылись. При закрытых глазах мысли разбегались, и я снова начинала дремать. Итак, глаза в потолок. Вопрос первый и не последний: что теперь делать, когда погиб Дрейвен? Недавние события ещё раз напомнили, что любое существо смертно в любой момент — и когда оно этого ожидает, и когда нет. Если я умру, что будет с сыном? Значит, буду пока оптимисткой и начну отталкиваться от того, что успею вернуться в Драконье гнездо и проживу хоть несколько лет. Самый простой способ обеспечить моего малыша — это дарить ему на дни рождения недвижимость и счета в банках. Надо проконсультироваться у даг-ин Рэдманда, разрешается ли на Уиверне такое...

Шорох внизу прервал меня уже не на мыслях о будущем, а на воспоминаниях, которые

яркой картинкой вставляли перед глазами, хотя я и не хотела этого вспоминать: Дрейвен снова и снова умирал среди чудовищ...

— Лианна? — еле слышно прошептали снизу.

— Я не сплю. Ты выспался?

— А ты видела, сколько мы спали? Чуть не двенадцать часов. Но я не об этом. — Он присел, опершись на руки, вытянутые назад. — Я тут вот чего. У тебя такие знакомые... Вон как к тебе — с почтением. Ты, наверное, домой вернёшься? А я? Крота нет. Не знаю, как быть. И Мисти тут ещё.

— Поехали со мной на Уиверн, — сказал я, снова переводя взгляд на потолок и не видя его. — Поживёшь у нас, сколько захочешь... А потом... Потом, может, найдёшь на Уиверне себе работу. А может, найдёшь на какой-нибудь другой планете Содружества. К этому времени избавишься от активной мутации. А то и совсем. Денег моих хватит на это.

— Слушай, Лианна, а на кой тебе нужен был Крот? Или секрет это?

— Руди, а ты его хорошо знал?

— Ну, как сказать... Если б мало, за препаратами не посылал бы.

— Руди, а у Крота не было приступов каких-нибудь? Ну, хоть что-нибудь, чтобы было похоже на ненормальность?

Руди молчал, наверное, с минуту. А потом категорически сказал:

— Нет. И от Келли не слышал. Да и сама посуди: послал бы я за такими дорогими лекарствами ненормального?

Теперь молчала я, соображая, посвящать ли в мои беды малознакомого человека. А потом напомнила себе: человека, который прошёл со мной адский путь и который выказал себя достаточно порядочным. И только открыла рот, чтобы рассказать, зачем мне нужен был Дрейвен, как Руди задумчиво сказал:

— А ведь вру. Келли как раз говорила, что однажды у Крота был провал в памяти, после чего он здорово подмёл все продукты, какие дома оказались. Как будто век не ел.

Теперь задумалась я. Дрейвен ведь тоже как-то об этом сказал. Но что из этого?

— У Дрейвена есть сын, — собравшись с духом, сказала я. — Чтобы мальчик не был бастардом, Дрейвен должен был жениться на мне. Поэтому я его искала.

Руди недоумённо смотрел на меня.

— Он тебя бросил? Но ведь так за тобой ухаживал... А, ну да. Память потерял. А как он на Кере оказался? Сюда ведь по доброй воле не прилетают.

Я покачала головой. Попытка хоть что-нибудь узнать о Дрейвене провалилась. И я одёрнула себя: а тебе это надо? Знать об уиверне, который умер? И вдруг так захотелось увидеть Адэра, поговорить с ним. Почему захотелось? Только потому, что рядом с собой чувствовала пустоту, а Адэр — единственный уиверн здесь, на Кере, который меня знает и на которого я привыкла полагаться? Наверное, да. Где он сейчас? Возможно, в какой-нибудь отдельной комнате, где его лечат.

— Есть хочу, — печально сказал Руди. — Как ты думаешь, нам ещё что-нибудь принесут?

— Куда они денутся! — тихонько засмеялась я. Отодвинула зевнувшего мне в лицо Мисти, взяла тёплый, «пригревшийся» рядом со мной пулемёт и села — Давай-ка, пока никто не приходил, уберём всё это и выждем. Может, появится Фарлей, и тогда мы ему скажем, что снова голодные.

Фарлей как будто подслушал нас — заявился, когда мы поспешно прибрали комнату и

разобрали баррикаду у двери. Заявился не один. За ним пришли два человека с подносами. Они выложили на стол принесённое, забрали опустевшие чашки-тарелки и ушли вместе с управляющим, коротко пожелавшим нам приятного аппетита. Я только и успела попросить проводить нас после обеда к Адэру. Навестить. Если можно.

— Конечно, можно! — Удивление Фарлея было абсолютно искренним.

Как и желание выполнять все наши прихоти немедленно. Сразу после сытного обеда мы прихватили с собой Мисти, который сидел у двери и тоскливо орал нам, уходящим, вслед, и поспешили за управляющим. Спешить пришлось недолго. Через две гостевые, как я поняла комнаты, Фарлей постучал в следующую дверь.

— Да? — произнёс голос Адэра. — Войдите.

Он не лежал, как мне думалось, в постели. Сидел в кресле и выглядел достаточно довольным жизнью. И здоровым, если бы не суточная щетина и странная худоба. Впервые вижу уиверна заросшим. И вижу Адэра совершенно не то что несобранным, но каким-то... Никак не могла подобрать определения. То ли он решил — раз болен, то не обязательно соблюдать субординацию «хозяйка — служащий», то ли ещё что, но... Во-первых, он впервые на моей памяти одет не в форму полувоенного образца, а во что-то пижамное или больничное. И в этой широкой для него одежде выглядел странно обмякшим. Во-вторых, он не встал при моём появлении. Так и сидел в кресле, причём не просто сидел, а закинув одну ногу в широкой штанине на сиденье, благо оно широкое, и обняв её. Мечтательный? Ушедший в собственные мысли?

Фарлей огляделся, словно проверяя, всё ли в комнате в порядке, и вышел.

Мы с Руди нерешительно приблизились к креслу.

— Привет, Адэр, — негромко сказала я.

— Привет...

Он спустил ногу с сиденья кресла. Я услышала, как у Руди перехватило дыхание: Адэр прятал за штаниной поднятой на кресло ноги целый арсенал: ножи, личный меч, два пулемёта, модифицированный револьвер и что-то ещё.

— Зачем тебе всё это? — только и смогла выговорить.

Он кинул на оружие такой взгляд, как будто присматривался, не забыл ли чего. Обхватил себя руками, с досадой глядя на свою одежду.

— С минуты на минуту жду, что меня придут убить, — мрачно ответил он.

Руди только крикнул и осмотрелся, куда бы сесть. С другого конца комнаты он принёс два стула, больше похожих на лёгкие кресла. Мы сели и кивнули Адэру.

— Рассказывай, в чём дело.

— Лианна, ты всегда была слишком занята хозяйством. Даг-ин Куианна, конечно, специально постаралась сделать так, чтобы завещание выполнялось поэтапно, а ты постепенно привыкла бы к дому Драконье гнездо. Но за всеми хлопотами ты не замечала одной особенности — самих уивернов. Много ли ты знаешь о них?

— Я уже выяснила, что немного. Но если ты хочешь мне что-то сказать конкретное, то лучше поспешить. Фарлей может вернуться.

— Уиверны тоже не однородная в своём социальном составе раса. Есть те, кто находится наверху, и те, кто чуть ниже. Уиверны верхнего круга — так их называют — умеют кое-то необычное. Ты знаешь, что уиверны презирают людей. Но задумывалась ли ты когда-нибудь — почему?

— Древняя раса, — пожалала я плечами.

— Уиверны верхнего круга умеют подчинять себе внушением. Незаметно, исподволь. А люди защищаться не умеют. Вспомни, ты не чувствовала ничего необычного, когда общалась с даг-ин Альпином?

Напряжённно перебирая моменты встреч и общения с Монти, я только недоумевала: да нет! Ничего особенного в это время не происходило!

И вдруг меня обдало жаром. Даг Куианна! Мои кошмары начинались с того, что она смотрела на меня, ласково что-то говорила — и смотрела, смотрела... И её ярко-синие глаза вливались в мои, превращаясь в прекрасные драгоценные камни! А потом я просыпалась от видения синих драгоценных камней и видела перед собой озверевшего Дрейвена!.. Дрейвен... Дьяволы! Дрейвен!! Я внезапно вспомнила свою странную эйфорию, оттого что он поцеловал меня! Но я не хотела! Нет, точнее, я хотела, но почему он... Почему я сама поцеловала его?! И после этого он надел повязку на слепые глаза! Ну и что повязку, если они уже слепые?!

Я не заметила, что вскочила с лёгкого кресла, что Адэр держит меня, успокаивая:

— Тихо, Лианна! Не кричи!

То же сбоку бормотал и перепуганный Руди.

Когда я успокоилась, Адэр негромко сказал:

— Понимаешь, в чём дело, Лианна. Ты живёшь в привычной тебе реальности. Но никто, кроме уиверна верхнего круга, тебе точно не скажет, в настоящей ли, а не во внушённой реальности ты живёшь.

— То есть... — медленно сказала я. — То есть всё, что происходит вокруг меня, — ненастоящее? Я вижу только то, что мне внушили?

Распятая марионетка, за ниточки которой дёргают все, кому не лень? Обернулась к Руди. Он вопросительно шевелил бровями, глядя на меня.

Адэр, вздрагивая и ёжась, взял с кресла оружие. Просто взял. Краем глаза наблюдая за ним, поняла: он испытывает чувства сродни тому, что испытывала я, когда пыталась выйти из душевой всего лишь завернутой в полотенце. Сейчас, когда оружие оказалось в его руках, он заметно успокоился.

— Но Руди существует, — с трудом выговорила я. — Существует Мисти.

— Если от тебя чего-то хотят, — возразил Адэр, — не обязательно менять всю реальность. Можно на существующий мир нанести небольшой штрих, патину. И тогда ты будешь видеть одно, а на деле будет происходить другое.

— Мы, — я положила ладонь на руку Руди, — видели, как умирает Дрейвен, а Монти бежит спасти его, рискуя жизнью.

— Что-то в этой картинке реальность, а что-то — тонкое наложение на неё.

— Но в той ситуации было не до наложения!

— Это ты так думаешь, — угрюмо сказал Адэр.

— Но, когда... когда Дрейвен надругался надо мной, меня видели многие!

— Изнасилования практически не было. Да, он взял тебя насильно, но не... Тебя даже не увозили в больницу — и, кстати, это ты должна помнить. Я заходил в апартаменты старой хозяйки, сразу после того как старик Грир тебя унёс. Крови не было. Если в апартаменты даг Куианны вбежали все, уверну верхнего круга достаточно было одного взгляда, чтобы все приняли внушение за реал. Все увидели кровь. А я тебе говорил, что Дрейвен мягко обращается с женщинами. После внушения он, возможно, выпустил свои животные инстинкты наружу, но никак не был зверем при этом. Вспомни-ка, оставались ли на твоей коже царапины? Вот именно. Повторюсь: Дрейвен зверем не был. Тому, кто сделал внушение, просто необходимо было, чтобы ты ненавидела Дрейвена.

Руди беспокойно переводил взгляд с меня на Адэра, кажется с трудом вникая в объяснения. Притихший на его руках Мисти вдруг вздохнул. Руди посмотрел на него и нерешительно сказал:

— Но парень потерял память...

Робкое возражение человека не смутило Адэра.

— Я не принадлежу к верхнему кругу увернов, но кое-какие наработки в деле внушения имею. У Дрейвена не амнезия.

— Но зачем? — не выдержала я.

Адэр отвёл глаза.

— Дрейвен был охотником за головами. Часто брал кузена с собой на охоту. Когда тот улетал на так называемые заповедные планеты, где обычно охотятся простые охотники, половина из этих поездок проходила совсем в других местах.

— Ты хочешь сказать... Монти подставил Дрейвена... — Я оборвала себя на полуслове. Но попробовала продолжить: — Чтобы он меня...

— Приказ глаза в глаза — и Дрейвен выполняет всё то, что ему велено, — пожал

плечами Адэр. — Скорее всего, Монти знал о завещании. Старая дама была довольно рассеянна и часто оставляла документы без присмотра. Монти богат, но без титула навсегда останется лишь младшим советником уивернского МИДа. Женившись на тебе, он становится владельцем Драконьего гнезда на равных условиях с тобой. А вместе с титулом получает доступ к высшим чинам. Законы Уиверна.

— Не слишком ли всё сложно?

— Нет. Он дипломат. Привык играть в сложные игры.

— И теперь, когда Дрейвен мёртв...

— ... тебе с минуты на минуту надо ожидать предложения от Монти.

Это его «с минуты на минуту» напомнило кое о чём. Я внимательно взглянула на него, уставшего от попыток разгадать все загадки и хитросплетения, задуманные Монти.

— Только уиверны высшего круга... Что... может разорвать нанесённое внушение?

— Экстремальная ситуация. Слышал о таком. Но настоящие знания доступны лишь уивернам, принадлежащим верхнему кругу.

Вспомнилось, как Дрейвен и в самом деле на короткое время вдруг обрёл обычный вид и способности уиверна — там, в колодце лифтовой шахты, где был именно настоящий экстрим. Даже глаза восстановились. И Келли говорила Руди, что у Дрейвена была краткосрочная потеря памяти — в то время как он, получается, в эти минуты наоборот приходил в себя, в настоящего? Что это... Охотник попал в ловушку более искусного охотника? Даже слепота — последствие внушения?

— Кто после меня на очереди к наследству Драконьего гнезда?

Адэр сообразил сразу, покачал головой.

— Не Монти Альпин. Кто-то другой. Поэтому ты нужна Монти.

— Но если я приеду в Драконье гнездо, ему даже предложения делать не надо будет?

— Да. Теперь, когда Дрейвена нет... Единственный, кто может помешать, я. Он видел, что я слежу за ним, и, возможно, догадывается, что я раскусил его. Он пытался убить меня ещё тогда, когда ты, с двумя телохранителями, отошла от нашей группы.

То есть в сущности, не было никакой апатии и ненависти к ребёнку? Всё это внушено? Экстрим. Когда ребёнку начала грозить опасность, я пришла в себя. Значит, я не должна была прийти в себя после родов. Монти пришёл бы и, давя на жалость, быстро уговорил бы меня выйти за него замуж. Легко и просто. В том моём состоянии я, наверное, откликнулась на любое ласковое слово. И на его образцовые ухаживания, на которые он мастак с большим опытом.

Мир перевернулся.

— Значит... Чтобы снять внушение уиверна, нужна экстремальная ситуация, — повторила я мёртвым голосом. Сейчас, в эти минуты, я уже не думала о том, что всё началось с подставы Дрейвена, которая закончилась его смертью. Я уже не думала о Брендоне — малыш пока в безопасности. Я думала о том, как вернуть видение реального мира. Я заиклилась только на этом.

Так, значит, экстрима последних суток оказалось мало?

— Что будешь делать? — нарушил затянувшееся молчание Адэр.

— Не знаю.

На самом деле я уже знала — что. Не знала лишь одного: поможет ли? Я не хочу находиться в подправленном чужой волей мире! Пойду на всё, что угодно, лишь бы вернуть настоящее сознание! Возможно, я всё ещё под внушением, потому что рядом всегда были те,

кто меня охранял, кто защищал меня. И я могла полагаться на них. Значит, придётся снова спуститься в ад — в одиночку. Чтобы справиться со всем — и тоже в одиночку. И вернуть настоящую себя... Но как незаметно уйти из квартиры Монти?

Я поднялась с кресла.

— Извини, Адэр, чувствую себя после таких откровений не самым лучшим образом. Мне надо отдохнуть. Ты тоже отдыхай и выздоравливай. Я даже не спросила тебя, как ты себя чувствуешь.

— Почти нормально, — безразлично сказал Адэр, думая о чём-то своём.

— Пошли, Руди.

В коридоре Руди как-то будто растерялся, но, потоптавшись у двери в «свою» комнату, всё же решительно зашёл за мной. Длинная физиономия вытянулась ещё больше, едва он строго сжал рот.

— Одну не пущу!

— Что?! — вскинулась я.

Он осторожно, чтобы не хлопнула, закрыл за собой дверь.

— А то я не понял, чего ты задумала! Стой! — Он предупреждающе поднял руку. — Сядь-ка, чтобы спокойно поговорить. Я тебе кое-что объяснить хочу, чтобы ты в горячке дел не натворила. И я тоже сяду.

Я села за стол, готовая, честно говоря, убить его, если начнёт препятствовать мне в моей аванюре, хотя и плохо обдуманной. Руди вздохнул, поискал глазами, на что сесть, и внаглую уселся передо мной на стол, прижимая к себе Мисти.

— Я не совсем понимаю, — признался он, — что такое там, в той дребедени, которую вы оба там наплели. Я только вижу, что для тебя это важно. Только вот в чём заковыка. Мы с Мисти. Ты, конечно, можешь там себе погеройствовать, чтобы чего-то, что тебе надо, достигнуть. А что будет с нами? Ты обещала, что вылечишь меня. Потому что у тебя есть деньги на это. Захочет ли здешний хозяин возиться со мной и с котом? Тем более что этого хозяина тот бедолага аттестовал как чуть не убийцу? Лианна... Как нам с Мисти быть? Мы не хотим оставаться здесь — без тебя. Запрут где-нибудь, отошлют куда-нибудь на опыты... Здесь только ты — за нас.

Руди выглядел жалким — от отчаяния. Он прижимал к себе кота, который, кажется полагая, что таким образом человек проявляет нежность и расположение к нему, мурлыкал, дребезжа, как старый холодильник.

Я закрыла глаза ладонями. Мысли — дыбом. Он прав. Но что делать мне?

А Руди надо мной безнадежным голосом продолжил — уже бубнить:

— И Крот умер. Он бы меня не бросил.

Шантаж. Нет, я понимала, что всё это — шантаж. Но Руди прав даже в этом шантаже! Тот Дрейвен, которого я узнала, никого не бросал! Он сам был готов пожертвовать собой, собственной жизнью за тех, кто ему доверился!.. Я сплотнула, пытаюсь незаметно вытереть злые слёзы. Пережимая ком в горле, сказала:

— Ладно. Сейчас успокоюсь — и решим, как быть дальше.

Он сполз со стола и сел уже нормально, на принесённый стул. К этому времени я успокоилась до делового состояния, взяла у него Мисти. Пара поглаживаний по гладкой кошачьей голове, и моё дыхание выровнялось до более-менее спокойного.

— Давай рассуждать вслух. Был бы жив Дрейвен, мы бы пришли к нему и попросили бы посмотреть на меня. Не знаю, как это выглядит, но он-то уж, наверное, смог бы определить,

есть ли у меня внушение. Сама по себе — я чувствую: Адэр прав.

— А что именно ты чувствуешь?

— Дрейвен однажды пытался внушить мне — он хотел, чтобы я... — Я смутилась, но продолжила: — Чтобы я сама поцеловала его. И он внушил. Я выполнила его желание. Но потом он надел повязку на свои глаза. Объяснил не очень вразумительно — зачем. Я не поняла, в чём дело. Но теперь понимаю: кажется, он машинально внушил мне мысль поцеловать его. И когда он это понял (понял, что, даже слепой, обладает силой внушения), он надел на глаза повязку, чтобы больше не принуждать меня ни к чему.

— Какая связь между глазами и внушением?

— По даг Куианне помню. Чтобы влить в меня свою кровь, она заставила меня подчиниться именно взглядом. Да и Адэр сказал: один взгляд на всех — и все увидели кровь, которой не было. Внушаемая команда подаётся бессловесно.

— Вот как, — задумчиво сказал Руди и кивнул: — План-то у тебя есть, как бежим?

— Единственный выход, который я знаю, — выход на вертолётную площадку. А может, это не вертолётная. Но выход. Если сможем туда выбраться, половина дела готова. Но, Руди, ты уверен, что хочешь идти со мной? Я ведь, по сути, свою блажь выполняю: пытаюсь освободиться от внушения. Попытка-то будет смертельной.

— Да я понял, что ты хочешь вернуться, — со вздохом пробормотал Руди. — Уверна того, болезного, брать не будем? Его защищать там, на нижних ярусах, — самое то, если экстрим получить хочешь.

— Руди, догадайся с первого раза, почему я вообще одна хотела идти. — И после его молчания закончила: — Вот именно.

— Лианна, — осторожно начал Руди, — что-то я не совсем понял, что ты там про старуху сказала. Что за кровь она тебе влила?

Выслушав, он машинально забарабанил по столу.

— И когти, значит, выпускать можешь? Ну... А сама внушать можешь или не пробовала ещё?

Сказанное им оказалось для меня полной неожиданностью.

— Как я могу что-то попробовать, если узнала о внушении только сейчас? — спросила риторически — и замерла: когда Монти учил меня выпускать когти, он сказал, что гипнозу меня обучать рано. Сказал. Рано. Значит ли это, что он и в самом деле собирался учить меня внушению? За язык его никто не тянул. Сам предложил. Но разве он не понимал, что даёт мне в руки оружие? Или не рассматривал меня как достойного противника?

Мысли, суматошно скачущие в попытках найти логику, перебил Руди.

— Тот парень, Адэр, сказал, что тебе нужен экстрим. Это, в смысле, тебя напугать надо? И как ты думаешь пугаться? Я понял, что ты бежать хочешь. На нижние ярусы? Но так сейчас всю идёт зачистка.

— Я хочу дойти до комнаты Крота, где он переждал время, чтобы спуститься. Не знаю, что мне точно нужно, но я хочу осмотреть эту комнату. — И усмехнулась. — Путь туда и обратно — оснований для страхов будет довольно. И этот ярус выше тех, на которых сейчас орудуют бригады миротворцев.

— Конкретная цель — это правильно, — согласился Руди. — Только вот неплохо бы ещё раз перекусить, да и в дорогу взять кой-чего.

Пока мы втихую проверяли оружие и боезапас, незаметно подошло время обеда. Прислуга, уже знающая, что мы с Руди предпочитаем сидеть в моей комнате, сразу принесли

два прибора ко мне.

Под «кой-чего» Руди, оказывается, имел в виду не только еду. Когда мы, благо никто за нами во время обеда не следил, тщательно отобрали нужные, удобные для переноски продукты и рассовали их по карманам, он деловито прикрыл салфетками наши опустевшие блюда, чтобы никто из прислуги не заметил, что на них не хватает ножей и вилок. Правда, я довольно скептически отнеслась к использованию столовых ножей в определённых обстоятельствах, но Руди серьёзно заверил: главное — уметь ими пользоваться.

Затем, когда к нам заглянул Фарлей, я выпросила разрешение погулять на воздухе с животным, намекая на вертолётную площадку. Тот, естественно ничего не подозревая, согласился проводить нас. Кстати, его непроницаемо доброжелательный взгляд на нашу старую одежду объяснил, что он привык к разным прихотям гостей Монти. И уже на крыше я догадалась спросить его:

— А даг-ин Монти? Он ещё не появлялся?

— В данный момент он отдыхает, — прозвучало в ответ.

Я метнула взгляд на Руди. Он на меня не смотрел, присев на корточки и глядя Мисти, но по чуть склонённой голове стало ясно: принял к сведению.

Фарлей извинился, что не может остаться с нами на крыше, которая и в самом деле оказалась вертолётной площадкой, пока мы выгуливаем Мисти. А мы заверили его, что теперь дорогу в свои комнаты найдём и сами.

Нет, наверное, со стороны всё выглядело довольно глупо. Но едва за управляющим закрылась дверь в башне, Руди решительно зашагал к какой-то трубе, из-за которой вытянул солидный моток троса — вертолётного, для креплений, как объяснил он. Ещё несколько минут прикидок, как лучше его использовать. Перемотали трос и закрепили его на другой трубе — подальше от двери в башню.

— Мне главное, — негромко сказал Руди, словно боясь, что на просторной площадке нас кто-то подслушает, — донизу, до улицы, добраться, а там я тебя проведу в нору Крота с любого угла. Точно говорю.

Поскольку трос выглядел довольно прочным, я немного поспорила с Руди. Он настаивал, чтобы спускались на двух концах троса, независимо друг от друга. Я предлагала, чтобы не слишком медлить, спускаться на одном.

Как выяснилось через несколько минут, Руди оказался прав, настаивая на своём. Оглядевшись, мы осторожно опустили концы троса за невысокое ограждение. Стена, по которой предстояло спускаться, была глухой — без окон и балконов, не говоря уже о лоджиях. Чему мы, откровенно говоря, радовались. Мисти, посаженный мной, послушно улёгся на плечах Руди, привычный к переездам, и мешать нам в нашей аванюре не собирался. Я погладила его на всякий случай, чтобы не испугался на высоте, где не будет никаких удобных местечек для опоры ноге или лапе, кроме узких выступов — еле намеченного цоколя. Цоколь тоже появлялся редко — через каждые два этажа. Боком стопы удержаться на нём можно было. А вот чтобы постоять — времени на опыт маловато.

О чём потом и пожалели.

Итак, два психа, опасливо оглянувшись в последний раз на дверь в башню, вылезли за ограждение и начали спуск.

Сначала было хорошо. Ладони вспотели от страха и напряжения и не скользили. Потом монотонность спуска успокоила, и ладони высохли. Несмотря на рельефные перебития троса, пальцы время от времени начали соскальзывать, и вскоре кожа горела, когда

приходилось нечаянно съезжать. Зато потом руки снова потели — от страха. И несколько минут снова проходили спокойно. Пришлось натянуть на ладони рукава кожаной куртки, чтобы совсем уж кожу не сорвать.

Руди спускался напротив — специально договорились, на всякий случай, если вдруг понадобится пусть даже моральная поддержка. Так что когда трос под моими пальцами вдруг начал странно подрагивать — мелко-мелко, я тут же сообщила ему об этом.

— Как думаешь, что это?

Вместо ответа Руди внезапно быстро съехал вниз, на узкий цоколь стены, постоял там секунды две — я ещё с удивлением решила, что он хочет передышки. Но Руди, не дожидаясь, пока я съеду до этого цоколя, быстро раскачался на своём тросе и, как ни странно, оказался на выступе, гораздо более выпуклом, чем привычный глазу цоколь. После чего, держась одной рукой за что-то невидимое мне, другой он швырнул свой конец троса ко мне.

— Быстро хватайся!

— Ты... — начала я — и вдруг сообразила, что за мелкие подрагивания троса я чувствую. Кто-то рубит его!

Я суматошно схватилась за трос, подкинутый Руди. Отпустила свой, со страхом и ужасом глядя то наверх — стандартных этажей двадцать мы точно прошли; то вниз — на вечернюю улицу, где не видно прохожих, но часто перемещались машины всех мастей.

— Раскачивайся! Я подхвачу!

Теперь я уже не сомневалась ни капельки. Особенно ощутив подрагивания уже и подкинутого мне троса. Руди поймал меня и не дал улететь назад — в противоположную сторону раскачивания. Я буквально влетела в него, чуть не сбив с ног. Стоял-то он ненадёжно, на выступе — на карнизе окна, наглухо залитого, словно plombой, каким-то плотным строительным материалом. Так что получилось, что мы оба спрятались в тесной нише. Причём спрятались вовремя. Сверху взвизгнуло, и край выступа сверху треснул, а вниз полетел кусочек отстреленной пломбы на окне. Мисти, вцепившийся в плечи Руди, втянул голову в плечи...

Мы затаились, изо всех сил вжимаясь в стену.

Внезапно мимо нас сверху вниз пролетело нечто гибкое и стремительное. Я чуть не свалилась, отчего-то решив, что это одна из тех змеиц, что напали на нас с Дрейвеном в лифтовой шахте. И только через мгновения стало понятно, что пролетел мой трос. Зачем тот, кто его рубил, сбросил трос, когда ясно, что меня на нём нет? Со злости?

Второй трос, на котором спускался Руди, тоже свалился мимо. С лёгким свистом. Будто тот рубака испытывал бешенство, из-за того что не смог убить нас, сбросив с высоты... Выждав немного, Руди сказал — шёпотом, словно боясь, как бы не услышал тот:

— Вот и пригодились ножи-то.

Он достал один из столовых ножей и попробовал проковырять дыру в пломбе.

— Рыхлый, — с удовольствием сказал он и передал мне ещё один нож из стаченных.

Чуть позже я поняла, почему Руди испытывал удовольствие: успели добраться до более-менее надёжного места, где нас выцелить непросто. И пустили в неблагодарное для боевых ножей дело ножи столовые, которыми так неудобно было пользоваться во время обеда. Несмотря на то что пломба крошилась легко, я спросила дрожащим от пережитого (и понятого только чуть позже) страха голосом:

— Ты уверен, что мы сможем пробиться в хорошее для укрытия место?

— Боишься пуленепробиваемого оконного пластика? — пренебрежительно отозвался

Руди. — Если б оно оставалось, никто бы не пломбировал окно.

Чуть позже его слова оправдались, и мы, уже выбросив покорёженные ножи за ненадобностью, принялись выламывать тонкий слой пломбы руками. Дело пошло легче, тем более, что виднеющиеся за нею тёмные пустоты здорово подбадривали. И, только когда мы влезли в пустую комнату, Руди глубоко вздохнул и сказал:

— Трусил ведь я. Сильно. А вдруг бы этот, сверху, успел бы спуститься до того, как нам войти сюда? Перестрелял бы нас, как в тире. Так что, Лианна, быстро ищем выход и драпаем подальше от этого места.

Мисти был на сто процентов согласен с ним, поэтому, именно благодаря кошачьему нюху или глазу, мы разыскали дверь в темноте — я боялась подсвечивать даже экраном вирт-связи. После чего выскочили — только не на улицу, а в коридор — пустой и гулкий. Здесь оказалось чуть светлей, чем в комнате. Мы сразу разглядели, что Мисти деловито потопал к следующей двери, которая выглядела гораздо ниже остальных, тянувшихся в ряд. Руди осторожно подтолкнул её и расплылся в ухмылке.

— Смотри. Лестницы.

Никогда бы не подумала, что спуск в непроницаемый мрак окажется самым счастливым событием в моей жизни... Если бы не одна настойчивая мысль, отравлявшая радость: неужели рубил трос и стрелял в нас Монти — любитель экзотической охоты?

Так же осторожно Руди закрыл за нами дверь. Кот сидел на небольшой площадке и пытливо всматривался вниз. Вода светом включенного вирт-экрана по ступеням, я тоже приглядывалась к лестницам. Кажется, впереди пусто. Пора. Я шагнула на ступень ниже.

— Руди, а что это за лестницы? — невольно прошептала я, касаясь перил, жавшихся к стене отполированными трубами.

— Бесплатный переход от яруса к ярусу для тех, у кого нет кредитов на поездку в пассажирском лифте.

— И сколько лестниц от одного яруса к другому?

— В зависимости от самого яруса. Некоторых — двадцать. Некоторых еле-еле десять.

— А ты сможешь потом определить, где находится комната Дрейвена? Ну, Крота?

— Трудности будут не в том, чтобы определить. Его комната находится на ярусе номер тридцать. Номера, как видишь, до сих пор видны на стене и на двери-выходе с лестниц. Трудности будут в том, чтобы пройти на этот ярус. Сдаётся мне, миротворцы до него ещё не добрались. Но это так — предположения. Хуже, если до этого яруса добрались те, кто спасается от бригад зачистки. Та вертолётная площадка, с которой нас господин Альпин спас, находится всего четырьмя ярусами ниже. Так что идти по лестницам лучше осторожно, без спешки.

Некоторое время мы и правда спускались не слишком быстро — напряжённо прислушиваясь и приглядываясь к тому, что скрыто тьмой. Правда и то, что темнота здесь была неоднородная. На некоторых пролётах горели тусклые лампы, плоско вделанные в стены. На некоторых свет глухо мигал, словно вот-вот потухнет совсем. «Умирующий мир, — думала я, насторожённо взглядывая на вздрагивающий свет. — Как можно жить здесь? Или всё дело в силе привычки, в постепенной адаптации?» Спускаться было очень неудобно: одновременно быстро идти и проверять, что же там, впереди... До перил я боялась дотрагиваться, даже чтобы иметь хоть какую-то опору. Хотя до сих пор щеголяла в старой одежде, запылённой и даже дранной после стычки с монстрами на вертолётной площадке, к перилам больше не могла прикоснуться — из странной брезгливости.

В общем, я была благодарна этой пустынной лестничной дороге, что заставляла думать только о себе, а не предаваться воспоминаниям о том, как умирал Дрейвен. Хотя порой я ловила себя на мысли: нет у меня впечатления, что уверн погиб! Может, это оттого, что я не видела последних мгновений его жизни? Но разве не достаточно было увидеть, как его втаскивают в толпу мутантов?..

Всё равно не верю...

Мы остановились на одной из лестничных площадок отдохнуть, отдышаться. Я первой, как услышала про отдых, присела на предпоследнюю ступень пройденной лестницы — голова кружилась от бесконечных поворотов и темноты, не говоря уже о гудящих, словно распухших ногах... Мисти сразу вскочил ко мне на колени. Как ни удивительно — не затем, чтобы выпросить привычную порцию ласки, а затем, чтобы лечь, распластавшись и уткнувшись башкой в мой живот. Кажется, ему тоже не нравилось ходить голыми лапами по этому полу... Этот — тоже. Любимец Дрейвена... Смотришь на него — и вспоминаешь. Не хочу вспоминать. Не хочу. А Дрейвен снова взглядывает на меня пустыми глазами... И мне снова хочется кого-нибудь убить.

Надо бы отвлечься от воспоминаний.

— Странно, вроде совсем недолго идём, а впечатление... — угрюмо высказалась я.

— Ничего странного, — устало сказал Руди. — В темноте теряется чувство времени. Обычное дело. Мы идём уже второй час... Лианна, — обратился он, присаживаясь рядом. — Я всё думаю о том, что ты мне рассказала. Думаю-думаю, и что-то нехорошее в голову лезет.

— Что именно? — Я ладонями обняла голое, пусть и бронированное тело кота. Нет, несмотря ни на что, он всё-таки в этих подвалах мёрзнет.

— Вот, думаю: почему ты в комнату Крота решила пойти? — Руди вздохнул. — Не... Я, конечно, помню, что попутаться хочешь, а потому, как цель сходить туда и обратно, Кротова нора очень даже ничего. Но почему именно туда?

— Другой цели не вижу, чтобы прогуляться, — печально сказала я. И тут же сообразила: — А вдруг там, у него, что-то из личных вещей осталось? Заодно и заберём — на память о нём.

— Нет, глупости говоришь, — покачал головой Руди, пытаясь потянуться, чтобы размять спину. — Личные... Нет у него там никаких личных вещей. Он никогда ничего там не оставлял. Разве что продукты, но совсем мало — так, на всякий случай, если задержаться придётся. Комната-то у него передаточная: он приходит, дожидается курьера с верхнего яруса, получает препараты, уходит. Или отсиживается, если вдруг что типа облавы... Нет, про цель я понимаю всё. Только вот всё равно нехорошее что-то чую... Или это оттого, что тот парень рассказал? Не знаю.

— Озвучь своё нехорошее, — попросила я. — Пока отдыхаем — подумаем вместе.

— Почему — комната?

Руди высказался очень кратко, но по существу.

А правда, почему я решила, что мне обязательно надо пойти именно в эту комнату?

— Это было первое, что в голову пришло, когда подумала об экстремальной ситуации. А что тебя тревожит?

— Меня-то? А вдруг ты туда не сама пошла? Вдруг тебе эту мысль подсказали? Не слишком ли ты уверенно захотела на нижние ярусы?

Когда я поняла, о чём он, меня накрыло холодной волной пота.

— Ты хочешь сказать, что Монти прятался где-то на пути моего взгляда и внушил мне желание пойти... — Я зажмурилась. До мерцающих перед глазами искр. — Не Монти. Он хочет видеть меня своей женой. Ему невыгодно.

— А кому выгодно? — немедленно спросил Руди.

— Из тех, кто рядом, никому. Если меня не будет, Адэр, например, лишится места в Драконьем гнезде. Стандартный договор мы должны перезаключить в этом году. А я ему плачу немалые деньги. Остальных в доме Монти я не знаю. Да если бы и знала, то ситуацию с наследством все хорошо понимают. В доме Монти всем выгодно, чтобы я никуда не уходила.

— А парень этот, Адэр, точно ничего не поймёт с твоей смерти? — уже осторожно спросил Руди. — Ведь он, получается, единственный...

Он не договорил, но и без последних слов было понятно, о чём он думает. Я промолчала. Сознание менять трудно. И думать о том, что Адэр, сурово заботливый во всём, что казалось моей охраной, может быть убийцей или тем, кто так легко подтолкнул меня по сути к самоубийству, тяжело.

Бронированный кот под моими ладонями резко повернул башку. Я хотела сказать Руди,

что пора бы подниматься со ступеней и бежать дальше. Но Мисти вдруг напрягся, глядя на следующую лестницу вниз. Прежде чем я это сообразила — точнее, восприняла, мои ладони соскользнули с тёплого тела Мисти на пулемёт, тоже лежащий на коленях.

— Руди, — вполголоса предупредила я.

Но Руди и сам уже смотрел в том же направлении, куда уходил кошачий взгляд, смотрел — вцепившись в оружие. Поэтому я, левой рукой придерживая Мисти, правой даже не нацелила свой пулемёт на вторую лестницу, а просто облегла пальцами спусковой крючок.

Звук, глухой и пока невнятный, шёл несколькими лестницами ниже, постепенно, очень медленно поднимаясь к нам. Если я правильно считала до сих пор, до следующего яруса с выходом на улицу осталось три лестницы.

Гудение. Еле слышное, тонкое, время от времени монотонное, время от времени срывающееся. Похоже на гудение сквозняка, когда, заплутавший среди этажей, в воздухопроводах завывает ветер.

Руди мгновенно встал; плавно, почти не прошелестев одеждой, бесплотной тенью шагнул в беспокойную тьму. Вспоминая расположение лестниц и звериным чутьём чуя движение рядом, я поняла, что он стоит на краю следующей лестницы вниз. Характерный щелчок: кажется, он переключил пулемёт на лучевой заряд. Поскрёбывание — тоже знакомое: уменьшает его. Зачем? Дошло: хочет посмотреть, приглушив мощностность заряда, что там такое, это завывающее.

Мисти прыгнул в сторону. Кажется, собирается идти рядом. Зачем мы его взяли? А не возьми его — орал бы от тоски, всех в доме Монти всполошил бы.

Моих пальцев коснулись тёплые пальцы Руди. Движение предвидела. Здесь, в темноте, чувства обострились так, что, казалось, могу предвидеть даже то, что он ещё только задумает. Пальцы чуть опёрлись на мои — это Руди шагнул вниз. Приоткрыв рот, чтобы не слышно было зачастившего дыхания, начала спускаться вместе с ним. Лестница. Другая... Нытьё, близкое к поскуливанию, нарастает. Теперь в нём слышна боль... Шелест справа, в котором еле различила слова:

— На площадку... Вирт.

Мы включили одновременно: я — экран вирт-связи, он выстрелил в стену из пулемёта. Дыхание перехватило у обоих: в нескольких шагах от нас, на ступенях, лежало что-то большое, длинное и блёкло-белое. Оно еле шевелилось — странными белёсыми частями, пытаясь ползти, и поскуливало.

— Лиа, на лестницу! Быстро!

Крик Руди ударил меня по голове, по нервам. Взлетела на лестницу — с отчаянным боем сердца. Обернувшись, как ужаленная, — оставила одного! Справится ли?! — и, раскрыв рот, смотрела, как он жарит, сжигает ползущее тело таким мощным лучевым зарядом, что рискует вообще остаться без боезапаса. Что он делает?! Крик: «Не надо!» рвался наружу, но, зажав себя в рамках: «Он знает, что делает!», вздрагивая, выжидала окончания его странного действия.

Пахнуло поджаренным мясом — мясом гнилым, словно в костёр бросили дохлую крысу... Странные детские воспоминания качнулись с этим дымным смрадом: мы с мальчишками смылись во время ночного часа с территории приюта; нас, девчонок, всего две, и мальчишки обращаются с нами снисходительно, но то и дело пугают: то разожгут костёр и бегают вокруг него с факелами, то бросают в огонь всякую дрянь, чтобы всего лишь посмотреть, что из этого будет. Вонь от сгнившей одежды, вонь от горящей плоти, вонь от

химии из каких-то прометаллических бутылочек, которые так интересно летают и подпрыгивают, взрываясь. А двое пацанов уже сидят подальше от всех бурно веселящихся и, разрезав остатки бутылок, старательно внюхиваются в их содержимое... Перед глазами уже не тьма, а странные видения. Они пока ещё не совсем отчётливо видны, но я знаю, чем вот-вот станут эти гибко плывущие во тьме фигуры, и я вижу, как они постепенно обретают форму монстров с вертолётной площадки, и мутировавшие чудовища подступают ко мне ближе и ближе, кровожадно скалясь и утробно, голодно рыкая...

— Слушай меня! Только меня! Не смотри вокруг!

Руди затыкает мне нос и рот какой-то тряпкой и ведёт меня, странно послушную, с лестницы. Несмотря на взволнованные интонации в голосе Руди, я слышу главное: он тоже видит этих монстров! Но он спасёт меня, и поэтому я расслабленно подчиняюсь ему. Он ведёт среди чудовищ, повторяя одно и то же: «Не бойся! Я рядом!» Потом заставляет сесть, потому что монстры оказались далеко за нашими спинами, и, значит, теперь безопасно. Я всё ещё слышу его голос, хотя сама в прострации — или в глубоком сне?

— Как я раньше не догадался?! Дьяволы всё заведи! Надыхалась! Что теперь делать?! Ложись и не двигайся!

Он здорово за меня тревожится, и мне это нравится. А ещё больше нравится, когда я вдруг вижу Дрейвена. Нет, не вдруг... Мне как-то странно. И хочется хоть краем сознания удержаться на поверхности, поэтому я уже сама вызываю в памяти его лицо. Я плыву, и вместе со мной плывёт худое, глазастое лицо уверна — и так хочется потрогать все его морщинки, когда он смотрит на меня с тревогой, хочется дотронуться до его волос, которые сваливаются ему через плечо, когда он нагибается надо мной...

Руди с трудом удержал меня, когда я запрокинула голову и выгнулась.

Разделение. На меня — которая лежит на его руках. На меня, над которой склоняется Дрейвен. Он невообразимо нежен — и я сразу откликаюсь на эту чувственную нежность. Та, которая на руках Руди, сжимается, крючится от страха: сейчас уверн обзлится и порвёт на мне блузку! Та, которая видит блаженствующее лицо Дрейвена, расслабляется в его ласковых руках, в его сумасшедшей нежности...

... С моего лица сдёргивают тряпку. И вместе с нею отнимают лицо Дрейвена.

— Дыши!

Вдох. Привычно прохладный запах лестниц. Увидела встревоженное лицо Руди — в свете валяющегося рядом вирта. Вдох — пришла в себя мгновенно. Он, сидевший — придерживая меня — на полу, громко выдохнул и уселся уже с опорой на стену. Я головой у него на коленях. Лежала, наверное, с минуту, прежде чем вспомнить всё. Потом секунды раздумывала над вопросом, озвучила:

— Что... это было?

— Слизни. Жрали какого-то бедолагу. Я поджарил их вместе с человеком, но забыл тебя предупредить, что дымом от них нельзя дышать. Галлюцинации вызывает.

Оказывается, он отстегнул мой собственный капюшон от куртки и им закрывал мне рот и нос. Мисти сидел рядом, насторожённо заглядывая вниз.

— На кота... не действует?

— На этого — нет. Как себя чувствуешь?

— Как обкуренная.

— А чего только как? — Руди улыбнулся с облегчением и выдохнул: — Фу-у... Я уж испугался. Ты выглядела так, что хоть скорую из психушки вызывай.

— Руди... Ты человека убил. А спасти — никак нельзя было?

— Они его почти доели. Что спасать?

Меня передёрнуло от его простых слов, сказанных вроде как даже в раздражении: «Как, мол, ты этого не понимаешь? Всё просто!» Но полностью предаться сладкому ужасу, посмаковать его, представляя в красках, что именно сделали склизкие, бледно-белые слизи, не удалось. Хотя очень хотелось. Руди потом сказал, что это, желание увидеть гадостное, — пост-эффект обдолбанности от слизи.

Новый шум внизу, на лестницах, постепенно распадающийся на отдельные голоса и вопли, быстрый бег и топот заставил меня поднять голову с коленей Руди. Тот только вздохнул, и мы поднялись.

Голоса очень быстро стали ещё различимей — на фоне нетерпеливого рычания и визга, чем-то очень знакомых. Не знаю, что уж придумал себе Руди, а может, он по жизни всегда был отчаянным. Но, не сговариваясь, мы оба помчались навстречу кричащим. Нам же навстречу нёсся рваный свет. Он иступленно бился во мраке, словно пытаюсь слететь с кончиков импровизированных факелов. Факелы же оказались не столько светильниками, сколько оружием, которым беглецы отпугивали преследователей.

— Сюда! — крикнул Руди, когда беглецы нерешительно замерли на площадке с влажными ошмётками слизи. И те, осветив нас, поспешно зачавкали по жидкой слизи, перед которой их преследователи тоже сначала было застыли, подозрительно принохиваясь к плиткам, наполненным гнилостно-белёсой лужей.

Мы почти столкнулись на лестничной площадке, на которую взлетели беглецы.

Двое мужчин и девушка отбивались от «пауков». Слава небесам, что при виде нас люди не испугались или не опустили с облегчением руки.

Бесконечные лестницы превратились в доисторические пещеры, а мы — соответственно, в пещерных людей. Трое беглецов проскочили на лестницу выше, а мы с Руди принялись в упор расстреливать мутантов. Честно говоря, у меня мелькнуло разок подозрение, что беглецы сбегут и от нас. Но они нерешительно постояли на лестнице несколько секунд, переглянулись — и спустились. Свет, который они нам предоставили, был, конечно, адский, поскольку беглецы время от времени били им по мордам прорывавшихся «пауков». Но свет есть — и это главное!

— Вы полиция?! — крикнул кто-то из мужчин, яростно орудуя своим факелом.

— Сами по себе! — ответил Руди, и мужчина встал рядом с нами, с видимым облегчением лупя живым огнём по страшным мордам.

«Паучья» стая оказалась довольно многочисленной. Видимо, где-то мутанты сумели прорвать ловушки миротворцев. Дрались они в попытках убить нас и проскочить опасное место — так, что это вызывало невольное уважение — и ярость. В этом противостоянии ясней ясного стало: «паукам» отступить — умереть, значит, единственное, что остаётся — попытка пройти мимо нас. Или по нашим трупам. Но в любом случае — закусив нами.

Рёв, рычание с переходом в предсмертный визг, фыркание огня, грохот выстрелов.

Я видела и слышала, сильно ограниченная «территорией» вокруг себя. Впечатление, что постоянно прорываю живую, оскаленную стену, которая частями пытается обрушиться на меня.

Прорвавшийся откуда-то сбоку ублюдок прорезал мне клыками кожу по краю левой кисти. Дальше, к локтю, помешал рукав куртки. От болевого шока выронила боевой нож. Нездолго плеснула мгновенно. Тем более что высунувшаяся из-за моей спины девушка с

размаху обрушила на монстра факел, отвлекая его от меня и давая время собраться. Визг ударил по моему сердцу такой злобой, что горящая от боли левая будто сама выпустила длинные когти. «Паук», несмотря на страхующую меня защиту за спиной, кажется, решил, что именно здесь в обороне людей слабое место. Сунулся снова — морда окровавленная, свиные глазки горят призрачно-красными бликами. И получил когтями по глазам. Дьяволы, как я его полоснула — даже прочувствовала, как легко, словно паутину, когти содрали влажную ткань с глаз урода!

«Паук» с визгом отпрянул и грохнулся от сбившей его пулемётной очереди.

За моей спиной закричала девушка, предупреждая. Сразу два «паука» прыгнули ко мне одновременно. Оружие упало на пол — мне ещё так казалось, потому что в полёте их перехватили. Я уже не видела — кто. Потому что метнулась вперёд — на остатках той эйфории, которая всё ещё ликовала во мне после дозы дыма-галлюциногена. Взмах правой — уже тоже вооружённой когтями. «Паук», сунувшийся было к самому моему лицу, захлебнулся кровью: я резко сунула выпрямленную ладонь прямо в разверстую в крике пасть и так же резко выдернула её. Он не успел даже конвульсивно сомкнуть челюсти, а потом уже и не смог. Разворот — ботинком боковой в челюсть. «Паук» взвизгнул, в запланированном прыжке неожиданно отлетая в сторону... Кажется, он свалился с лестницы, потому что рваный, постепенно затихающий крик по ступеням прекратился лишь где-то внизу.

Удара сама почти не почувствовала: приземлившись, прыгала и вертелась, как пиранья! Это я успела подумать о себе так, прежде чем снова полоснуть когтями обеих рук по мордам сунувшихся ко мне, несмотря на недавний наглядный урок, мутантов.

А я постепенно переходила от эйфории к самой настоящей злобе: я убивала «пауков», а вместо их оскаленных, визжащих морд видела лицо Адэра! Такое обманчиво спокойное, лишь слегка встревоженное... Его губы, заботливо выговаривающие одно. И его глаза, приказывающие: «Иди!»

С глаз будто пелена спала. Я видела не уродливые рыла мутантов, ощеренные в тщетной жажде убить меня, а задумчивое лицо убийцы, который послал меня сюда, а я, как последняя дура... Нет, не дура. Я не знала, что собой представляю как уиверн. И это Адэр мне не дал узнать, кто я и что умею!

Теперь совсем по-другому представляется вопрос Монти, умею ли я выпускать когти! Его лёгкое удивление, когда он узнал, что не умею того, что должна была узнать в первую очередь. Правда, он быстро успокоился, наверное решив, что я была слишком занята огромным хозяйством и воспитанием сына. Да... Теперь совсем по-другому видится и всечасное следование Адэра за мной буквально по пятам — чтобы только я не узнала хоть чего-нибудь относящегося к моему новому состоянию уиверна! А я-то думала, что он меня защищает! И тот момент в комнатах Дрейвена, когда у меня началась истерика при взгляде на вирт-кадр Дрейвена!

Я зарычала от вплеснувшего в кровь адреналина и начала крутиться ещё быстрее, хотя мельком думала, что сильнее и быстрее тело уже не будет работать. Но оно... Бог ты мой! Я никогда не думала, что реакции уиверна в сочетании с гибкостью человека могут дать такой результат. Плюс прозрение... И внутренний плач — от ненависти: сколько времени потеряно зря! Сколько времени... И сколько риска — чего ради?!

Не до конца сомкнутый кулак влетел в морду «паука», когтистые пальцы ухватили мутанта за мокрый, скользкий язык. Ничего — когти вонзились в скользкую мякоть сразу! Вторая рука схватилась за шкиряк урода, разворот с тяжёлым телом, веса которого на

адреналине почти не заметила, а лишь прочувствовала, как тяжёлый снаряд, — и захлебнулся сбитый с ног «паук», лезший по полу, чтобы приблизиться ко мне снизу, яйцом шмякнулся о стену второй.

Очнулась — тяжело дыша, согнувшись над сдохшим «пауком», челюсти которого всё-таки вцепились в мои кисти — в последней агонии. Тела остальных, застреленных, сожжённых, лежат настолько кучно вокруг, на тесной в сущности площадке, что для меня, ослепшей в боевом бешенстве, — чудо, что не свалилась с ног. Рядом — Руди, дышит часто-часто, чуть поодаль — трое спасённых: мужчины на лестнице — подняли факелы, девушка за мной (я развернулась на звук) — разглядывает, всхлипывая от страха и потрясения, меня... Руди, словно не веря, огляделся.

— Вспомнила. — Не спросил, а сделал вывод.

— Ты... помог. — Сказала, разжала челюсти мёртвого «паука». Пнула вялое тело в сторону.

— Как?

— Сжёг слизней. Галлюциноген... Я видела Дрейвена. — Потом вспомнила, что с Дрейвене главного Руди не знает. И сама чуть не зарыдала от ярости, вспомнив, что уиверну пришлось пережить в течение трёх лет, когда его так легко и просто подставили со мной. — Мы... в его комнату не идём. Адэр приготовил там ловушку. Мы будем ждать здесь. Сейчас вызову помощь.

Говорила бессвязно, но Руди меня понял и кивнул беглецам на лестницу.

— Садитесь. Сейчас придут спасатели.

Но сидеть всего лишь выше лестницей от площадки с мёртвыми телами — счастье то ещё. Воняло — тяжёлой влажной гнилью. Да и соседство с ними, пусть и скрытыми тьмой, не слишком приятно. Глядя на усталых, даже измождённых беглецов, я предложила им преодолеть хотя бы лестницы три наверх, пока совсем не расслабились. Мало ли кто ещё может прорваться сквозь заслоны загонщиков-миротворцев. Может, появятся те, кто захочет попировать на мёртвых, да и живыми не побрезгуют? Нам здесь точно не место.

И — поднялись. Хотя ноги, налитые чугуном тяжестью, стонали от любого, маломальского усилия... Беглецы повиновались нам с Руди во всём. Кажется, последний бой выбил из них остатки желания делать хоть что-то самим. «Но, — думала я, — возможно, после отдыха они будут вести себя иначе». А пока... Я сказала — они встали и прошли столько, сколько надо. По дороге мы забрали Мисти, сидевшего у оброненного вирта.

Добрались до площадки с очень тусклым освещением. Но оно хоть есть... Руди сказал, что здесь граница яруса. Возможно, поэтому освещение хоть и на ладан дышит, но всё же пока живое. И здесь хоть мертвечиной не пахнет. Пахнет холодными сухими лестницами и затхлой прохладой стен, давно не проветриваемых сквозняками. Есть и дверь, словно намертво впаянная в стену: сколько мы с Руди ни пытались сдвинуть её с места — не удавалось ощутить даже малейшего сдвига. Пришлось отступить.

А потом Руди посмотрел-посмотрел на понурых, ссутулившихся беглецов, тяжело сидящих на ступенях, и вытащил свой НЗ — когда-то бывшие изысканными закусками бутерброды со стола Монти. Завёрнутые в бумажную салфетку, они слиплись в единое месиво, которое пришлось разделить на комки. Но беглецы засияли чуть не до слёз, когда сначала Руди, а потом и я положили им на ладони бесформенные куски еды.

Мисти хотел было сожрать остатки салфетки, от которой так вкусно пахло. Я успела отнять её и сунула коту крошки от бутербродов. Он смахнул их с моей ладони одним движением языка и обернулся к беглецам. Пришлось сесть между котом и спасшимися. Мисти всё-таки поел — и неплохо — пару часов назад. Перетерпит. А пока... Я вздохнула, взялась за вирт-связь и попробовала вызвать Монти.

— Ну? Что? — беспокойно спросил Руди, поглядывая вниз.

— Связи нет. Хотя... Подожди-ка, что это?

Экран вдруг осветился. Совершенно ошеломлённая, я прочитала вслух: «Моя милая леди! Если связь будет плохо работать на одном из ярусов, пожалуйста, воспользуйся той штукой, которая находится у тебя во внутреннем кармане. Если ты её вдруг потеряла, пусть твой спутник посмотрит у себя в куртке. Твой друг Монти». Время отправки записи — через полчаса после нашего побега вниз.

Руди немедленно сунул руку во внутренний карман — я почти одновременно с ним сунулась в свой. Переглянулись.

— Что это?

— Я такие штуки знаю, — медленно сказал Руди. — Приносили как-то показать. — Он повертел в руках нечто похожее на капсулу, маленькую, величиной с мой ноготь, и осторожно отколупнул плёнку с неё. — Так. Теперь надо вставить в ухо и говорить.

— И всё? — недоверчиво спросила я, но послушно выполнила его инструкции. — Монти? — неуверенно спросила я в пустоту лестниц.

Пауза, шуршание — и вдруг отчётливый насмешливый голос, в котором ясно угадывалось облегчение:

— Лианна! А я-то гадал, откликнешься ли ты!

— Монти, я к тебе с просьбой, — смущённо сказала я. — Ты не мог бы забрать нас отсюда? Мы в пешеходном переходе между ярусами.

— Лианна, милая! Для тебя что угодно! На котором вы ярусе?

Руди, слушавший разговор по своему переговорному устройству, немедленно встал, подошёл к стене и, обернувшись ко мне, показал на пальцах — двенадцатый.

— На двенадцатом.

— У вас есть возможность идти нам навстречу?

— А вы... вы здесь?!

— Пока нет, но сейчас будем. Мы пока на четвёртом, — насмешливо сказал Монти. И тут же серьёзно спросил: — Вы оба целы? И кот тоже?

— Ну-у... Мы-то все целы. Только вот... Монти, нас здесь с котом шестеро, — повинулась я, уже понимая, что для него и это не проблема. — И я не знаю, все ли из нас шестерых могут идти. Тут у нас заварушка была...

— Ничего. Сидите тогда на месте. Заберём всех. Нам бы только до вашего яруса спуститься, а там откроем выход на улицу — и на вертолёт. Но ради небес! Никуда больше не уходите! Обещаешь?

— Обещаю, — с облегчением сказала я.

— Если что — я на связи.

Вынув из ушей передатчики, мы с Руди переглянулись.

— Это когда же они нам в одежду их впихнули? — риторически спросил Руди и ухмыльнулся. — Этот твой дипломат больше на шпиона похож. Значит, они нас выследили по этим же шгучкам и уже спускаются к нам? Хорошо.

Разговаривая с Монти, я невольно отсела от трёх беглецов, чтобы не мешать им. Руди сидел рядом и тоже никакого желания присоединиться к тем троим не выказывал. Да и они, кажется, не просто так затихли. Как бы нечаянно осветив беглецов виртом, я слабо улыбнулась: девушку крепко обнимал мужчина, и она спала в его объятиях, а второй, который оказался помоложе, прислонился к другому плечу мужчины и тоже спал. Судя по тому, как мужчина, к которому приникли оба спящих, время от времени поднимал голову и оглядывался, словно опасаясь, не ушли ли мы без них, спать он не собирался.

Руди вполголоса сказал, прищурившись на них:

— Лианна, может, что можно — расскажешь? Насчёт экстрима, насчёт... В общем, всё, что можешь.

— Три года назад хозяйка Драконьего гнезда выбрала меня наследницей, потому что Дрейвена нигде не могли найти и все решили, что он погиб. С его работой такое возможно было. Его ведомство на запрос хозяйки так и ответило. Я читала документы. В ту же секунду, когда я вошла к ней, Адэр провёл внушение, что оказалось очень лёгким, потому что старая дама тоже с порога начала внушать мне сон. То есть я попала под двойное внушение. Но в тот момент, когда даг Куианна почти полностью передала мне свою кровь, появился Дрейвен. И попал под воздействие Адэра. Как ни странно, именно Адэр точно знал, что внук старой дамы вот-вот должен появиться. Возможно, у него была своя система слежки за Дрейвеном, — не совсем уверенно начала я. Сомневалась ещё, можно ли говорить такое постороннему, в сущности, человеку. Но вспомнила, как этот посторонний постоянно

выручал меня там, где я могла растеряться. И рассказала коротко, без подробностей и только главное. Руди слушал внимательно, не перебивая. А я, рассказывая, оценивала себя и события словно со стороны и наконец сама начинала понимать всё больше, что именно тогда происходило. — Я не знаю, что именно произошло, но, кажется, Дрейвен не вёл себя со мной зверским образом, как все три года я думала под внушением Адэра. Первым делом, когда я приеду в Драконье гнездо, надо будет обыскать комнаты Адэра. По всему дому велась запись происходящего. Он говорил, что камер не было в апартаментах старой дамы, потому что она не терпела слежения. Но теперь, когда его словам — грош цена, я думаю, что камеры в комнате дамы были, и собираюсь найти эту запись. И выяснить, почему Дрейвену вообще захотелось это сделать. Не может даже уверн просто так, ни с того ни сего взять и...

— Так легко, — задумчиво сказал Руди. — Посмотрел в глаза — и отправил в ад.

— Приедем — забот будет вообще полон рот, — почти не слушая его, продолжала я. — Надо будет просмотреть досье Адэра по родственным связям с Драконьим гнездом. Почему-то у меня впечатление, что он именно тот родственничек, который идёт наследником сразу после моей смерти. Недаром он стрижёт волосы. Стрижка открывает ему лицо, а у Дрейвена лицо слегка скрыто волосами, поэтому выглядят разными. Но если приглядеться, то Адэр — вылитый Дрейвен. Только глаза не серые, а зеленоватые. И возраст: Дрейвен старше меня лет на пятнадцать, а значит, и Адэра тоже постарше. Надо будет сказать Монти...

Руди впервые перебил меня.

— Лианна, а как ты думаешь, почему он подсунул нам эти штуки? По-моему, он всё знает, этот твой Монти.

Я уставилась на него, всё ещё заикленная на своих мыслях — сразу и не поняв, что он имеет в виду. Вот как. А я и не сообразила. Эти передатчики не имели кнопок включения-выключения! Если нам их подсунули в первый момент нашего появления в доме Монти, значит, хозяин и правда знает всё — от начала до конца! Значит, он всё знает и про Адэра? Меньше придётся вспоминать о бывшем начальнике системы безопасности Драконьего гнезда! Они сами теперь разберутся... Что ж, хоть одна хорошая новость.

— Если бы ещё Крот не погиб... — задумчиво сказал Руди, следуя своим мыслям.

— Дрейвен не умер, — упрямо сказала я. — Он приходил к нам, когда мы дрыхли те самые двенадцать часов!

— Что... Что?

— Не знаю, каким образом его вытащил с яруса Монти, но у увернов есть ещё одна особенность: они быстро регенерируют. Кажется, Монти спас Дрейвена достаточно быстро, чтобы оставалось время на его излечение.

— Меня это не интересует, — нетерпеливо сказал Руди. — Ты сказала — он приходил к нам? Каким образом он мог к нам войти, если у двери столько вещей навалено?

— Я уже думала об этом... Есть только одно... Дьяволы... Хочется побыстрее добраться до дома Монти и посмотреть. Мне же, в отличие от тебя, дали апартаменты, хоть и небольшие. Мы забаррикадировали входную дверь, но вряд ли она была единственной. Они могли войти и через подсобные помещения.

— Они?

— Сначала зашёл Дрейвен. Потом Монти вывел его.

Руди озадаченно хмыкнул.

Наверное, кто-то другой, другая женщина, размышляла бы о прошлом с грустью или с

печалью: сколько всего зряшного, потерянного, обидного. Но я, сидя здесь, в темном пешеходном переходе с одного яруса Керы на другие, забрызганная кровью и телесной жидкостью убитых мутантов, которая уже вонюче впиталась в мою одежду и которая засыхала пятнами на моей коже, ненавидела. Пытаясь проанализировать прошлое с точки зрения человека, у которого открылись глаза, я вздрагивала от желания убить — и не один раз. Адэра. Я мысленно старалась собрать воедино все события с самого начала, и видела, что случилось бы всё иначе, без его-то вмешательства... А он...

Есть один момент, который меня смущал. Адэр говорил, что не принадлежит к уивернам верхнего круга. Откуда он тогда умеет так сильно внушать — особенно Дрейвену? Правда, Адэр уточнял, что умеет только кое-что. Но Дрейвен — уиверн с жёстким характером, привычный к мысли о громадном наследстве, сам из Драконьего гнезда. По словам знавших его — сильная личность. Да и профессия его не располагает к слабости. Он-то наверняка из верхнего круга, что бы это ни значило. Почему Адэр так легко смог приказать ему взять меня, лежащую без сознания? Или здесь ему помогло, что Дрейвен был на взводе, узнав о странном завещании?

— Задумалась?

— Есть немного.

— Лианна... Когда выйдем на поверхность, ты не могла бы позвонить вот по этой карточке? Это... другу моему одному.

— Могу, конечно. — С трудом удержалась от вопроса: а что? Но, кажется, Руди и так меня понял, потому что, вздохнув, объяснил:

— Этот друг давно уговаривает меня улететь с Керы на одну недавно открытую планету. Там мутаций нет, люди нужны... Если бы не наш район, давно бы махнул...

— Руди, — медленно сказала я, поворачиваясь к нему. — Какого... какого дьявола ты мне недавно несчастным голосом заливал, что тебе деваться некуда? Что без меня пропадёшь? Это... ты специально? Чтобы пойти со мной сюда?

— Ну, не совсем специально, положим, — ухмыльнулся Руди. — Но мысль такая была. Сама посуди: одно дело мне на районе жить, где все знакомые, где знаешь, кому руку жать, а в кого стрелять. А здесь... Оставила бы меня среди этих, уивернов, а я о них ни сном ни духом. Да и нужен ли я им, пропади ты вдруг на нижних ярусах? Если б ты меня в городе оставила — я б выжил. А в доме том, богатом... Помнишь, небось, как тот вертолётчик рассуждал? Ну, насчёт мутантов? Во-от. Легко рассуждал. Мутант? Сбрасывай его с вертушки! А что человек живой или там кот — ему это... — И Руди чётко и грязно высказался, что это ему, лётчику. Даже пригревшийся на его коленях Мисти поднял голову. После чего, успокоившись, Руди заметил: — Ну а в первую очередь ты, конечно. Никак понять не мог, с чего тебе взбренило в башку прогуляться в комнату Крота. А то я своего мира не знаю. Ты б могла в обычное время спокойно пройти лестницы, не будь облавы на мутантов, но — выйди к дому, и пары шагов бы не ступила по тамошней улице. Знаю, знаю, что крутая, только мир тоже надо знать. А тебе — откуда? Вот и поныл.

— Мисти не отдам, — предупредила я.

— Хм... Если Крот живой, на кой мне кот? Неизвестно, куда лечу, а ещё животину с собой таскать...

— Если Дрейвен его узнает, — задумчиво сказала я.

Руди покосился на меня. Снова взглянул в темноту.

— Думаешь, когда снимут с него это самое внушение, и меня не вспомнит?

— Я в гипнозах не разбираюсь. Примерно представляю, но... Мне кажется, он сейчас между двумя состояниями: помнит себя как Крота, но уже что-то воспринимает как Дрейвен. Как-то так.

— А что именно — как Дрейвен?

— Он заставил меня поцеловать его. Но почти сразу надел повязку на глаза. Он понял, что именно сделал. Понял, как это получилось. То есть он вспомнил свою особенность — умение внушать.

Руди внезапно передёрнуло. Он посмотрел на меня с огромным сочувствием.

— Лианна, ты человек. Как ты будешь жить с ними? Ну ладно, у тебя ребёнок... Но... Как я представлю, что ты ненавидела себя и весь мир. И всё оттого, что тебе внушили эту ненависть!

— Первое, что я сделаю, как только всё устаканится, — медленно сказала я, — возьму Монти за грудки и вытрясу из него клятву научить меня защищаться от внушения. Надеюсь, у уивернов есть техники, которые я смогу усвоить.

— Это всё из-за Дрейвена, да? — спокойно спросил он, впервые на моей памяти не споткнувшись на имени.

Помедлив, я покачала головой.

— Не знаю. Проблема в том, что неизвестно... Как объяснить? Не знаю, какой человек появится рядом со мной, когда всё закончится — в том числе и с внушением. Тот, которого я узнала на нижних ярусах, был заботлив и относился ко мне... скажем так, с симпатией. Но кто появится, когда внушение будет снято? Захочет ли этот уиверн иметь дело со мной? Вдруг... Вдруг он затеет со мной тяжбу из-за наследства? В общем, вопросов у меня много, и, боюсь, меня ждёт то ещё весёленькое времечко.

Вывод из разговора Руди сделал странный. Он посмотрел на троицу. Мужчина, который до сих пор обнимал девушку, теперь придерживал и парня, прикорнувшего на его плече. Как будто отец — спящих детей. Я тихонько вздохнула. А Руди негромко сказал:

— Думаю, они возражать не будут, если я им предложу поездку к моему другу на другую планету. Кажется, я привык, что мне постоянно приходится кого-то опекать. То район. То тебя. Теперь вот они. Жизнь, — философски завершил он.

И вдруг обернулся на верхние лестницы. Слух у него отменный. Я лишь через минуту расслышала топот ног и еле чувственное дребезжание и подрагивание лестниц. Мужчина, со спящими, насторожился: было заметно, как он напрягся.

— Помощь, — тихо, но чётко сказала ему я.

Еле видный кивок, чтобы не потревожить спящих. Кажется, неизвестный решил, что, раз мы помогли в таком безнадежном деле, как битва с мутантами, теперь можно нам довериться во всём. Мисти же, напротив, встал с рук Руди и начал дожидаться бегущих сверху, безотрывно выглядывая их, пока не появились. Так что Монти, сбегавшего по лестницам в сопровождении четверых, стоя встречали только мы с Руди.

— Что с ними? — резко спросил Монти, кивая на сидящих.

— Отдыхают, — поспешно сказала я. — Нам пришлось столкнуться с «пауками», если ты понимаешь, о ком я.

— Очень даже хорошо понимаю, — с облегчением пробормотал Монти и повернулся к стене, где находилась намертво закрытая дверь.

В его руках появился предмет, похожий по форме на блок вирт-связи. Им-то он и провёл вертикальную линию по левой части двери, где обычно находятся замок и ручка.

Что-то щёлкнуло — и дверь поехала в пазы каменного косяка. Дневной свет, даже приглушённый, едва дошедший сюда с верхних ярусов, всё равно сумел затушить свет на лестницах почти до мрака.

Мисти первым вышел на улицу. Его не испугал даже гул повисшего над асфальтом вертолёт. Или уже привык к громадным летающим машинам? Правда, сильным движением воздуха его слегка оттолкнуло назад, к дверям на лестницу. Пришлось взять его на руки. Кот и не возражал.

Уиверны быстро помогли нам сесть в вертолёт — и никто из них не вякнул насчёт мутации. Попробовал бы кто... Я вышла, заранее настроенная на надменные вопли, и успокоилась лишь тогда, когда дверца в пассажирский салон закрылась, а вертолёт поднялся и помчался переулками. Трое беглецов, недоверчиво и со страхом смотревших на уивернов, сообразив, что всё пока складывается для них неплохо, снова и уже с комфортом устроились на пассажирском сиденье и уснули.

Так получилось, что я села между Руди и Монти.

— Что с Адэром?

— Ему больше никогда не быть начальником системы безопасности, — спокойно откликнулся Монти. — И... Лучше тебе не видеть его.

— В каком смысле? — Я задрала подбородок и как можно высокомерней спросила: — А если мне хочется ему пару ласковых сказать? Как бывшему служащему?

— Мне очень жаль огорчать тебя, Лианна... — Монти опустил глаза, и я вдруг поняла, что дело плохо. — Тебе никогда не удастся ему что-то сказать — так, чтобы он понял.

— Кровь Драконьего гнезда, — не спрашивая, тяжело выговорила я после недолгого молчания. — Плохая кровь... Он... сошёл с ума? Значит, я догадалась правильно. Насчёт родства... Монти, но мы ведь недавно его видели. Вроде было всё... — Перед глазами плеснуло: Адэр нервничает, берёт в руки оружие — и успокаивается. Но кулаки, стиснувшие оружие, слегка продолжают подрагивать.

— Кровь уивернов предполагает, что родственники-уиверны могут находить друг друга, даже не зная о присутствии друг друга же в одном помещении. Адэр «услышал» Дрейвена и пошёл на зов крови. А когда увидел живого Дрейвена... Отчаяние было слишком огромным. Адэр же надеялся, что Дрейвен мёртв. Всё и произошло. Ему повезло, что в тот момент Дрейвен был не один.

— Почему повезло?

— Дрейвен сейчас тоже не в лучшей форме. Он просыпается от внушения, и это состояние раздвоенности его здорово угнетает. А врач боится давать ему лекарства. Так что Дрейвен ищет любой способ разрядиться. А тут такой соблазн — убить кинувшегося на тебя с явным намерением убить.

Руди удручённо качнул головой. И что тут скажешь?

Но у меня вопросов накопилось много.

— Монти, почему ты так сочувствуешь Дрейвену? Прости за прямой вопрос, но я уже устала от недомолвок. Или ты предпочитаешь не отвечать?

— Почему же — отвечу. Ответ прост. Однажды мы были с Дрейвеном на заповедной планете, охотились на одного довольно опасного зверя. Мне не повезло: зверь добрался до меня первым. Дрейвен спас меня — от него. Но не от нанесённых им ран. Я потерял столько крови, что умирал — и ничего нельзя было сделать. Помнишь, что сделала с тобой даг Куианна? Дрейвен сделал со мной почти то же самое. Прямое переливание крови. Когда я

очнулся, он сам был на грани между жизнью и смертью. Так что сейчас он мне брат — по крови. Я искал его по всем мирам, где только раньше он бывал. Здесь, на Кере, он никогда не был, и я просто не представлял, что он может быть здесь, поскольку и сам здесь мало бывал по делам службы. Когда даг-ин Рэдманд сказал тебе, что Дрейвен здесь, я немедленно собрался. И очень удивился, когда выяснил, что твой служащий летит с тобой. Ещё в полёте выяснилось, что ты не умеешь ничего из того, что умеют уиверны, что меня здорово озадачило. Встречаясь-то в светской жизни, мы о таком не заговаривали, и я думал, что ты уже умеешь многое. Судя по всему, способности вместе с кровью передались. И Адэр постоянно стоял за твоей спиной. Я сложил два факта: ты ничего не умеешь, несмотря на способности, — и Адэр всегда рядом с тобой. Пришёл к выводу, который был подтверждён на нижних ярусах. Ну и, — он усмехнулся, — напшиговал его и вас следящими приборами, едва вы появились в моём доме.

Некоторое время мы летели молча. Я старалась построить теперь настоящую картину того, что было, вписывая в неё новое понимание — реальную подоплёку всех событий. Но почему-то на ум лезли вопросы совсем уж по таким деталям, которые не имели никакого значения к старой истории. Взглянув мельком, как тяжело задумался Руди, машинально гладивший Мисти, я не выдержала:

— Монти, как тебе удалось вытащить Дрейвена с вертолётной площадки?

Ладонь Руди на бронированном коте замерла. Мисти нетерпеливо боднулся, и Руди снова начал поглаживать кота.

Монти тоже замер, чуть улыбаясь и явно вспоминая. Меня немного покорибила его улыбка, потому что на неё накладывалось воспоминание о Дрейвене, вдёрнутом в толпу монстров той тварью, которую я даже разглядеть не успела. Воспоминание о его лице, с которого будто одним махом смыли все эмоции, о крови, брызнувшей изо рта...

— Кровь уивернов — это такая штука, которая, несмотря на долгие исследования, так и остаётся тайной за семью печатями, — задумчиво сказал Монти. — Не знаю, смог ли это сделать бы Дрейвен, но у него в тот момент просто не было возможности подумать об этом. Мы ведь не кровные по родству. Но после вливания его крови у меня появились интересные способности. Правда, я тоже не обо всех особенностях знаю. И мне тоже вчера досталось, честно говоря. Я использовал внушение — короче говоря. Но вкупе с иллюзией.

— То есть? — воспользовавшись правом любопытной женщины, спросила я, через минуту поняв, что он не торопится объяснять в подробностях. Руди тоже искоса поглядывал на Монти, а тот, как назло, сидел, слегка подняв брови, словно пытался сообразить, что именно сказал. — Я так понимаю, что твари эти мутировали до животного состояния. Как ты мог им что-то внушить, если внушение обычно производится словесно — пусть и посредством взгляда?

— В отличие от многих уивернов, я не останавливаюсь на достигнутом, — сказал Монти. — Когда я понял однажды, что моё умение не ограничивается только словесным внушением, я стал тренироваться на внушении образами. Мутанты, которые двинулись на меня, когда я побежал за Дрейвеном, получили от меня не приказ, а внушённый образ: они увидели во мне жуткого уроды, который сильнее их всех вместе взятых и который движется к ним, жадно пожирая всех подряд. Это их напугало до усрачки — простите, леди. Единственная проблема — толпа. Меня едва не разодрали в клочья те, на кого я не успел взглянуть. Но Дрейвена я успел вытащить, хотя какой ценой... Мне пришлось... отлёживаться. И, если бы не ваш побег... Прости, Лианна, если бы не этот чёртов Адэр... Я б сейчас ещё лежал и лежал.

Он так расслабленно сидел в своём кресле, что я недоверчиво посмотрела на него, такого привычно томного и чуть не разнеженного. В почти вечернем свете трудно было что-то рассмотреть. Единственное — он очень похудел за последние несколько часов. Процесс регенерации, наверное, разворачивается в полной мере, а ему пришлось лететь за нами. В душе я фыркнула: выдержит. Эти дьявольские уиверы много чего могут выдержать. Так что... Ответь-ка, Монти, ещё на один вопрос.

— Монти, — вкрадчиво сказала я. — В апартаментах, которые ты мне выделил, вторая входная дверь находится не в гардеробной ли?

Он поперхнулся. Я удовлетворённо откинулась на спинку кресла, а Руди еле слышно усмехнулся. Монти же быстро пришёл в себя и повiniлся:

— Дрейвен сразу почувал, что ты рядом. Не успел я отвернуться, как он исчез из своей комнаты, хотя я до последнего думал, что он даже с места сдвинуться не сможет. Такая рана, как у него, просто чудовишна. Я сразу и не догадался, куда он пошёл и где его искать. А поскольку эти апартаменты, как и моя квартира, стандартны для отелей во всём Содружестве, он быстро разыскал открытую дверь, когда не смог попасть к вам через обычную. Пока я сообразил, где он может быть, он уже...

— Наклонялся потрогать того, кто лежит у моей кровати, — закончила я.

Теперь поперхнулся Руди.

— Монти, прости, что беспокою и не даю отдыхать... Можно будет, как прилетим, увидеть Дрейвена?

Монти помолчал, кажется, что-то прикидывая.

— Врач обещал подобрать смесь, которая должна усыпить Дрейвена на период, пока мы его перевозим на Уиверн. Если он это сумел сделать, ты его увидишь. Но, если Дрейвен бодрствует, лучше с ним не общаться. Сейчас для него ты сон. Возможно, из кошмаров. Твоё появление для него — стимул к раздору между внушённым, что я пытаюсь убрать, и реальностью.

— Монти... Ты не понял... — тихо сказала я. — Мне бы только взглянуть. Пусть даже с экранов твоих отслеживающих мониторов. И ещё я хочу увидеть Адэра.

— Второе ещё сложнее, — после некоторого раздумья сказал Монти. — Но сделаем.

Дальнейший разговор пошёл уже между Монти и Руди. Причём спровоцировал его именно Монти, небрежно поинтересовавшись, что тот собирается делать на Уиверне. Услышав, что Руди на Уиверн и не собирается (ага, прослушка шла не постоянно!), Монти сначала слегка удивился, а потом живо заинтересовался ситуацией. Подбодрённый моим кивком, Руди кратко выложил свои намерения насчёт недавно открытой планеты и троих бедолаг, после чего Монти сначала впал в глубокую задумчивость, а затем развил весьма энергичную деятельность.

В результате, когда нас всех выгрузили уже на знакомой вертолётной площадке при квартире Монти, гостям дали где-то около двух часов на то, чтобы умыться, поесть, переодеться (Монти предупредил домочадцев закупить для нежданных гостей одежду, прикинув размер на глаз), а затем ждать вертолёта, которым их отвезут сначала в космопорт Керы, откуда перекинут на закрытую для остальных орбиту, где их уже будет ожидать небольшой пассажирский лайнер, вызванный сюда, чтобы не совсем законным транзитом доставить четверых на вожделенную Руди планету.

Руди, пока Монти ещё в вертолёте отдавал распоряжения, смотрел на него в полном обалдении, но на крыше уже пришёл в себя и не скрывал, что рад повороту, так резко и быстро изменившему его судьбу.

А пока я снова очутилась в «своих» апартаментах, в темпе отмылась, оделась и принялась ожидать Монти.

Он появился нескоро. Но, кажется, встряска в виде организации перелёта внезапных гостей пошла ему на пользу. Во всяком случае, сильно утомлённым он уже не выглядел.

— Мой врач нашёл смесь, которая погрузит Дрейвена в сон до самого возвращения на Уиверн. Подождёшь с полчаса, пока он его полностью усыпит?

— Подожду.

— Тогда идём к Адэру.

С Адэром пришлось подождать. Пока суд да дело, меня вызвали гости. Честно говоря, Руди был только встревожен, в то время как остальные откровенно напуганы. Им предложили медицинский осмотр. Пришлось пойти к врачу, чтобы узнать, в чём дело. Потом вернулась к гостям.

— Руди, всё нормально. Вас проверят на мутацию, после чего порекомендуют какие-нибудь препараты. И не только порекомендуют. Вы же летите на не очень развитую планету. Возможно, тех препаратов, которые вам нужны, там не будет. А здесь вы получите всё бесплатно.

Облегчение, которое увидела на лицах гостей, было отчётливым. Но пришлось посидеть с ними немного, потому что увиделось, как им не хватает именно человеческого над собой присмотра. Среди уивернов вдруг найти человека для них оказалось большим облегчением — оттаяли сразу. Я не стала говорить, что во мне кровь уивернов, и мы славно поболтали, пока их одного за другим вызывали в комнату для осмотров. Затем Руди получил на руки небольшую коробку с препаратами и инструкции, как их использовать.

Потом мне пришлось с ними распрощаться. Пришёл Монти и повёл меня к Адэру.

— Ты уверена, что хочешь видеть его?

— Да. Мне это нужно. Монти, что с ним теперь будет?

— Ничего особенного. Лечебница со строжайшим режимом. Тебе его жаль?

— ... Не знаю. Просто мне надо его увидеть.

— Хорошо. Условие одно: близко не подходить.

Почему-то я ожидала, что у двери в комнату, где содержался Адэр, будет стоять какой-нибудь охранник. Но — никого. Монти подошёл к двери и открыл её. И снова не то, что я представила себе. Сначала.

Комната почти пустая. Только кровать и столик у самого входа. Адэр сидел на кровати, опустив голову и вцепившись в край пальцами, выглядывающими из широких рукавов. Одет в свободную пижаму, как будто только-только приготовился ко сну и теперь о чём-то размышляет.

Я нерешительно шагнула к нему. Монти закрыл за нами дверь.

На звуки Адэр медленно поднял голову. Похудел так, как будто не ел дня три. Щетина только подчёркивала эту худобу. Выглядел спокойным, но таким, что, не зная я теперь главного о нём, сочла бы его и впрямь несчастным или несправедливо обиженным.

Серо-зелёные глаза упёрлись в меня. Спустя каких-то несколько секунд мне захотелось потребовать у Монти, чтобы он немедленно отпустил Адэра. Это несправедливо по отношению к нему!.. Адэр — мой друг!

— Адэр, или прекращаешь, или повязку на глаза, — тихо сказал Монти.

Звякнули наручники, когда Адэр зябко взялся за собственные плечи. Глаза опустил, но по чувственно полным губам медленно растеклась кривая ухмылка. Я невольно отступила к двери, когда поняла, что мой порыв вступить за него внушён им же.

— За-ачем?.. — заговорил он, странно заикаясь. — За-ачем ты при-ишла? Посмея-аться надо мной? За-ачем?

В следующий момент я ударилась о Монти спиной, отшатнувшись. Адэр рванул ко мне с такой силой, что показалось — кровать слетит с места! Но встал на полусогнутых: металлическое кольцо на шее и цепь от него, прикреплённые к стене за кроватью, не давали ему выпрямиться и ступить больше нужного. Так же, как и цепи на ногах не давали сделать

нормальный шаг вперёд.

Монти осторожно взял меня под руки.

— Успокойся. Не достанет.

— Ка-ак я хотел вытащить аппарат переливания из твоей руки! В тебе уже и крови не осталось! Истекла бы — и всё! — взвыл Адэр, тряся напряжённо согнутыми в воздухе руками: короткие цепи от наручников не давали воздеть их высоко. — Если бы старуха вовремя выпила эту свою дрянь! Если бы... Если бы эта св... не пришла так быстро! Я ведь сказал ему, чтобы приходил только в определённое время! А он торопился! Мне оставалось только психовать, дожидаясь, что всё пойдёт как надо! А ведь всё могло быть по-другому, если бы я просто вытащил аппарат! Это было бы всё моё! Только моё! Я должен был быть хозяином всего этого! Драконье гнездо! Столько лет я работал в нём, представляя, что это мой дом! Что оно будет моим домом! Скоро! Я так здорово всё придумал! Почему!.. Почему?..

Он свалился сесть назад, на кровать, и вдруг снова застыл всем телом. Жили только руки, слегка приподнятые и сведённые перед собой: он тихонько и бесконечно долго встряхивал ими, словно прислушиваясь к металлическому позвякиванию.

Я перевела дух и, обогнув Монти, вышла из комнаты.

— Всё нормально? — спросил он, выйдя за мной и закрывая дверь.

— Всё, — подтвердила я, выравнивая дыхание и успокаиваясь. — Понимаешь, мне правда нужно было увидеть его, чтобы понять, что он... Что именно он...

— Понял тебя, — сказал Монти. — Идёшь к Дрейвену?

— А уже можно?

— Можно. Врач сказал — он спит крепко.

Когда Монти, не входя, распахнул дверь в комнату с Дрейвенем, я втянула похолодевший воздух сквозь зубы. В первую минуту мне показалось, что мы нечаянно вернулись в комнату Адэра. Такая же пустая комната — те же кровать и столик, правда, на этот раз придвинутый к кровати. И сам Дрейвен, лежащий на кровати, вместо наручников, скованный какими-то длинными трубками и проводами.

— Что это? — невольным шёпотом спросила я оставшегося в коридоре Монти.

— Система, которая поддерживает его в нормальном состоянии. Чтобы спал. — Монти кивнул мне и закрыл дверь.

Я осталась наедине с Дрейвенем. Но не боялась. У самой кровати я присела на край и вгляделась в спокойное лицо. Привычно худой. С привычной лентой на глазах. Странно. Почему ему её не сняли? Или он до такой степени не хотел быть беспомощным, что пришлось оставить ему ленту на глазах, чтобы не приказывал отпустить его?

Даже сидеть рядом с ним было как-то спокойно. Странно тоже. Он же спит. Случись сейчас что-то со мной, он даже помочь не сможет. Впрочем, что это я? Здесь, у Монти, всё спокойно и надёжно. А через несколько дней мы будем дома. Как хорошо это звучит: мы будем дома! Правда, совершенная неизвестность в том, что за личность очнётся. Но ничего. Что бы ни произошло, я буду всегда с невольной улыбкой смотреть на эти морщинки, ставшими такими родными... На его глаза, которые теперь обретут нормальные очертания... Я прикоснулась к его пальцам, вытянутым и лишь слегка полусогнутым. Просто положила свои поверх. Тёплые у него пальцы. Уютные. И вздохнула. Конечно, я оптимистка и хочу, чтобы Дрейвен очнулся. Но реалистка во мне предупреждает: не разочароваться бы, когда он придёт в себя.

Я ещё раз погладила его пальцы, слегка пропустила свои между его, представляя, как он взял бы меня за руку...

А его пальцы вдрут — сомкнулись, сжимая мои!

Я сдержала вскрик. Только вздрогнула всем телом. Не может быть... Он же крепко спит! Под действием сильных лекарств! Может, это конвульсивное движение?

А в следующий миг догадалась перевести взгляд с пальцев, не отпускающих моих, на его лицо. Бросило в жар: лицо Дрейвена теперь было весьма напряжённым. Он как будто пытался проснуться от какого-то кошмара, стиснув брови, он отчаянно морщился, искажённое лицо выглядело замученным от попыток очнуться...

За спиной движение. Оглянулась.

— Лианна, выходи.

— Не могу... Он держит меня.

Измученный Монти немедленно подошёл ко мне, бросил взгляд на пальцы Дрейвена, побелевшие от напряжения.

— Больно? — шёпотом спросил Монти.

— Терпимо.

— Тогда посиди с ним и ничего не бойся. Сейчас он успокоится и отпустит тебя.

— Ты... уверен?

— Да. Только одно, Лианна. Поговори с ним.

Он вышел, а я, чуть не открыв рот, смотрела ему вслед. Поговорить? С уверном, который находится в наведённом лекарствами сне?

— Дрейвен... — не столько сказала я, сколько позвала. — Ты пропустил столько событий. Здесь Руди, который собирается улететь на другую планету. Уж не знаю, получится ли у него проститься с тобой, но если он захочет, то я помогу ему. Здесь Монти. Он сказал, что теперь с тобой будет всё хорошо. Мы скоро прилетим на Уиверн, и ты там быстро избавишься от последствий внушения. А Мисти я оставила себе. Здесь, на Кере, ему делать нечего. А на Уиверне он будет в самый раз. И не потому, что я хочу сделать из него игрушку. А потому, что я полюбила его, да и надеюсь на него, как на зверя, который не даст тебе забыть абсолютно всё... — Я чуть не подпрыгнула, когда пальцы уиверна расслабились. И тихо добавила: — Мне так не хочется, чтобы ты забыл парочку событий из тех, что нам пришлось испытать вместе. Правда, не хочется.

Разгладилась его брови, лицо снова выглядело расслабленным. А вскоре пальцы безвольно соскользнули с моих, и я осторожно вытянула свои. Встала. Ещё раз взглянула. Господи, какой же он сильный, если, почуя меня сквозь глубокий лекарственный сон, попытался задержать!

Нехотя вышла за дверь. Тут, в коридоре, дожидался меня не только Монти, но и Руди. Монти кивнул ему, и тот зашёл буквально на секунды. Вышел, постоял и спросил:

— Придёт в себя — Керы помнить не будет?

— Пока ничего неизвестно, — пожал плечами Монти.

Руди тоже кивнул, вроде как: понимаю, а всё равно жаль.

А потом мы пошли на крышу — провожать переселенцев. В последний раз я обнялась с Руди, пожала руки троим беглецам, которые уже уверенно себя чувствовали — умытыми, обихожеными и, как ни странно, нужными где-то пока там, далеко.

Вертолёт медленно поднялся над крышей и сразу завернул в сторону.

Я подхватила на руки вышедшего с нами Мисти.

— Монти, с ними всё будет хорошо? Ты обещаешь?

— Не слишком многого ты от меня хочешь?

— Нет. Ты очень многое умеешь делать, так что лишнего с тебя точно не спросишь, — заявила я, прижимая к себе кота.

— Ого, какое мнение обо мне, — пробормотал Монти. — Пойдём-ка в дом. Что-то сегодня прохладно здесь, на крыше.

— Когда улетаем мы?

— Через часа полтора. Составишь мне компанию за ужином?

— Если только ты примешь нас вдвоём — с Мисти.

— Что ж, этот третьим лишним точно не будет.

За ужином мы старались болтать обо всём, лишь бы это всё не касалось недавних происшествий. Старые знакомые, события на Уиверне, вести из Драконьего гнезда.

— Да, — спохватился Монти и протянул мне пластиковую карточку. — Это тебе для связи с Руди. У него вирт есть. Правда, пока не долетит до нужного места, связь работать не будет. Попробуй связаться с ним через неделю.

— Спасибо!

После ужина мы начали собираться. Как выяснилось, для перелёта был усыплен не только Дрейвен. Усыпили и Адэра. На всякий случай.

Итак, я снова в маленьком отдельном отсеке. Хотя теперь-то не одна — с Мисти. Кот быстро освоился на космическом катерке и гулял, по своему обыкновению, где хотел. Но спать всегда приходил в мой отсек и всегда вовремя, строго соблюдая корабельный режим. Даже Монти пошутил однажды, что кот не просто бронированный, но ещё и разумный. Во всяком случае, хлопот с ним точно не было.

Когда мы прилетели на орбиту Уиверна, нас быстро пересадили в два катера-перевозчика. Точнее пересадили нас всех в один катер, а Адэра сразу отделили в другой. Дальнейшая его судьба — санаторий-лечебница — меня больше не волновала.

Ещё несколько часов — и я, не дожидаясь, пока Монти выйдет из машины и откроет мне дверцу, выскочила из машины сама и помчалась к крыльцу — к сыну, который, подпрыгивая от радости, меня дожидался под присмотром няни. Я подхватила на руки тяжёлого малыша, прижала к себе. Неужели страшный сон Керы будет и здесь властвовать надо мной? Не хочу! Я хочу заниматься домом, хочу бегать и играть со своим мальчиком!

Брендон, как будто понимая моё состояние, прижался ко мне, уткнувшись носом в шею. В неё же пробормотал:

— Мамочка, ты больше не уедешь так надолго?

— Нет, милый, не уеду!

— Лианна, — жёстко вдруг сказал Монти. — Пожалуйста, зайди в дом вместе с ребёнком. Чем быстрее, тем лучше.

— А... что?

— Сделай это, потом объясню.

Но объяснять не понадобилось. Брендон завозился на моих руках и выглянул через плечо. О дьяволы! Эта кровь уивернов! Мальчик почувал родственную кровь! Как там сказал Монти? Адэр пошёл на зов крови?

Я быстро повернулась к входной двери и буквально влетела в дом!

— Мама, а там...

— Тебе показалось, малыш!

— Но, мама...

— Малыш, маму надо слушаться! Я сказала, что тебе показалось, — так и есть! Ты что-нибудь сейчас ощущаешь?

— Не-ет. Но, мама...

Я унесла его бегом в лифт, потом на его этаж. По дороге на Уиверн я связывалась с Гриром, чтобы он приготовил комнаты для Дрейвена одним этажом ниже наших. Теперь, позвонив ему прямо из лифта, я велела немедленно спустить приготовленное ещё двумя этажами ниже. Тот удивился, но промолчал насчёт странного повеления. Только почтительно сказал, что прислуга сейчас всё выполнит.

Прижимая к себе Брендона, я вбежала в его комнаты. Да-а... Как-то иначе я представляла себе присутствие Дрейвена в Драконьем гнезде.

Брендон заглянул в мои глаза и улыбнулся. Тайнственной улыбкой, очень хорошо мне теперь знакомой. Кажется, встретятся эти двое, они быстро договорятся обо всём.

В дороге домой Монти показал мне пару простейших техник защиты от внушения, а потом, побурчав насчёт не самых сообразительных, сделал эту защиту на мне сам. Оказывается, и такое возможно. Уже в Драконьем гнезде он терпеливо выждал, когда я успокоюсь и вернусь к нему за новой порцией распоряжений.

— Врача, Кемпа, оставляю у тебя до завтра. Дрейвену нужен небольшой период адаптации после перелёта — хотя бы до завтра. Поэтому система подачи снотворного и питания пока остаётся на нём. Завтра я приеду, Кемп при мне снимет систему и... И я познакомлю вас.

Он сказал это спокойно, но чувствовалось, что ему самому тревожно от предстоящего. Он лично проследил, как Дрейвена провезли на носилках в приготовленные (наспех теперь уж) комнаты, где переложили на больничную кровать-каталку, и добавил:

— В комнаты Адэра тебе, Лианна, лучше не входить одной. Мало ли он там чего придумал — со своей-то паранойей. Всё — завтра. А пока — попробуй-ка отдохнуть.

И ушёл.

Ага, отдохнуть. Меня не было неделю, а впечатление — полгода. Надо выслушать все новости и просмотреть всю документацию, которую я привыкла проверять лично: дела по дому, записки-приглашения, вопросы от Рэдманда на тот случай, если я приеду. И всё это — с Бренденом на руках. Пока не догадалась заглянуть в свои комнаты. Точнее, пока Брилл, вместе с которой я с головой ушла в домашние дела, вежливо не напомнила, что мне неплохо бы принять ванну и переодеться.

С ребёнком на руках я вошла в свои комнаты, рассеянно думая, что вот, сейчас опущу его на пол и Брендон уйдёт к себе, в сообщающиеся комнаты. Притихший малыш обнимал меня за шею и сидел на руках смирно, будто опасаясь, что, напомни он о себе, я немедленно отдам его в распоряжение няnek. Поэтому я даже удивилась, когда он вдруг повернул голову и расплылся в улыбке.

Посередине моей гостиной сидел Мисти. Когда уж зверя принёс сюда Монти — неизвестно, но бронированный кот явно чувствовал себя здесь довольно уверенно. Возможно, оттого что сбоку уже появился коврик с пустыми на данный момент чашками. Наверное, Монти предупредил прислугу, что с котом буду разбираться я сама, а пока было бы здорово, если б животное накормили.

Брендон нетерпеливо попинался ногами. Если недавно, на крыльце, он от волнения заговорил целыми фразами, то здесь он снова вернулся к лаконизму:

— Пол! Мама, пол!

Я поставила его на ноги, насторожённо наблюдая за Мисти.

В доме животных никогда не было. Я боялась, как бы малыш не заразился чем-нибудь от зверья или не получил нечаянной царапины, из-за которой мог бы заболеть. Но Мисти отличался от любого другого животного уже тем, что ему пришлось испытать все невзгоды, которые испытала я. Так что, глядя на него, я чувствовала некоторое раздражение: с одной стороны, надо бы оградить ребёнка от контакта с необычным котом, с другой стороны — это же Мисти!

Кот сидел спокойно и почти снисходительно смотрел на приближающегося к нему человека. Я напряглась, когда Брендон встал перед Мисти — тот, даже сидящий — ему чуть

не по пояс! — а потом решительно обхватил его руками. Нормальная человеческая реакция. Ну, уивернская, наверное, тоже. Правда, кот этот совсем не пушистое чудо «уси-пуси», особенно если вспомнить его страшное преобразование в самое настоящее оружие в лифтовой шахте... Брендон насупился и попробовал оторвать кота от пола. Кот безвольно повис на ручонках — тяжелой тушей, только что набитым животом вперёд, передними лапами в стороны, задними — всё ещё опираясь на пол. Покосился на меня. Я только шагнула, чтобы уговорить Брендона не обижать бедное животное, как малыш сам отпустил Мисти на пол — и сел рядом, глядя его по блестящей башке. Кот ещё раз глянул на меня искоса и начал громко мурлыкать. Немного посомневавшись, я решила оставить Мисти в своих комнатах.

Вскоре пришла вызванная нянька и уложила Брендона спать. Дневной сон по расписанию. Мисти с интересом зашёл в комнаты Брендона, обошёл их, тщательно обнюхал, после чего забрался в кровать к малышу и устроился с ним так, как спал рядом со мной, — спиной к животу ребёнка, чтобы тот мог обнять его. Нянька вопросительно обернулась ко мне. Я стояла рядом с кроваткой, размышляя, что с появлением Мисти Брилл придётся побегать по инстанциям, оформляя документы на содержание кота-мутанта. Самая большая проблема — придётся отдать Мисти на осмотр. И не дай Бог, кто-нибудь из ветеринарных светил обнаружит, что Мисти не просто мутант... Кажется, снова придётся обратиться к Монти.

Брендон уснул быстро — кажется, благодаря кошачьему мурлыканью. После чего Мисти осторожно понюхал его и вылез из-под руки малыша — честно говоря, к моему большому облегчению. А потом начал сопровождать меня по всем помещениям дома. Да так спокойно, что я просто-напросто забыла, что он постоянно держится у моих ног.

Уже вечером, перед сном, мы зашли к Дрейвену. Почти в последнюю очередь.

— Даг-ин Кемп, — тихо позвала я.

Врач, сидевший — читая с вирта — у больничной кровати, встал.

— Заходите. Он спит.

Некоторое время я стояла у двери, соображая, говорил ли Монти врачу о моих взаимоотношениях с Дрейвеном, или нет? Не помню. Но Кемп, как будто так и надо, поклонился мне и быстро вышел из комнаты в соседнюю, где — я специально заглянула — снова устроился с виртом уже в кресле.

Так что я нерешительно присела на его недавнее место.

Ленту с глаз Дрейвена сняли. Теперь вместо неё появилась обычная медицинская повязка. Всё те же провода и трубки... И рука, снова вытянувшаяся вдоль тела. Рука, с безвольно поникшими пальцами. Я вздрогнула, поймав себя на желании снова притронуться к этим пальцам. Точнее — не на желании, а на начале движения... Смотрела на уиверна и понимала, что, если он окажется не другим, а тем, кто не сможет или не захочет тянуться ко мне, как он тянулся ко мне на Кере... Нет, я не умру, но мне будет плохо. Потому что... Я снова отшатнулась от Дрейвена. Дьяволы... Что он видит в своих снах?! Если меня так притягивает к нему, будто он прямо сейчас внушает мне невероятное желание немедленно дотронуться до него?!

С бешено стучащим сердцем, перепуганная — чего я ещё не знаю об уивернах?! Чёртов Адэр, ограничивавший меня во всём!! — я перевела глаза на Мисти. Передвижные носилки, служившие Дрейвену кроватью, слишком высоки для кота. Знает ли зверь, что там его хозяин? Почему-то мне захотелось показать коту Дрейвена. Глупое желание. Но я выполнила его. Подняла послушного Мисти и показала лежащего. Напрягшееся тело кота

подсказало, что тот хочет перейти на больничную кровать. Я метнула взгляд на соседнюю комнату и быстро посадила Мисти на край, у руки Дрейвена. Ничего особенного. Мисти обнюхал неподвижного хозяина и спрыгнул на пол.

Мы вышли из комнаты, но этот визит резко обозначил некоторые приоритеты в том, чего я хочу сделать и узнать в первую очередь.

Поэтому утром, когда появился Монти, я потребовала:

— В первую очередь — комнаты Адэра! Я хочу знать, что же именно тогда произошло. Я не хочу оставаться в неведении до упора. Монти, ты должен найти записи!

Монти почти с самого порога сказал, что ему нужно потом пойти по приглашению к кому-то на торжественный приём. Поэтому его парадному костюму я удивлялась недолго. Снова привычно и светски насмешливый, отмытый и с красивыми побрякушками в застёжке на белых волосах, он улыбнулся моему нетерпению, после чего почти сразу улыбка исчезла, а в голосе появилась опять-таки привычная по Кере жёсткость:

— Успокойся, Лианна. Договариваемся так: первым в комнаты Адэра захожу я. И ты заходишь, но только после того как я тебя позову. Пообещай сделать именно так.

— Обещаю.

Комнаты Адэра располагались на первом этаже, как и у остальных служащих. Вспоминая его отчаянные крики о мечтах стать хозяином Драконьего гнезда, я угрюмо думала, каково ему было постоянно возвращаться на этаж, где всё напоминало, кто он на самом деле... Итак, я осталась за дверью, пока Монти проверял комнаты на ловушки с внушением. Этих он опасался больше всего, несмотря на всё своё умение работать с ними.

Мне пришлось долгое время бродить по коридору туда и обратно, пока Монти не позвал меня. Я заторопилась войти и плотно закрыть за собой дверь. То, что нашёл Монти, должна увидеть только я!

— Ну? Что? — подлетела я к экрану, у которого возился Монти.

— Я уже посмотрел. — Он смотрел на меня отстранённо. — Лианна, тебе придётся посмотреть это вместе со мной, потому что я не знаю, как ты отреагируешь на запись. Давай так. Для меня это не клубничка — это часть расследования. Согласна?

— Да, — нетерпеливо сказала я. После слов Монти, что Дрейвен — ему брат по крови, а особенно после понимания, что он и в самом деле серьёзно настроен видеть меня хозяйкой Драконьего гнезда, отчего и начал моё обучение, я доверяла ему во всём.

— Я покажу тебе одну запись из найденных. Потом посмотрю вторую — сам. На ней только сам Адэр. Чтобы посмотреть её, я уберу свою основную защиту, потому что на второй записи именно то, что он приказал Дрейвену. Ты встанешь у экрана. Если я скажу: «Хватит!», ты выключишь запись. Всё ясно?

— Да.

Он включил первую запись.

Кровать даг Куианны. Меня подводит к ней старик Грир, уходит. Я сажусь на стул, похожий на кресло. Даг Куианна кладёт ладонь на мою руку... Это я ещё помню. Переливание крови. Квадратный бокал, из которого пьёт старая дама.

— Что это? — шёпотом спросила я.

— Бальзам уивернов — с небольшим наркотическим воздействием. Довольно дорогая штука. Вкусив его, уиверн летает в облаках, блаженствуя. Состояние почти райское. Смотри этот момент особенно внимательно.

Глаза даг Куианны неподвижно смотрели в потолок, а сама она блаженно улыбалась,

когда из-за навесов кровати, почти балдахина, появилась мужская фигура — лицо закрыто тряпкой, но блеснули зеленовато-серые глаза, когда фигура насторожённо заглянула прямо в камеру, — и бросила что-то в бокал, оставленный дамой в сторону.

— Что это?

— Уже настоящий наркотик. Он снял с Дрейвена все его личные защиты против внушения. Теперь Дрейвен беспомощен даже против самого примитивного внушения.

Вошедший Дрейвен — я немедленно вперила в него: совсем другой, очень резкий в движениях! Не тот, которого я узнала! — беспомощно пожал плечами — прочитав завещание, так же беспомощно некоторое время тряс старуху за плечи, а потом сел и, помедлив, выпил остатки бальзама. А дальше... Меня затрясло от той нежности, с которой он взял меня... Пробило до слёз... Что же это, как это произошло?! Почему?!

Запись закончилась.

Выждав, пока я успокоюсь, Монти обыденно сказал:

— Он приказал Дрейвену это сделать. Только не учёл, что Дрейвен к женщинам относится очень бережно. А уж выпив бальзам и пребывая в райских кущах — тем более... Теперь на экран не смотри. Вторую запись смотрю только я. Не забыла? Слово «хватит» — и ты отключаешь запись.

Наблюдала я и правда только за Монти, насторожённо, слишком сильно боясь пропустить нужный приказ. Монти сначала смотрел запись спокойно, хоть и собранно. Были несколько секунд, когда он вдруг напрягся, но вскоре напряжение спало, и он уже спокойно досмотрел всё до конца.

Обе записи он, поколебавшись, вручил мне.

С глубоким вздохом, что-то просчитав, сказал:

— Спрячь. Наверное, это ещё придётся показать Дрейвену... Адэр и в самом деле это сделал: внушил всем именно то, о чём уиверны и люди полагают — видели своими глазами. Кроме всего прочего, эта запись будет нужна для суда, если таковой состоится. Дрейвен — всё ещё преступник в глазах Уиверна, а запись поможет даг-ин Рэдманду его обелить. Нам придётся здесь немало поработать, чтобы снять внушение. Иначе отношение здешних к Дрейвену, как к насильнику, обеспечено.

— Подожди, Монти, почему ты выделил — «придётся показать Дрейвену»? Разве это не обязательный показ для него?

— Лианна, приготовься к тому, что Дрейвен может тебя вообще не вспомнить. Ни тот, что был под внушением, ни другой — с Керы. И тогда эти записи тебе пригодятся. Тебе надо свыкнуться с мыслью, что настоящий Дрейвен — очень жёсткий уиверн, он не любит, когда на него давят. А женщина, которая родила от него, но без его ведома ребёнка и которая заняла его законное место наследника, — давит по определению. Будет тяжело, Лианна. Потому что внутренне его будет тянуть твоя и Брендона кровь. А рассудком он будет сопротивляться. И, если ты заметишь, что я на его стороне, не удивляйся. Ты знаешь больше, чем он. А я... Я ему не только родич. Я ему друг. И брат. Причём в такой степени, что, когда плохо ему, плохо и мне. Одна из причин, что я его везде искал.

А я вдруг вспомнила! Адэр, когда собирал досье на уивернов — возможных претендентов на наследование Драконьего гнезда — сказал, что Монти Альпина во время тех событий на Уиверне вообще не было. Заврался тогда мой начальник системы безопасности, а я не обратила внимания на этот факт, когда думала плохо о Монти.

Отгнав ненужное воспоминание, я снова задумалась над словами Монти. Он прав — в

той части, что Дрейвен, придя в себя, настоящего, может не узнать меня. Едва войдя в апартаменты даг Куианны, он мгновенно попал под взгляд-внушение Адэра, пусть и слабый, но уже действующий. А на Кере существовал уже другой уиверн... Кстати...

— Монти, а почему он слеп? Это тоже часть внушения?

— Да. Любому можно внушить любой физический недостаток. Если внушает уиверн, — немного рассеянно сказал Монти, взглядывая на вирт-связь.

Сообразив, что он торопится, я вздохнула:

— Ну что? Идём к Дрейвену?

Уже в комнатах Дрейвена оказалось, что Монти ещё перед своим приходом предупредил Кемпа, и тот ослабил подачу снотворного до постепенного спада воздействия и убрал остальные, уже ненужные провода, подпитывающие уиверна. Монти сразу прошёл к больничной кровати Дрейвена. Я же остановилась у двери, раздираемая противоречивыми желаниями: эгоистка во мне (так я обозвала ту часть себя, которая хотела, чтобы Дрейвен сразу узнал меня) твердила, что я должна (должна!) быть первой, кого должен увидеть Дрейвен, придя в себя. Но перетрусившая Лианна, видевшая на записи в несколько секунд совершенно незнакомого ей уиверна, пыталась спрятаться. А ещё существовала третья Лианна, которая совершенно не понимала, что с нею самой происходит и почему она хочет видеть не Дрейвена, очищенного от всех подозрений, да и прямых обвинений в преступлении... Я хочу, чтобы очнулся Дрейвен с Керы! Тот жестокий боец, но заботливый по отношению к тем, кто рядом. Это я Мисти имею в виду. Ну, и себя тоже...

— Вам дать успокоительное? — совсем рядом вдруг оказался Кемп.

Удивлённый Монти обернулся от Дрейвена.

— Не-ет... — чуть не стуча зубами, процедила я. — Справлюсь.

— Может, тебе выйти, Лианна? — неуверенно предложил Монти. — Я как-то не подумал, что на тебя всё это произведёт такое впечатление.

— Не... обращайтесь на меня внимания. — Я сказала это, стиснув кулаки, поэтому голос прозвучал более-менее ровно. — И продолжайте.

Ещё раз мельком глянула на Дрейвена. Он лежал полуголый, по пояс укрытый простынёй. Кемп ободряюще улыбнулся мне и вернулся к пациенту. Первым делом он взглянул на данные системы и, видимо, хорошо сориентировался в том, что для меня выглядело безнадёжной абракадаброй.

— Всё, даг-ин Дрейвен возвращается.

После чего врач склонился над ним и снял повязку с глаз. Я не выдержала, подошла ближе. Кемп оттянул веко пациенту и, довольный, сообщил:

— Точно. Настоящий Дрейвен.

— Почему вы так уверены в этом? — насторожилась я.

— Зрачок появился. Сейчас уберу последние... — Он ловко стал вытаскивать впившиеся в тело Дрейвена проводки.

Как-то машинально я перехватила непроницаемый взгляд Монти, словно столкнувшийся с вопросительным — Кемпа. Ну, взглянули и взглянули друг на друга... Врач обошёл больничную кровать и, встав с другой стороны, продолжил деловито снимать проводки и там, изредка поглядывая то на Дрейвена, то на показания приборов.

Разочарование (настоящий Дрейвен!) кипело во мне почти единой кашей вперемешку с нарастающим напряжением.

— Лианна, — негромко позвал Монти, отходящий (отчего я встала ближе к кровати) и

снова подошедший сзади. — Возьми.

Он протягивал мне высокий стакан с прозрачной жидкостью.

— Что это? — чувствуя себя совершенно тупой, спросила я.

— Питьевая вода, — рассеянно ответил Монти, вглядываясь в Дрейвена из-за моего плеча. Странно. Как-то так получилось, что я теперь впритык стояла к кровати Дрейвена.

И странно — зачем мне вода? Пить, потому что волнуюсь? Я автоматом бросила взгляд на нашего пациента — и застыла. Он почти одновременно открыл глаза — пронзительно серые из-за коротких, но густых чёрных ресниц. Его взгляд, сфокусировавшись, замер на мне. Потом съехал на стакан в моей руке, который я почти прижимала к груди. Шевельнулись белые, обескровленные губы. Я легко считала с них это призрачное движение: «Пить».

— Монти, он очнулся, — вновь возвращаясь к реальности, сообщила я Монти, который почему-то болтался где-то за моей спиной. — Помоги его усадить.

И опять странное: оба уверена засуетились помочь мне поднять Дрейвена, а получилось, что он опирается на мою, невольно подставленную руку и пьёт из стакана, который мне приходится держать самой, потому что мужчины-уверены где-то суетятся за спиной. И пьёт, не сводя с меня изучающих глаз. И глаза его оживают всё быстрее. И почему-то опять вспоминается рассказ Адэра, как Монти и Дрейвен на светских вечерах всегда отличались тем, что наперебой отбивали друг у друга самых красивых дам... А ещё возрастает странное смущение: мы смотрим друг на друга слишком с близкого расстояния...

Он выпил воду медленно, но до последней капли. Быстро обвёл комнату тем же изучающим взглядом, который снова очень скоро обратился ко мне. Потому как уверены — почему-то мне казалось — изо всех сил изображали занятость в разборе системы, которая только что была на Дрейвене. Правда, разок он поднял бровь на то, на чём лежал — то есть сидел уже. Но больше всего его заинтересовала именно я, вынужденно державшая его чуть не в объятиях. Он заглянул в мои глаза — и я воочию увидела, как делается внушение. Отчего немедленно отвернулась в сторону отвернувшегося же Монти и возмутилась:

— Кто-нибудь, сделайте же что-нибудь!

Дрейвен тяжело поднял руку. Не успела я опомниться, как он ласково провёл по моему подбородку, до боли напомнив движение Дрейвена с Керы по моим губам. Но держать руку на весу ему ещё трудно. Он вздохнул и, не отводя глаз, негромко, но с отчётливо чувственным блаженством сказал:

— Хорошенькая! Ты кто?

— Получишь по морде — узнаешь! — отрезала я и осторожно, но решительно опустила его, удивлённого, головой на плоскую больничную подушку.

Уверены сразу подняли головы. Они что — решили, я сразу растаю от его поведения и слов? Интриганы чёртовы... И этот — ловелас чёртов. Он совсем другой! Совершенно не похож на того, что был на Кере! А мне нужен тот, который был там! Если придётся выйти замуж за этого, то будем жить на том же разделении: он — на этом этаже, я двумя выше!

Пока разворачивалась от больничной кровати, он уже пришёл в себя настолько, что лёжа успел схватить меня за руку. Лапища у него та ещё, тяжёлая...

— Что надо? — сухо спросила я.

— Почему ты так со мной?

Я чуть не задохнулась.

— Я — хозяйка Драконьего гнезда! Ко мне обращаться — дама Лианна! Понял?

И помчалась вон из комнаты, не обращая внимания на укоризненный взгляд Монти, который — ко всему ещё — с трудом удерживался от смеха. У порога затормозила. Здесь, у самой двери, сидел крайне задумчивый Мисти и пристально глядел в комнату.

Взявшись за дверную ручку, я обернулась посмотреть, что так заинтересовало кота. Дрейвен. Монти усадил его на кровати и сел рядом, чтобы тот постепенно смог сидеть — хотя бы с опорой на него. Дрейвен уже не смотрел на меня. Он внимательно, вдумчиво смотрел на бронированного кота. Он даже голову наклонил, всматриваясь в странного зверя. Снова шевельнулись губы, и Монти с изумлением заглянул в его лицо.

Даже с такого расстояния, от самой двери, я опять сумела считать шёпот с губ Дрейвена: «Мисти?»

Изумлённая, перевела взгляд на его глаза. Он тоже посмотрел уже на меня, но задумчивая линия губ снова превратилась в ту самую, ловеласовскую, как я уже в сердцах обозвала её. Сладенькую такую, предвкушающую. У меня аж на самом деле кулаки зачесались врезать, да и дёрнулись неплохо — к набедренным ножнам. Так что, от греха подальше, опрометью выскочила из комнаты, чуть не сбив с ног подошедшую в коридоре с какими-то делами Брилл. А потом ещё и подпрыгнула, будто подтолкнутая здоровым мужским хохотом из комнаты Дрейвена. Только развернулась сказать им пару ласковых, как из комнаты вышел Мисти. Был он какой-то задумчивый: пока Брилл сообразила, что это за чудо, он подошёл к ней, боднулся о её ноги, приветствуя, и пошёл дальше по коридору, с вдумчивым же интересом мотаясь от одной двери к другой.

И оставил меня в растерянности: так узнал Дрейвен кота, а Мисти — уиверна?

Не узнал — сказал потом Монти. Дрейвен вспомнил только, что у зверя есть имя. И Монти коротко пересказал ему основные предыдущие события на Кере с моих слов.

Я-то думала, что с водворением блудного сына в родное Драконье гнездо мои проблемы, хотя бы основные, закончились! Так перед уходом подошёл Монти и сообщил следующее: он подал рапорт о найденном Дрейвене и свихнувшемся Адэре в полицию, заодно сообщил новости Рэдманду. Так что я теперь должна ждать приезда Рэдманда, которому необходимо расспросить Дрейвена, а также полицейских, которые приедут со своими специалистами, чтобы снять внушение со всех обитателей Драконьего гнезда. Но пока адвокат оформляет дело Дрейвена к началу юридических действий, пока полиция наново заводит на нашедшегося Дрейвена дело и собирает комиссию, я столкнулась с ещё одной проблемой.

К вечеру в Драконьем гнезде обстановка сложилась весьма и весьма неожиданная.

Я собиралась поужинать, а потом поиграть перед сном с Бренденом в его комнатах, когда подошёл Грир — и выяснилось, что на моём корабле бунт!

— Дама Лианна, — осторожно обратился Грир, — у нас небольшое затруднение. Даг-ин Дрейвен останется голоден, потому что люди боятся заходить к нему.

— Что?..

Старик заторопился с объяснением:

— Дама Лианна, люди помнят даг-ин Дрейвена как преступника. И помнит не только человеческая прислуга. Когда я предложил Брилл зайти в комнаты даг-ин Дрейвена...

— Спасибо, даг-ин Грир. Я поняла, — холодно прервала я его. — Ужин для даг-ин Дрейвена готов? Сервирован?

— Готов, дама Лианна, — поспешил Грир, встревоженно глядя на меня: такое нарушение рапорядка в Драконьем гнезде!

— Пусть добавят к его столику прибор для меня, привезут его на этаж с комнатами даг-ин Дрейвена и оставят у лифта. Я сейчас подойду и сама отвезу столик в его комнаты.

Грир опять-таки поспешно отвернулся — якобы бежать побыстрее выполнять распоряжение, но я успела заметить облегчение на его лице, что проблема оказалась разрешимой. Дворецкий ушёл — я хмыкнула: а я? Собираюсь лезть прямо в логово зверя? Пусть и придуманного Адэром? А куда деваться? Неизвестно, что выдаст характерец этого уиверна, когда он голоден. Да и... После недавнего путешествия по тёмным переулкам-

закоулкам Керы думать о том, что в доме есть кто-то голодный...

Я встала от конторки со встроенным монитором, на котором просматривала документы, и подошла к окну — больше похожему на громадный экран, вздымающийся от моих ног до потолка. С момента, как я появилась в своих комнатах, я потребовала не задёргивать шторы. Свет! Я впитывала солнце Уиверна и, наверное, ещё никогда в жизни не радовалась хоть малейшей возможности и предлогу встать и подойти к окну. Чтобы полюбоваться светом!.. Сейчас вечерет, и уивернское солнце в туманно-жёлтом мареве торжественно оседает за крыши домов. Но это до сих пор для меня чудо! Видеть всё в подробностях, не прибегая к жалкой помощи вирта! Мда... Хватило недели, чтобы я уже иначе воспринимала некоторые мелочи, которые раньше не замечались, а на Кере оказались важной составляющей жизни.

Ну, хватит. Сколько можно оттягивать момент, когда придётся идти в логово этого... Ещё не хватало, чтобы Брендон напрасно ждал меня после ужина.

Я снова машинально коснулась набедренных ножен, выдохнула и поспешила к лифту. Выйдя, обнаружила девушку, которая сторожила сервировочный столик. В компании с Мисти. Кот изредка поднимал нос, внюхивался в запахи со столика, будто кивая. Неужели собрался со мной к бывшему хозяину? Или его привлекли ароматы с салатников?.. Несмотря на виноватый вид, девушка смотрела упрямо. Так что я снисходительно велела ей бежать по делам, а сама взялась за борт столика и повезла его к комнатам Дрейвена. Хмыкнула ещё по дороге. Такой работой мне тоже приходилось заниматься — так что переживу. Не гордая. Пока...

Стукнула в его дверь и ввезла столик в комнату.

Дрейвен сидел в спальне, уже на обычной кровати, видный издалека, потому что дверь в свою гостиную не закрыл. Сидел, ссутулившись, уперевшись руками в колени. И до такой степени похожий на Адэра, хмуро играющего наручниками (разве что длинные волосы свесились, закрывая виски), что у меня сердце вздрогнуло. Специально грохнула ногой в колесо столика, чтобы обратить на себя внимание. А потом только искоса наблюдала, расставляя на столе приборы к ужину.

Дрейвен не вздрогнул, только голову поднял, улыбнулся рассеянно — своим мыслям, наверное. Сидел полуголый, в одних пижамных штанах, но быстро собрал длинные волосы в «хвост», надел домашнюю куртку и вышел в гостиную.

— На двоих? — удивлённо приподнял бровь.

— На троих, — показала подбородком на Мисти, который смиренно сидел в ожидании, что тут ему обломится.

— Приручить меня решила? — насмешливо спросил уиверн, не обращая внимания на бронированного кота. — Поэтому начала с ужина?

Я выпрямилась и довольно сухо сообщила:

— Прислуга от внушения ещё не освобождена. Специалисты займутся этим завтра. Поэтому... — я заколебалась, как к нему обращаться, и решила. — Поэтому, чтобы не голодал, еду тебе буду приносить я. И пустые тарелки уносить тоже. Поэтому и ужин на двоих, чтобы не бегать несколько раз туда-сюда. Остальные боятся входить к тебе.

— А ты — нет?

— После того, что произошло на Кере, — нет.

— У тебя передо мной преимущество. Ты знаешь. Я не помню.

— Но напоминать пока не хочу. Если тебе это интересно, я на тебя больше не злюсь, поскольку Монти снял с меня внушение Адэра и я знаю, что именно произошло.

Он снова поднял брови и присел за стол. Я быстро разложила по тарелкам салаты и тоже села, отложив пару кусочков для Мисти. Дрейвен ел быстро, но без жадности. Скорее — уйдя в собственные думы. Но вкус съеденного, видимо, быстро привёл его в себя. Когда я положила ему другого салата, он поднял на меня глаза и с какой-то очень мягкой улыбкой сказал:

— Странное впечатление. Никак не привыкну к нему. Я был с женщиной, которой не помню. Такого со мной не случилось.

— У меня ещё более странное впечатление, — с невольным упрямством ответила я. — Я ужинаю с уиверном, которого ненавидела три года, но почему-то сейчас мне убивать его не хочется. Пока.

— Туше, — сказал он и отодвинул тарелку.

— Извини, не хотела перебивать тебе аппетит.

— Не перебила. Я всё ещё голоден. Просто мутит от всего, как подумаю, что три года вычеркнуты из жизни.

— Зато есть неделя на Кере, — задумчиво сказала я. — Ты не вспомнил кота?

— Нет. Просто пришло на язык, что зовут его Мисти.

— Ты нашёл его котёнком, и с тех пор он твой.

— В странном же месте я побывал, если не утратился взять такое... — он помедлил немного, затрудняясь с определением.

— Оружие, — напористо сказала я, не давая ему придумать оскорбительное для Мисти название. Всё мне казалось, что кот понимает наш разговор, пусть и притулился к ножке стола, вылизывая и так блестящую шкуру. Поэтому и старалась опередить Дрейвена, чтобы не сказал какую-нибудь гадость про Мисти. — Монти об этом не знает, потому что я не знаю, говорить ли об этом.

— У нас с тобой есть тайны на двоих, — медленно сказал Дрейвен, и я, как ни старалась, не смогла расслышать по его интонациям, констатирует ли он факт, спрашивает ли. — Плохо, что я их не помню. Пока.

Больше он о Мисти не расспрашивал, хотя я ожидала, что будет множество вопросов о коте как оружии.

Он съел половину наложенной для него порции горячего, извинился, что с непривычки не может больше, и, поблагодарив, ушёл в спальню. Закрыл за собой дверь. Растерявшись, я некоторое время смотрела на эту глухо закрытую дверь, после чего быстро всё собрала и вышла из апартаментов. Уже в коридоре оглянулась. Мисти деловито подошёл к закрытой двери в спальню и развалился у стены, рядом с косяком, опять принявшись за вылизывание шкуры.

— Мисти? — нерешительно позвала я.

Кот взглянул на меня и снова принялся за наведение личной чистоты.

Смутно надеясь, что он, его присутствие в комнатах Дрейвена поможет тому вспоминать, я закрыла за собой дверь.

Спала спокойно, хотя боялась, что всколыхнутые воспоминания могут дать сбой в состоянии умиротворения после приезда. Но кошмаров не было.

Утром был завтрак, за которым Дрейвен разговаривал ещё неохотней. Единственный вопрос, который, как оказалось, его волновал, — это завещание. Точнее, его последняя часть, с чем не преминул ознакомить его Монти. И то... О том, что его взволновало завещание, я узнала лишь по вопросу.

— Это правда, что я должен на тебе жениться?

— Да, — ответила я, решив не вдаваться в подробности, тем более что заранее уже всех предупредила не говорить уиверну о Брендоне. Он не любит давить. Я — тоже. У меня есть до выполнения пункта завещания несколько месяцев. Посмотрим, что они принесут.

Судя по всему, теперь он смотрел на меня, как на авантюристку, решившую воспользоваться ситуацией. Но промолчал, хочет ли начинать процесс оспаривания завещания, хотя этого я тоже ожидала. Он спокойно доел завтрак — всё, что я предложила, и снова ушёл в спальню. От вчерашней игривости в нём не осталось и следа.

Ну, ладно... Мне тоже пока некогда предаваться всяческому ненужным размышлениям, поскольку за неделю и так накопилось дел, требующих моего внимания. Правда, я с облегчением восприняла приезд даг-ин Рэдманда, с которым подписывали бумаги для защиты Дрейвена и который затем попросил у меня разрешения навестить уиверна. Мог бы и не спрашивать, кстати. Не спросил бы — сама бы отправила его к Дрейвену. Монти сегодня зайти не мог — занят, а Дрейвен себя чувствовал... В общем, как я поняла, из-за бездействия он чувствовал страшное одиночество.

После того как семейный адвокат ушёл, мне пришлось встречать полицию и специалистов по снятию внушения. Подписывала бумаги, разрешающие свободный доступ в дом и к тем, кто попал под внушение. Слава небесам, есть Брилл, на которую потом свалила организационную часть — приготовить помещения, где будут сидеть спецы и куда будут заходить все, на кого воздействовал Адэр.

Сама же быстро, пока не поймали с каким-нибудь вопросом, о котором можно справиться и у Брилл, сбежала на учебный полигон. Взбодораженная до такой степени, что не смогла бы нормально сейчас с кем-либо общаться, я отошла в сторону от троих охранников, почтительно поздоровавшихся со мной, и быстро сделала придуманный Адэром для меня комплекс разминки.

Учебный полигон... Здесь долго многое будет напоминать об Адэре...

Обозлившись, я ускорила работу с комплексом.

И так забылась, что сразу не заметила: насторожившиеся охранники придвинулись ко мне, вооружившись уже не учебным оружием. А когда до меня дошло, что в зале что-то не так, я огляделась: в углу, оборудованном тренинг-системами, сидел Дрейвен.

Он сидел на скамейке и не прятался. Всё в той же домашней куртке, в тех же пижамных штанах, какой-то слишком мирный, даже обиденный для этого места, где всё дышало силой и тренировками. Поэтому я кивнула охранникам заниматься своими делами (они ещё не прошли процедуру снятия внушения) и подошла к уиверну.

— Не слишком ли рано ты здесь? — спросила я с намёком на его почти трёхсуточную неподвижность.

— Врач Монти вводил мне мышечные релаксанты на время полёта, но систему подачи отключил ещё вчера, — равнодушно сказал Дрейвен. — Можно уже и начинать. А ты? Ты часто здесь тренируешься?

— До Керы — каждый день, — сказала я. Мышцы ног после тренировки, в которой спускала напряжение, постепенно наливались тяжестью. Недолго думая, уселась на скамейку, рядом с уиверном.

Охранники, вдоволь и угрожающе насмотревшись на Дрейвена, после моего движения сразу вернулись к своим занятиям — в основном на тренажёрных системах. Наблюдать за ними было не просто интересно, но и тянуло повторить. Я держалась: перетренируйся —

потом не наохаешься, бегая по дому. Искоса глянула на Дрейвена. Неужели ему не захочется хоть немного поразмяться? Но он смотрел безразлично.

— Зачем хозяйке такого дома тренироваться вместе с охраной?

— В жизни всякое может быть, — философски ответила я. — Например, может случиться та же Кера, где четверых телохранителей убивают в считанные секунды. Причём убивает тот, в кого веришь, как в самого себя.

— Почему меня к тебе тянет? Меня никогда не тянуло к женщине, если я проводил с нею даже несколько дней. А с тобой не был и часа...

— Ты понимаешь, что таким образом оскорбляешь меня?

После короткого молчания, не глядя на меня, он отозвался:

— Да. Понимаю.

Мы посидели на скамье тренажёра ещё немного. После чего я, убедившись, что он не собирается тренироваться, снова пошла — на этот раз к беговой дорожке. Оглянувшись в сторону скамьи в очередной раз, Дрейвена не увидела.

За полчаса до обеда связалась с Монти.

— Монти, ты не мог бы заезжать в определённые часы — посидеть с Дрейвеном во время обеда или ужина? Ему тяжело привыкать к нормальной жизни — рядом с незнакомыми людьми и в незнакомой для него обстановке. Внушение сняли пока только с нескольких человек, и он продолжает чувствовать себя... изгоем.

— Но ты же рядом! — удивился Монти, и мне захотелось убить и его.

— У нас вооружённое перемирие, — сухо сообщила я. — Он терпит меня. Я — его.

— А ты ещё не сказала ему...

— Нет. Монти, я понимаю, что слишком много прошу, но Дрейвен чувствует себя одиноким. Я ему — чужая. Я стараюсь быть с ним во время ужина или обеда, но этого ему мало. Сам посудите: по его представлениям, он только что пришёл в Драконье гнездо к умирающей даг Куианне — и вдруг выяснил, что потерял несколько лет своей жизни с момента её смерти. Попробуй себя поставить на его место, как это ни банально звучит.

— Убедила. Буду к ужину, — сказал Монти и отключился.

Поскольку он сдержал своё слово, я не стала обременять их общение своим присутствием, поскольку полагала: Дрейвену найдётся, о чём порасспросить друга. Уже спокойно я поужинала у себя, после чего собралась к Брендону. К этому времени девушка, обслуживающая ужин в покоях Дрейвена, сообщила мне через Грира, что Монти ушёл.

Ушёл так ушёл... Я отослала няньку, и мы с Бренденом славно поиграли вместе. Наконец время игры закончилось, и я стала укладывать малыша спать. Он попросил сказку на ночь. Подумав немного, я принялась рассказывать смешную сказку про волшебных человечков, которую смотрела на вирт-видео ещё перед отлётом на Керу. Брендон смеялся, и я даже немного обеспокоилась, как бы он не расшалился до такой степени, что не сможет спать. Попробовала рассказывать поскучней, растягивая описания... Малыш начал сонно таращить закрывающиеся глаза, а потом уже и разомкнуть не смог.

Моя уловка удалась. Брендон заснул. Посидев, закрепляя результат, я укрыла ему плечо тонким одеялом и только хотела было встать, как вирт-связь на руке замигала вызовом. Брилл. Что случилось? Она должна была сидеть у пульта, просматривающего все углы дома. Так. Точно, она там и сидит. Ни слова не говоря, Брилл перевела меня на камеры коридора двумя этажами ниже. Дверь в апартаменты Дрейвена открыта. Он сам стоит посреди коридора. Брилл приблизила его лицо. Снова очень собранное, очень напряжённое. Уиверн

как будто вслушивается во что-то, что ему плохо слышно, но мешает дышать.

Ничего не понимаю. Время позднее. Кроме охраны у входа в дом и Брилл, дежурившей на пульте, все наверняка должны спать. Тем не менее уверен, иногда морщась от усилия, то и дело опуская голову, в самом деле выглядит вслушивающимся.

Только хотела пожать плечами, как он шагнул. Ещё несколько шагов — и он оказался на площадке с лифтом. Здесь, в приглушённом на ночь свете, он выглядел каким-то потерянным, если не смотреть в напряжённое лицо. Его как будто позвали.

При этой мысли я затаила дыхание. А вдруг Адэр придумал лично для Дрейвена что-то такое, что даже при тщательном осмотре полиции прошло мимо их ищущих глаз? Что, если Дрейвен опять подпал под какое-то внушение?

Несколько тяжких для меня минут уверен простоял перед лифтом, словно раздумывая, использовать ли его. Мелькнула мысль: возможно, Дрейвен хочет съездить на свой этаж, где раньше были его комнаты?

Отвернулся от лифта и подошёл к лестнице. Причём — к ведущей наверх. Снова застыл. Каменным изваянием простоял с минуту, прежде чем опустить на перила руку и начать медленный подъём. Очень медленный. Не всматриваясь наверх, а опустив голову, будто боясь потерять какую-то очень тонкую нить, которая его и зовёт. Шёл — даже нет, брёл, опустив голову и время от времени останавливаясь то на ступенях, то на лестничных площадках...

Я вздрогнула, когда рядом раздался шорох.

Брендон откинул одеяло и сел. Малыш, широко открыв глаза, всматривался в пространство. Обернулся ко мне.

— Мама... — удивлённо, как будто не ожидал меня увидеть.

Завозился, выпрастывая ноги из-под одеяла и спуская их на край кровати. Ещё за мою руку схватился, чтобы удобней было. Сел рядом. Прислушался. Я замерла. Этому я точно мешать не буду. Это — зов. Так пусть будет то, что будет.

Брендон съехал с кровати, всё ещё держась за мою руку. Снова оглянулся на меня своими серыми глазищами, сонно поморгал, словно пытаюсь убедиться, что я так и промолчу, можно ли то, что он уже сам знает — нельзя! Но мама молчала и смотрела спокойно. И Брендон отвернулся от меня и прямым ходом зашагал к двери сначала из спальни, затем из детской. Еле дыша, я проследила, как он схватился за высокую для него дверную ручку, как потянул её на себя.

Взгляд на вирт. Дрейвен всё ещё идёт медленно, но уже не останавливаясь.

Встала. Постояла немного, глядя, как Брендон выходит в коридор. Прикусив губу, тихонько направилась за ним. На ногах мягкие туфли. Под ногами — мягкий ковёр. Шла так, что Брендон, сосредоточенный на чём-то, что слышал только он, моего шага услышать бы не мог. Мальчик прошёл полкоридора до выхода из него и всё-таки оглянулся на меня.

— Иди-иди, — едва слышно разрешила я.

Он отвернулся и зашагал.

Странная ночь. Полусумрачный тяжёлый свет. Длинный, как в долгих снах, коридор. И одинокий ребёнок, уверенно шагающий по нему.

Взгляд на вирт. Дрейвен уже одолел три лестницы. Его шаг убыстрился. Стал твёрже, как будто уверен определился, куда именно надо идти.

Брендон вышел из коридора и некоторое время неуверенно оглядывался. Белая рубашонка и короткие штанишки на нём превращали его в какое-то сказочное существо,

поэтому пока он с сомнением поворачивался вокруг себя, я невольно улыбалась, хоть и холодея от предстоящего. И не могла решить для себя: я отпустила их двоих — зачем? Почему я не сопротивляюсь тому, что однажды стало бы неизбежностью? Почему я так тороплю события? Потому что Брендон слишком рано был лишён того, что мог дать ему Дрейвен? И уиверн — тоже?

Брендон отвернулся от созерцания лифта в тот самый момент, когда снизу, на лестнице к площадке с лифтом, показался Дрейвен. Он дошёл до площадки, где стоял неподвижный малыш, и тоже замер. Стоя у входа в коридор, я вцепилась зубами в палец. Хотелось выбежать, схватить Брендона и обнять его изо всех сил: «Это мой сын! Только мой!»

Секунды застыли... Мой малыш склонил голову набок и медленно пошёл к уиверну. На последних шагах он протянул ручки к Дрейвену. «На!» — показалось, услышала я. Уиверн подхватил Брендона подмышки, всмотрелся в него, всё ещё молча тянущегося к нему, и прижал маленькое тельце к себе.

Он прижал к себе сына неловко, словно котёнка, ещё не понимая, как именно держать его. Но Брендон повозился и сам удобно устроился на бережных руках, обняв уиверна за шею. Я наблюдала, как Дрейвен напряжённо пытается не навредить сыну, и с трудом удерживалась на месте, чтобы не броситься к ним и не показать, как именно надо держать ребёнка. Кажется, уиверн понял, что мальчику комфортно, и застыл, не зная, что делать дальше. Я же по тому, как Брендон ткнулся лбом в плечо отца, сообразила, что малыш заснул. И нерешительно шагнула из коридора.

Но Дрейвен почуял меня раньше. Стоя ко мне полубоком и не видя меня, он застыл — в знакомой до ужаса позе: словно прислушивался, снова ослепнув!..

Меня замутило от впечатления, мгновенно вернувшего меня на Керу. Даже хуже: теперь, видя его с ребёнком на руках, я испугалась за Брендона. Что-то изнутри стучало мне в сознание: успокойся, ты на Уиверне! А видимое глазам твердило: будь настороже — ты на Кере!

Когда мокрые пальцы, стиснутые на рукояти ножа, свело от сильной судороги, я начала приходить в себя. Разлепила пальцы, опустила руку, встряхнула её восстановить кровообращение, чуть не зашипев от боли. Бесшумно подошла к Дрейвену. Пригляделась к сыну. Присмотрелась к сумрачным серым глазам уиверна, взглянувшего на меня со странным высокомерием.

— Можешь разговаривать, но негромко — он спит и нас не слышит. Пойдём.

Мои колебания, куда вести Дрейвена, были недолгими. К нему — сына спать не положишь нормально. К нам — не хотелось бы, чтобы уиверн даже находился поблизости от комнат, но... Теперь он сына найдёт везде, куда бы тот ни направился. Кровь, которую они прочувствовали оба, позовёт. Так что... К нам, конечно. Никуда не денешься. Теперь он знает. Так что, отвернувшись от него, пошла впереди.

Едва войдя в комнату, отключила все следящие камеры в апартаментах. Дрейвен только покосился, но промолчал, хотя понял, что именно я сделала.

— Идём, — повторила я и повела его в спальню сына. Он молча шёл за мной. Оглядываясь, я видела, как он бросает короткие взгляды по сторонам, и лицо всё больше смягчается. У кровати Брендона я остановилась и откинула уголок одеяла. После чего вышла из спальни и села в кресло. Рядом было ещё одно. Со своего места я присматривала за тем, что делает уиверн. А тот положил малыша на постель, укрыл его и сел рядом.

Пару раз я вздрогнула от желания подойти и помочь ему уложить сына, но крепко вцеплялась в ручки кресла, останавливая себя. Прошло полчаса, прежде чем он вернулся. В кресло он не сел, а осел — тяжелым, хмурым зверем. Я примерно предполагала, что он скажет, и оказалась права.

— Почему ты сразу не сказала мне о... ребёнке?

— Монти сказал, что на тебя нельзя давить.

— И ты так бы и оставила это — моё мнение, что ты выходишь за меня замуж из-за наследства? — недовольно сказал он.

— Мне пока замуж никто не предлагал.

— Ты же понимаешь, что с появлением ребёнка всё изменилось.

— Брендон не десерт, которым можно подсластить пилюлю, — резко сказала я.

Он мягко встал — всё тот же тяжёлый, но пластичный зверь — и быстро прошёл в спальню. Я насторожённо наблюдала, как он склонился над кроватью, ненужно поправляя одеяло на сыне. По мелочам: по коротким, почти неосознанным движениям Дрейвена, по его глазам, то и дело устремляющимся на сына, — я понимала, что личные пространства этих двоих постепенно сближаются на таком уровне плотности, что теперь я уже начинаю испытывать отторжение — и одиночество. Правда, последнее не смущало: я готова стать при сыне телохранителем, если не матерью. И... Брендон пока нуждается во мне... Дьяволы, от одной мысли, что меня оттирают от сына, глаза вспыхивают теплом подступающих злых слёз, а рука снова возвращается к набедренным ножнам. И все мысли лишь о том, что зря отдала в оружейную свой выдавший виды на Кере пулемёт.

— Перестань хвататься за нож, — сухо сказал Дрейвен, снова усаживаясь в кресло — оглядкой на спальню Брендона.

— Перестану — как только с завтрашнего дня снова буду носить вместо ножен кобуру, — ровно сказала я.

— Ты слишком бездарно строишь из себя крутую, — недовольно сказал он, наконец полностью оборачиваясь ко мне.

— Думай, как хочешь, — с горечью отозвалась я, пытаюсь пристроить вздрагивающие руки на подлокотники кресла. — Тебе-то не пришлось испытать всего того, что испытала и помню я. А мне волей-неволей... Монти сказал, что на мне внушение Адэра было поверхностно, поэтому я помню и буду помнить всё, хотя внушение снято. Это с тобой Адэр постарался — влез в подсознание до такой степени глубоко, что сумел изменить даже твою личность. Ты говоришь — бездарно строишь... А я не строю. Я смотрю на тебя и вспоминаю зверя, который на меня накинулся. А потом оказывается, что никакого зверя не было. А был опытный любовник, для которого насрать на объект страсти небольшое внушение — это нормально, как подсыпать острой приправы к изысканному блюду. А потом вместо зверя я узнала Дрейвена, который рисковал жизнью ради каких-то жалких людишек, да ещё подверженных мутации... Он чувствовал, что я его ненавижу, но таскал меня за собой так, чтобы ни одна тварь до меня не дотронулась. Того Дрейвена, с Керы, я могла бы полюбить, потому что, как мне кажется, он начал что-то чувствовать ко мне. И полюбить за одну конкретную вещь. Знаешь, за что? За один-единственный поступок: когда он понял, что машинально внушает мне, он завязал себе глаза. Это было... Это было честно, благородно. А сейчас? Кто передо мной? Какой-то совершенно незнакомый уиверн, который с самого начала, придя в сознание, относится ко мне, как к привычно презренному человеку. Будь твоя воля, ты, наверное, немедленно отнял бы у меня сына... Ведь кто я такая в твоих глазах? Когда-то ты урывками приходил в себя на Кере, а однажды сразу сказал, что я не настоящий уиверн и даже не полукровка. Видимо, мой организм по-своему ассимилировал кровь даг Куианны. Я смогла родить уиверна, смогла приобрести некоторые особенности уиверна, но сама уиверном не стала. Хотя на Кере ты меня сразу начал чувствовать... Забрать Брендона. Но кому бы меня вынудили отдать сына? Которому из тех Дрейвенов? И как же мне, как ты говоришь, не строить крутую, если я боюсь явления первого Дрейвена, которого не существовало даже во внушении, но которого я столько лет ненавидела?

Мы сидели — глаза в глаза, и на этот раз своих я не отпускала. И смотрела, как постепенно его морщины углубляются, из-за чего лицо становится враждебно упрямым.

— Я не уйду отсюда, — негромко, но предупреждающе сказал Дрейвен. — Три года я был лишён... — Он споткнулся и оглянулся на спальню Брендона.

— А я!.. — теперь осеклась я, почувствовав, как зазвенел голос. Сглотнув и стараясь спокойно смотреть на обернувшегося уверна, я продолжила негромко: — А я три года подряд, каждый день, видела, как надо мной склоняется озверевший уверн и рвёт меня в ключья. Ты думаешь, это наведённое воспоминание так легко забыть?

— И к чему мы пришли? — тихо после паузы спросил Дрейвен.

Нашла перед кем исповедоваться...

Вскипевшие мозги выдали несколько вариантов, как выбраться из ситуации, которую я сама уверенно пустила на самотёк.

— Можешь остаться. Брендону или мне иногда снятся кошмары, и тогда мы спим вместе. Эту ночь ты будешь спать в моей спальне, а я — в спальне Брендона. Пока это единственный приемлемый вариант.

Он опустил глаза, раздумывая.

— Согласен. Куда мне идти?

Я проводила его в свою спальню, при виде которой у него взлетели брови. Ну да. Спартанская обстановка особенно впечатляла после яркой роскоши в спальне Брендона.

— Почему? — спросил он, забывшись и продолжая с недоумением разглядывать почти пустую комнату.

— Брендон — моя жизнь.

Поймёт ли он связь моего ответа с его вопросом, меня не волновало. Я оставила его в спальне и ушла к сыну. Осторожно легла рядом, не укрываясь. Когда-то Брендон тянулся ко мне, чтобы успокоиться. Теперь я до слёз желала, чтобы он успокоил меня. И страшилась: а если после сближения с отцом я уже не так и нужна ему?

Мальш, спавший как обычно — укрыв одеялом ухо, заворочался и развернулся лицом ко мне. Сообразив, что моё состояние может отразиться и на нём, я начала вспоминать, как мы недавно, перед сном, играли с ним. Смех, беготня, прятки... Дыхание моё выровнялось, а потом и вовсе успокоилось, когда тёплая ладошка коснулась моей шеи, да так и обняла её. Пару раз открыв слипающиеся ресницы на тяжёлых веках, я видела сонную мордашу сына и сама всё глубже погружалась в сон.

Меня несло по каким-то тёмным лестницам, по которым я убегала от кого-то, и время от времени прикосновение слабых пальцев Брендона к моей коже выдирало меня из пропасти, в которую я падала. Потом был момент, когда я поняла, что надо мной нависло что-то огромное, но уютное. По голове, по мокрым от пота волосам, кто-то осторожно погладил меня и прошептал: «Прости, но придётся это сделать...» Выдраться из сна не удалось, зато внезапно темнота ярусных лестниц Керы пропала, и я увидела себя сидящей на ковре в спальне моего малыша, а Брендон был рядом и беззаботно смеялся над моими усилиями соединить детали паззла... А потом стало вообще легко, и мягкие сны полетели один за другим, давая мне наконец возможность выспаться.

Но сон про спальню Брендона я запомнила и вспомнила сразу. Открыла глаза, слушая посапывающего малыша, некоторое время смотрела на потолок, уже видный в рассветных лучах увернского солнца. И только недоумение: я никогда не собирала паззлов. Да и Брендону по возрасту рано. Почему мне приснился такой сон? Из-за того, что Дрейвен становится для меня загадкой-паззлом?

Не хочу думать. Тем более что этот сон не оставил после себя неприятных впечатлений. Я осторожно выбралась из кровати Брендона — он съехал в оставшуюся после меня выемку и снова приткнулся к подушке.

Запахнув на себе халатик, я выглянула из спальни. И оторопела: Дрейвен спал в игровой комнате Брендона, в том же кресле, где мы сидели ночью. Он, конечно, использовал стол, возле которого стояло кресло, — положив на столешницу руки, а уж на них голову. Но... Чем ему моя постель не понравилась? Привередничает? Ну и ладно. Я вышла в коридор и, предупредив дежурную няню не шуметь и не бояться спящего уверна, отправилась в соседние комнаты, чтобы привести себя в порядок. Рано, но Брилл уже к этому времени бывает готова к работе.

На сегодняшний день были намечены визиты даг-ин Рэдманда и спецов из полиции, которые должны снять внушение с последних служащих дома Драконье гнездо. Остальные хозяйственные мелочи мы с Брилл решили быстро. После чего я вспомнила о том, что давно хотела сделать, но так и не успела с момента приезда.

Пришлось подняться на самые верхние этажи и разыскать старые комнаты Дрейвена. Поколебавшись, я всё-таки шагнула в нужную комнату и сразу направилась к тому месту, где Адэр показал мне вирт-кадр Дрейвена. Тогда он вызвал во мне неконтролируемую истерику. Я хотела проверить, что будет сейчас.

Вот он. Некоторое время я наблюдала, как Дрейвен взглядывает на меня с вирт-кадра всё с той же усмешкой, кивает, ухмыляясь, словно знает тайну на двоих. И ничего больше. Я смотрела на повторяющийся кадр и не испытывала никакого желания ни закричать, ни сделать что-либо другое неадекватное.

Кажется, и в самом деле освободилась. Кажется...

Не знаю, что делал Дрейвен до обеда, но обедать он пришёл в наши апартаменты. За столом мы сидели, очень спокойные, слушали болтовню Брендона, который рассказывал, какой новой увлекательной игре его научила няня, и были предельно вежливы друг с другом.

Прислуга посматривала на нас вопросительно, но я ничего конкретного сказать никому не могла. Правда, при Дрейвене попросила Брилл найти кого-нибудь, чтобы перенести сюда его вещи. В мою спальню. Он спокойно воспринял это решение. Хотя я ожидала — сама не знаю, чего: усмешки? Подтверждения его превосходства: «Я же говорил, что будет так, как хочу я!»

После обеда он немного поиграл с сыном и помог няне, уже освобождённой от внушения и потому не испугавшейся его помощи, уложить его к дневному сну. После чего извинился передо мной и куда-то исчез.

Я успела поговорить с даг-ин Рэдмандом, который оформлял бумаги к суду над Дрейвеном, потом сбегала узнать о состоянии своих служащих у спецов по снятию внушения. У них — слава небесам! — всё прошло спокойно и без эксцессов.

За полтора часа до ужина отправилась на учебный полигон. Хотела поработать с мечом. Здесь в предвечернее время обычно никого не было, поэтому я в своё удовольствие позанималась, вспоминая тренировочные уроки. В спортивный зал идти не хотелось — там слишком многое напоминало об Адэре.

С мечом я работала в конце разминки. И так увлеклась, хотя у меня как всегда не получалось, что не заметила, что на полигоне уже не одна. Только, запыхавшись, опустила меч, как сбоку низкий голос сказал:

— Так ты никогда не научишься им владеть.

Застыв от этого голоса и мгновенно обозлившись: вот уж кого хотела бы видеть последним среди зрителей моей тренировки, я, не оборачиваясь, сказала:

— Кому какое дело?

— Ты увернка по крови. Значит, должна уметь, — спокойно сказал Дрейвен.

Он сидел на скамье у стены. И злость поднималась, как только думала, сколько же времени он сидит и сколько видел. А потом какая-то наплевательская бесшабашность подняла во мне голову и заставила меня сказать:

— Мне всё равно.

— А мне — нет.

Он сбросил куртку и, оставшись в майке и в свободных домашних штанах, пошёл ко мне. Волосы прибрал. Ишь... Деловой. Я исподлобья следила, как он ко мне подходит. Что? Хочет показать класс, чтобы мне стало завидно? Похвастать решил?

Но он встал рядом со мной, чуть даже за спиной.

— Вытяни руку с мечом. Вот так. — Он навис надо мной, и я вдруг почувствовала себя, как во время страшного проливного дождя под крепкой уютной крышей. — Теперь смотри. — Он тоже вытянул руку параллельно моей. — Положи свою руку на мою.

Он сказал последнее как-то рассеянно, словно одновременно с моей учёбой думал ещё о чём-то. И вдруг замер. До сих пор послушная, я кинула на него внимательный взгляд. Что я не так сделала?

Рука с мечом — хоть и тренировочный, но полтора килограмма в нём есть, уже оттянулась от усталости, так что я невольно оперлась ею на руку Дрейвена. Хм... Длинная, в отличие от моей. Раза в два толще. Моя на ней как весло в лодке. Так и хотелось положить руку полностью на эту живую, удобную поддержку. Хоть и вздрагивала от усилий поднять её — наперекор ему. Пришёл тут, раскомандовался. А я чего? Почему не возразила? Только хотела сказать: «Хватит!», как он спросил — и тёплое дыхание вопроса я ощутила на своей макушке:

— Кто тренировал тебя, кроме Адэра?

— Тренер.

— Откуда?

— Не знаю. Адэр нашёл его.

— Нам придётся начинать всё сначала. Кажется, тренер был в сговоре с Адэром, если только тот не повлиял на него. Тебя учили неправильно. Ты даже руку держишь неправильно. Надо вот так.

Только я хотела уже раздражённо сказать: хорошо тебе — только что пришёл, а я уже устала от тренировок, как почувствовала его руку. Мышцы шевельнулись, когда он показывал, как именно надо держать ритуальное оружие. И я попыталась повторить его движение. Раз, другой... С поддержкой на его руке это оказалось несложно, тем более невольно половину веса оружия приняла на себя его ладонь.

Поэтому я, повторив пару раз движение одновременно с его жестом, только открыла рот спросить, что там дальше, как ощутила странное над головой. Осторожно повернула голову, скосившись наверх. Дрейвен, с закрытыми глазами, легко вдыхал воздух над моей головой. Как будто нюхал, наслаждаясь... И как будто постепенно забывал, что обещал мне показать, как именно тренироваться с мечом. И, забывая, всё ниже склонялся ко мне, пока не уткнулся носом в волосы. Я поёжилась, буквально укрытая им, его огромной фигурой, сама невольно вдыхая терпкий запах его кожи и различая в нём тонкую нотку какого-то холодного парфюма, и от этого моего движения уверн словно пришёл в себя. Он выпрямился, подобрал свои волосы, съехавшие мне на плечо, и обыденно сказал:

— На сегодня хватит. Без меня тренировок не продолжай.

Я промолчала, несколько удивлённая, но про себя возразила: будут тренировки, нет ли, но волосы мои будут пахнуть так, что отшатываться будешь, как от... Долго старалась придумать, как от чего, но на ум не лезло ничего, кроме: взять на кухне молотый перец и обсыпать им голову вместо пудры. Пусть нюхает на здоровье! Успокоившись на этой зловредной идее, я оставила меч в настенном арсенале и последовала за ним. Наверху мы, естественно, разделились: он сразу поднялся к ужину — посидеть перед тем с Бренденом, а я некоторое время плескалась в воде, смывая пот из-за довольно энергичной тренировки. Заодно стараясь отделаться от мысли, что Дрейвен пытается приучить себя ко мне, чтобы доказать, что и он, уивернский Дрейвен, тоже хороший. Последнему только фыркнула.

За ужином всё было достаточно благопристойно. Ни дать ни взять — настоящая семья. Аж рычать хотелось от этой благости...

Под конец ужина позвонил Монти.

— Моя милая леди не будет возражать...

— Буду! — улыбаясь — настолько обрадовалась ему! — выпалила я.

— ... если я сейчас подъеду поговорить с Дрейвеном?

— Приезжай, жду... Ждём.

Дрейвен смотрел внимательно — локти на стол, сплетя пальцы вокруг длинной ножки бокала. Я мельком глянула на него, на его пронзительно-серые глаза и отвернулась. Тебе не испортить мне радость от встречи с одним нормальным уиверном, хоть в нём и течёт твоя кровь. И хоть он придёт именно для разговора с тобой.

Монти, оказывается, был совсем не далеко, поэтому явился к нам через минут двадцать. Э... Офигительно элегантный, как и подобает работнику посольства. Весь в каких-то побрякушках и сияющий своими светлыми волосами и светлым официальным костюмом посольского работника, а ещё сияющий, что мог так быстро примчаться.

Дрейвен только поздоровался с ним и тут же вышел, не мешая няньке развлекать Брендона перед сном.

Монти же, прежде чем пойти за ним, обратился ко мне:

— Лианна, мне нужна та запись, на которой находится сам Адэр. Ты понимаешь, о чём я. Нужна срочно и дня на два.

Пожав плечами, я вытащила запись с Адэром и отдала Монти без колебаний. Настоящая запись находилась у полиции, копия была у семейного адвоката, одну копию я сохранила для себя. Если что произойдёт с этой, всегда могу спросить у даг-ин Рэдманда.

Монти, не глядя, сунул запись в верхний карман пиджака и, видимо, только из вежливости спросил — чтобы не сбегать от хозяйки сразу:

— Что ты сейчас собираешься делать? Могу сопроводить.

И очаровательно улыбнулся. Я вспомнила его рычание, когда он кинулся с вертолёта за Дрейвеном, и понимающе улыбнулась:

— Меня можешь не обвораживать. Если дело к Дрейвену — иди спокойно.

Монти послал мне воздушный поцелуй и пошёл к двери. Когда один из служащих распахнул перед ним дверь из апартаментов, я мельком заметила странное, жёсткое выражение на лице полуобернувшегося Монти: полная сосредоточенность на какой-то мысли, даже скорее — на каком-то предстоящем деле, полный уход в себя. Я посидела ещё немного за столом, рассеянно наблюдая, как слуги убирают со стола, затем связалась с Брилл. Та откликнулась не сразу — сидела за пультом просмотра всех камер.

— Куда пошёл даг-ин Дрейвен?

— В свои старые комнаты... Секунду. Дама Лианна, только что сюда же вошёл и даг-ин Альпин. С небольшим чемоданчиком, которого при нём не было, пока он был у вас.

— Переведи тамошнее наблюдение на мой вирт.

— Даг-ин Альпин отключает его. Полностью. Что делать?

— Переведи на мой вирт обзор с вирт-кадра даг-ин Дрейвена.

— Обзор с вирт-кадра будет только на вашем вирте. На пульте его не будет.

— Мне этого достаточно, — отстранённо сказала я, интонационно выделив единственное слово — «мне».

— Поняла.

Я закрылась в своей спальне и вывела обзор с вирта на свой монитор. Оставлять без контроля происходящее в моём доме не собиралась.

Появилась гостиная Дрейвена. Как я и предполагала, они не ушли дальше неё. Дрейвен снимал чехлы с кресла, вытащенного на середину комнаты, а Монти, положив чемоданчик на стол и раскрыв его, вынимал из него... наручники, длинные и широкие металлизированные ремни и ещё какие-то железки. Закончив с подготовкой, мужчины обернулись друг к другу, и Монти стал передавать Дрейвену вытащенное из чемоданчика, а тот оборудовал ими кресло. Получилось что-то вроде... Долго думала, пытаюсь сообразить. Ну... Похоже на пыточное кресло. И Дрейвен сел в него. А Монти тщательно обездвигил его всеми захватами. Вплоть до пояса поперёк груди, плотно прижавшего уверна к спинке кресла.

Причём Дрейвен скинул куртку, хотя эти комнаты не отапливались в полной мере, и в комнате наверняка было ощутимо прохладно. Хм... Его широкие плечи живо напомнили, как он бежал со мной на руках по ярусам Керы, как он, падая, укрывал меня полами старенького плаща и защищал мою голову ладонями... Я невольно улыбнулась.

Последнее, как мне показалось, что сделал Монти, — это укрепил на голове Дрейвена тонкий обруч, провода от которого шли к какому-то мини-пульта. Но потом, вместо того чтобы приступить к делу, он застыл напротив связанного, изучающе вглядываясь в Дрейвена, и тот нетерпеливо спросил:

— Ну? Пластырь приготовил?

— Думаешь, обязательно?..

— Думаю. Этаж хоть и пустой, но кто его знает... Забредёт ещё кто-нибудь... Буду орать — сразу клей.

Но Монти всё ещё колебался.

— Защиты все восстановил? Точно?

— Да. Не тyani.

Монти отошёл и поставил запись с Адэром, как я поняла. Выждав, когда глаза Дрейвена замерли, он негромко, невыразительно сказал:

— Первые полтора часа пропускаю. Ты успел доехать до ангаров и самостоятельно подняться на орбиту. Это мы видели на записях камер, здешних и в ангарах. Меня интересует момент стыковки на орбите с тем кораблём, с которым ты ушёл с нашей системы и оказался на Кере. Примерное время должно совпадать. Это произошло именно через полтора часа. Итак, полтора часа — переходи.

Прихватив с собой мини-пульт, он ушёл с направления записанного взгляда Адэра и продолжал наблюдать за Дрейвеном из угла комнаты. Затаив дыхание, я увеличила на мониторе лицо Дрейвена, только теперь понимая и то не до конца, что именно эти двое задумали и делают.

Дрейвен полузакрытыми глазами смотрел в пол перед собой, метра на три вперёд, спокойно, будто задумался о чём-то, что увело его в недоступные для всех мысли, или же прислушивался к себе. Ничто не говорило, что он напряжён в ожидании чего-то опасного.

Я смотрела только на него, поэтому не знаю, как среагировал Монти, но я чуть не подпрыгнула, когда Дрейвен, жёстко лишённый свободы двигаться, коротко вздрогнул. Раз, другой... Третье вздрагивание — подбородок чуть вверх. А потом — дурной сон, как повтор ночного кошмара в яви: из его рта плеснуло кровью, и он ощутимо обвис на сковывающих его ремнях. Судя по слегка опущенному подбородку, только обруч на голове мешал ему безвольно свесить голову. Минута, другая. Кровь постепенно перестала сочиться изо рта, и я смогла наконец подавить порыв немедленно мчаться наверх, в его комнаты, чтобы прекратить это издевательство.

Осторожно, словно боясь, что Дрейвен может выдрать все эти сковывающие его ремни и наручники, подошёл Монти. Перед тем как задвигаться, он что-то прихватил со стола, на котором оставил пульт. Я испуганно кинула взгляд на вирт с записью. И с облегчением вздохнула. Отключён... Дьяволы... Случись — заденет их обоих внушением Адэра, мне ведь не справиться. Я не умею с другими проделывать то, что показал мне Монти, — избавлять

их от внушения... Хотя на Уиверне спецы есть, но как им объяснить, чего именно эти двое добиваются.

Монти присел на корточки перед Дрейвеном, встревоженно всмотрелся в его лицо, качнул головой, словно соглашаясь с собой, прошептал:

— Это — понятно. Но кто это был? — и приложил что-то к сгибу Дрейвенова локтя. Судя по следующему движению — шприц. Потом какой-то тряпкой отёр кровь с лица сидящего, выждал немного и чётко сказал: — Ты слышишь меня? Дрейвен, ты должен ответить. Препарат действует через секунды. Кто это был? Кто тебя ударил на орбите?

— Я его не знаю, — глухо ответил уиверн, тяжело шевеля губами.

Монти кивнул и снова отошёл к столу.

— Всё. Запись больше не включаю. Не нужна. Примерный расчёт времени до Керы — двое суток. Время прилёта на Керу. Открываешь глаза и... — Монти осёкся.

Дрейвен открыл глаза — уже без зрачков. Лицо — впервые напряжённое, насторожённое. Он как будто и в самом деле только что открыл глаза и пока не подозревает, что слеп. Это я поняла по тому, что он сразу быстро-быстро заморгал, пытаясь будто после долгого сна или в неожиданной для него темноте что-то рассмотреть вокруг. И — внезапно короткий, но сильный выдох, после которого резко закашлялся, почти не контролируя себя. И такое впечатление, что он рвётся из ремней и наручников! Сорваться с места! Выдраться из всех креплений!

Сама не дыша, сообразила: снова ударили — под дых, и теперь ремни, плотно прихватившие тело, мешают ему набрать воздуха! Но разве такое может быть? Там же, где бы он ни был, он не связан! Или связан? Нет... Не может быть. Был бы связан, Дрейвен бы хоть началом движения это показал. А он просто прислушивался и старался проморгаться. Значит, он и правда пытается вырваться из сегодняшних ремней?

Наверное, Монти, недоумённо наблюдавший за ним, тоже пришёл к такому выводу. Он быстро приблизился, не забыв взять с собой новый шприц. Расслабил несколько ремней на груди уиверна. Укол в локоть. Мгновения спустя Дрейвен успокоил дыхание, перестал задыхаться.

— Дрейвен, ты меня слышишь?

— Да. Но не вижу. Темно.

— Дрейв, ты ослеп.

— Это я понял. Но здесь темно.

Я слабо усмехнулась удивлённо вздёрнутым бровям Монти: слепой разглядел темноту? Усмехнулась, вспомнив, как на Кере Дрейвен сказал мне, что лифт находится в самом тёмном месте коридора и что он чувствует разницу между светом и тьмой.

Молчание. Я перевела взгляд на Монти. Чего он?.. Вглядывается в Дрейвена, как будто понять чего-то не может.

— Дрейв, ты меня слышишь?

— Отвечаю же.

— Нет. Ты понимаешь, с кем говоришь?

— Монти, не валяй... — Дрейвен осёкся. — Монти, я ослеп, но помню тебя?..

Полувопросительные интонации уиверна заставили меня напрячься — и от внезапного понимания меня бросило в жар: Дрейвен в промежуточном состоянии! Он слеп под воздействием внушения Адэра, он там, на Кере, но помнит, кто такой Монти!

Монти заговорил резко и быстро:

— Ты рассказывал Лианне, что тебя нашли избитым и прячущимся в какой-то дыре. Да ты же сам мне сказал, что последние следы со спины исчезли только вчера. Прислушайся, всё ли вокруг тебя нормально? Ты сейчас в том временном отрезке, когда делаешь первые шаги по Кере! Ну? Всё, что слышишь, описывай! Не молчи, Дрейвен! Иначе я сам тебя выведу оттуда!

— Подожди... Кто-то идёт.

— Описывай свои ощущения. Быстро.

— Руки назад. Связаны. Я... просыпаюсь? Нет, прихожу в себя... Тесное помещение. Передо мной падающая вниз пустота.

— Что с телом? Ты его чувствуешь здоровым?

Но Дрейвен на полуслове вдруг замолчал, а от зачастившего дыхания полураскрытые губы мгновенно пересохли.

— Вспомнил, — зашептал он. — Вспомнил... Монти, вытаскивай меня! Меня сейчас сбросят! Быстрее! Монти! — Слепые глаза расширились от напряжения. — Меня уже тащат... Тащат сбросить... В шахту лифта!

Он забился в ремнях.

Я приникла к монитору, сама едва сдерживаясь от крика. Всё, что сейчас испытывает Дрейвен, отразится физическими следами на его теле!.. Но Монти стремительно ввёл в вены Дрейвена сразу две иглы. Как и обещал, секунды — и тело Дрейвена расслабилось.

— Задействуй защиту! Выходи!

Жутко смотреть в сплошные серые глаза и наблюдать, как постепенно появляются зрачки. Сначала еле заметные очертания, то и дело пропадающие. Затем будущие белки начинают светлеть, подчёркивая темноту зрачков. Ничего не замечая, я сжалась в один натянутый нерв: ну, ещё немного — и!.. Давай, Дрейвен, ну пожалуйста... Я словно отражала его напряжённое лицо, его резко обозначившиеся морщины... Меня уже трясло от того страшного напряжения, которое он явно испытывал, возвращаясь в привычную шкуру уиверна... И остолбенела, не заметив, что привстала перед монитором: по глазам Дрейвена точно волна плеснула — и они снова окрасились в серый цвет без малейшего признака зрачков. Что?.. Что случилось?!

— Что случилось, Дрейвен? — эхом вскрикнул ошарашенный Монти, тоже пристально следивший за преобразованием глаз уиверна.

После недолгого молчания Дрейвен монотонно сказал:

— Не вижу. — И так же монотонно выругался.

Доигрались, дьяволы самоуверенные!

Нет, они пытались ещё раз вывести Дрейвена из промежуточного состояния, но переход в нормальный вид прерывался на полувзлёте. Наконец оба выдохлись.

— Что скажем Лианне?

— Она старается держаться от меня подальше, поэтому... Ты приехал на машине с личным водителем?

— Да.

— Пошли его за цветными линзами.

— Неплохо. А потом?

— Останусь здесь. Лианна только рада будет. Никто ничего не заметит. Надеюсь, в течение недели приду в норму.

— Дрейвен... Ты можешь другим врать в лицо — чтобы никто не заподозрил. Но я тебе

почти родной брат. Какого дьявола ты не хочешь возвращаться?

Вопрос Монти вызвал во мне недоумение. Куда это не хочет возвращаться Дрейвен? В мои апартаменты?

После недолгого молчания Дрейвен ответил:

— Не всё ли равно? Главное — принеси мне линзы. А будешь уходить — предупреди Лианну, что я остаюсь здесь, в своих старых комнатах.

Монти раздражённо поднял плечо и связался с личным водителем. Пока дожидались его приезда с линзами, Монти собрал с кресла все приспособления, принесённые с собой, и спрятал в тот же чемоданчик.

Дальше я смотреть не стала. Отключилась от комнат Дрейвена и тщательно стёрла все следы своего пребывания в домашней системе наблюдения.

Когда Монти впервые показал мне, как выпускать когти, я представила себя кошкой. Кошка должна иметь когти. И у меня когти появились. Но когда я устала, в этом изящном элементе кошачьей экипировки я уже не нуждалась. Когти исчезли. Потом, когда мне было необходимо вцепиться в морду какому-нибудь представителю мутирующей фауны Керы, когти выпускались мгновенно. Потому что они были мне необходимы. И снова пропадали, когда мне нужны были только обычные пальцы.

Дрейвен. Он может вернуться в обычный облик уиверна. Но не хочет. В чём загвоздка? Что его держит в форме слепца?

И когда я поняла, что именно, мне стало страшно. Потому что вспомнила свои слова, брошенные ему в лицо: «Того Дрейвена, с Керы, я могла бы полюбить, потому что, как мне кажется, он начал что-то чувствовать ко мне».

Заглянула няня Брендона. Пора укладывать малыша спать. Обычно я это делаю сама. Я встала от монитора и пошла в спальню Брендона. Няня ушла, предупредив с порога, что меня дожидается Монти. Взяв на руки Брендона, я велела впустить его.

— Лианна, мне жаль, что так поздно и я вынужден откланяться, — грациозно склонился передо мной Монти. — Я бы хотел посидеть с тобой немного, но...

— Лицемер, — ласково улыбаясь и привычно для него кокетничая, сказала я. — А то я не знаю, что тебя больше интересую не я, а Дрейвен. Кстати, как он, на твой взгляд? Наверное, ему тяжело привыкать к исчезновению из жизни целых трёх лет?

— Да, это тяжело, — задумчиво сказал Монти и рассеянно потрепал пальчики Брендона. — Лианна, как ты думаешь, с каким Дрейвеном было легче общаться: с тем, кто был на Кере, или с нынешним?

— С тем, кто на Кере, конечно.

— Почему — конечно?

— Кера — это Кера. Нам пришлось сплотиться против общего врага, так что волей-неволей... Да, с тем было легче. Потому что это было там.

— Вот как... Ну, что ж. Спокойной ночи, малыш Брендон! Спокойной ночи, Лианна!

Он ушёл. А я некоторое время стояла у двери и бесцельно разглядывала резную дверную ручку... Что имел в виду Монти, задавая вопрос о Дрейвене? Или он просто светски поинтересовался моим мнением? Так — мимоходом?

— Па, — сказал Брендон.

И его реплика привела меня в чувство. Я наконец увидела ситуацию несколько иначе. Нет, я до конца не разобралась в ней, но мой сын... Дрейвен слишком легко ушёл от нас. Не позволю. Так делать нельзя. Нельзя приучать к себе — к какому угодно, а потом бросать, как

захочется.

Так что я решительно вызвала дежурную няню Брендона, велела посидеть пару минут с ребёнком, а сама надела туфли на небольшом, но звонком каблучке и поднялась к старым комнатам Дрейвена.

Он, наверное, услышал перестук каблучков ещё с начала коридора. Сидел всё в том же кресле, будто собираясь спать в нём. Я вошла без стука. Постояла на пороге, глядя на него и давая время услышать меня — в этом состоянии он эмпат, что я хорошо помнила. С минуту он прислушивался ко мне, потом неохотно спросил:

— Зачем ты пришла? Я же велел передать...

— Мой сын спрашивает, где его отец. Не хочешь спуститься, чтобы пожелать Брендону спокойной ночи? — На его глаза в линзах я смотрела внимательно и, чего сама не ожидала от себя, с какой-то горькой усмешкой. Прячется. От меня.

Лицо неподвижное. Не дрогнуло. Две морщины, прорезавшие лицо по обеим сторонам от губ, чуть углубились. И всё. Молчал. И я понимала, что он растерялся. Как дойти до моих комнат? И вообще, как он не подумал, что в доме есть человек, маленький уиверн, который его чувствует и который не понимает, почему большой уиверн, к которому его инстинктивно тянет, не хочет больше заходить к нему?

— Я... плохо себя чувствую, — угрюмо сказал Дрейвен.

— Это займёт всего пять минут, — сказала я. — Брендон засыпает быстро.

Он впервые упрямо наклонил голову, и у меня дрогнуло сердце. Какого дьявола я тут что-то изображаю?.. Я неспешно подошла к уиверну и взяла его за руку, переплетя пальцы с его. От неожиданности он поднял глаза на меня. Хорошие линзы — чуть не со злобой подумала я. И сказала:

— Не злись. Пойдём.

И чуть потянула его за собой.

— Ты так хочешь довести меня до?.. — с невольной усмешкой спросил он.

— Тебя хочет видеть мой малыш, который, между прочим, ещё и твой, — твёрдо сказала я. — Если надо будет — доведу и за руку. — И ещё крепче сжала его пальцы.

Он встал, совершенно растерянный, как я почувствовала по его безвольным пальцам, во всём подчинённым моим движениям.

И я довела его, хмурого, но послушного до лифта, а потом и до своих комнат, где отпустила, наконец, дежурную няню.

— Па! — энергично сказал Брендон при виде уиверна.

Дрейвен было замялся на пороге спальни, но я, всё ещё за руку, довела его до кровати сына. Да, буду до упора лицемерить, что ничего не знаю, но Брендон не должен страдать из-за дурацкой ситуации.

— Разворачивайся! Садись! — скомандовала я и, всё ещё не отпуская его руки, другой рукой надавила на его плечо — не слишком сильно и так, чтобы он успел потрогать край кровати и сообразить, как сесть.

Брендон, сидевший — укрывшись до пояса одеялом, быстро приник к отцу, как будто понял, что происходит, и решил помочь мне.

Пока Дрейвен вытаскивал малыша из-под одеяла — чисто уже машинальное движение, пока Брендон что-то ему лепетал, а он, невольно улыбаясь, что-то отвечал, я отошла, пытаюсь собраться с мыслями. Почему? Почему мне хочется оставить его здесь? В наших с Бренденом апартаментах? Кроме желания, чтобы сын был рядом с отцом? Сердце больно

дрогнуло, когда сообразилось: сегодняшней ночью уиверну грозят кошмары. Сегодняшней ночью ему придётся снова слепым путешествовать по ярусам и лестницам Керы. Будут ли события идти одно за другим? Или он просто будет вспоминать, а следом за воспоминаниями придут и кошмары? Не знаю. Знаю только одно: я не хочу, чтобы он оставался на Кере один.

— Ки, — сказал Брендон, замахав руками на Мисти. Кот подошёл на знакомый голос и прыгнул на постель малыша.

— Да, малыш, — сказала я, поглядывая на Дрейвена, напряжённо вслушивающегося в пространство. — Киса Мисти пришёл и тоже хочет спать.

Плечи уиверна расслабились. Он уложил Брендона, укрыл его на ощупь одеялом. И нерешительно застыл, сидя на краю кровати. Брендон быстро засопел, мгновенно уснув. Какое-то время Дрейвен прислушивался к его дыханию, а потом медленно встал. Судя по всему, чувствовал он себя очень неловко. Забыл, в какой стороне выход из спальни Брендона. А ещё его ждало воспоминание, что из общей детской надо выйти в коридор, а уже потом пройти к лифту. А ещё... В общем, дорога представлялась ему наверняка запутанной. Мучить я его не собиралась. Для себя я всё решила и теперь была полна решимости сделать так, как хочу.

— Идём, — снова взяла его за руку и привела в свою спальню.

— Почему? — спросил он, когда понял, где именно он очутился.

— Объявляю перемирие, — сказала я, стаскивая с него куртку и мягким толчком посылая его сесть на кровать, край которой упирался ему под колени. — Брендон к тебе привык, поэтому мне бы не хотелось переживать его разочарование завтра, если утром он не увидит тебя. Так что потерпи меня, а я потерплю тебя. Согласен?

— Я плохо себя чувствую, — упрямо повторил Дрейвен, — и могу разбудить Брендона среди ночи, если...

Не уследила за своей рукой — погладила его по голове, и он осёкся. Ладонь мягко скользнула с волос по щеке. Он поймал и, прислушиваясь изо всех сил, жёстко спросил:

— Что за игры?

— Пытаюсь привыкнуть к тебе, — легко сказала я. — Не хочешь тоже поиграть в такую игру?

— Это... опасная игра, — медленно сказал он. И медленно же положил ладони на мою талию. Очень напряжённые ладони — видимо, из страха нарваться на окрик.

— И в чём же её опасность? — стараясь быть легкомысленной, спросила я, расчёсывая пальцами его волосы и отбрасывая их назад, на спину. — По Кере я помню, что ты меня здорово чувствовал. Значит, ты должен чувствовать, что меня всё ещё к тебе тянет. Или в этом твоём облики я тебе уже безразлична?

— Лианна, ты понимаешь, что ты делаешь?

— Да, понимаю. Однажды, на Кере, я дала тебе поцеловать меня, чтобы проверить, какова будет моя реакция на твой поцелуй. Привычной истерики не было. Теперь, когда я знаю, что не было тех страшных минут, я надеюсь — ради Брендона! — что у нас с тобой что-нибудь, да получится. Когда-то надо начинать сближение. Ты сомневаешься? Так и скажи. Я — не сомневаюсь. Если не хочешь быть со мной рядом — откажись.

Что — что, а болтала я здорово — с перепугу-то. Обернувшись к тумбочке, я выключила свет ночной лампы.

— И ты... не боишься?

— После того, что было на Кере? — легкомысленно спросила я. — После Керы я, наверное, уже никогда и ничего бояться не смогу. Даже тебя, — добавила я с иронией. — Ложись. Будут кошмары — справлюсь с ними. Пока не отвыкла.

Он, всё ещё колеблясь, лёг и потащил на себя одеяло.

— Куда? — тихо, с улыбкой сказала я. — Хочешь, чтобы мы спали под разными одеялами? Каждый под своим?

Он замер так, что я почувствовала его напряжение и, сбросив халат, юркнула к нему под бок. После чего натянула одеяло на нас обоих. Не говорить же ему, что боюсь не меньше, чем он? Но и оставлять его наедине с кошмарами не собираюсь. Вздохнула, задержав вздох на полпути: пусть только попробует что-нибудь против сказать!

Минуты две ошеломлённого молчания с его стороны. Мы лежали, оба напряжённо вытянувшись. Потом Дрейвен шевельнулся, перевернулся набок, лицом ко мне. Такое впечатление, что он боялся дышать... Тогда я тоже повернулась к нему лицом, ткнулась ему лбом в грудь. Дышит коротко, осторожно. Последнее, что почувствовала, уплывая в сон, это как он просунул руку под мою подушку и подтащил её вместе со мной к себе.

Дьяволы бы побрали Монти! Он оставил Дрейвена на полпути события! На падении и лифтовую шахту!

Падающее на всё возрастающей скорости тело тяжело грохнулось на выступ. Нет, не совсем грохнулось. Если бы совсем — уиверн летел бы дальше. Оказалось, Дрейвен три года назад всё-таки смог взять судьбу в собственные руки. Падая, наткнулся рукой за торчащий из стен ржавый прут. Мгновенно сомкнул пальцы. И на скорости прерванного падения его швырнуло на выступ ниже. Потому что прут сыграл лишь небольшую роль в его спасении: сила, с которой уиверн вцепился в него, и вес его тела выдрали его из стены. Но тот же прут сработал противовесом и дал возможность остановить падение.

Сжимая прут в кулаках, Дрейвен некоторое время смотрел в ничто широко распахнутыми глазами. Потом осторожно попробовал выпрямить плечо, застывшее в замахе, в защите. Попробовал, потому что выступ узкий. Лишнее движение — свалишься неминуемо... Короткий болезненный стон. Нет, не болезненный, а раздражённый, оттого уиверн что бессилён что-либо сделать. Даже встать... Я стояла на том же выступе — только напротив, в лифтовом же колодце, и, чуть не плача, кривилась от сочувствия: святые небеса, как он позвоночник тогда не сломал!

Видела всё: в шахте освещение будто от догорающей свечи, плавающей в луже воска. Вроде и видно кое-что, но так... Тенями.

Уиверн откинул голову назад, словно решил отдохнуть и прийти в себя. Ноги — одна на выступе, другая свешена в пропасть — места мало, а сам вцепился в край чёрной дыры слева, наверное, чтобы не съехать. Я приготовилась осторожно пробираться по краю шахты к нему. Появилось подозрение, что чёрная дыра — та самая, в которой он потом прятался, а «паук» пытался из неё вытащить лакомый кусок ещё живого мяса.

Шёпотом:

— Дрейвен!

Вроде не пошевелился, но заледеневшее в напряжении тело угадывалось сразу.

— Дрейвен, это Лианна! Сейчас подойду.

Сон и прошлое, в котором наполовину обитал снова ослепший Дрейвен, переплелись. Но и в его сне было бы страшно упасть в пропасть.

Поэтому, прижимаясь к неровной стене шахты, я с дрожью в ногах начала передвигаться к нему. Нога пару раз начинала съезжать по косому выступу-скату, и тогда я снова липла к стене и таила дыхание: всё казалось, что, даже громко подыши — и то свалишься в темнеющую книзу пропасть. В одном месте уступ полностью провалился. И я некоторое время завистливо поглядывала на обратный путь: оттуда дольше, зато выступ в более выгодном виде. Но чего теперь. Не возвращаться же. Путь хоть и короткий, но неизвестно, что будет меня ждать, если пойду в обратную сторону. А тут... Шагов пять осталось. Никаких возвращений.

Так что я передохнула, вцепилась пальцами в чуть покоробленную стену и, забыв выдохнуть, перешагнула дыру в выступе.

Здесь даже присесть нельзя. Дрейвен лежит боком.

— Откуда ты... здесь?

— В одной кровати спим. Одни сны видим, — вздохнула я. — Потерпи. Я сейчас

перешагну тебя и попробую влезть в эту дыру. А потом тебя втащу.

И чуть сама не грохнулась в пропасть, когда из дыры вылетела жуткая толстая ручища! Зато моей реакции хватило на то, чтобы немедленно отодрать пальцы Дрейвена от края дыры! Потому что та тварь быстро ощупала воздух, цапая его волосатыми длинными пальцами, а затем её ручища попыталась ухватить Дрейвена за кисть. Перепуганная, я шагнула, чтобы одна нога оказалась между пропастью, на самом краешке, и телом уиверна, поддерживая его, плотно приваливая к стене.

— Что... случилось? — тяжело выговорил Дрейвен.

— Со слов Келли, ты должен был сидеть в этой дыре, а какая-то тварь тебя оттуда выцарапывать, — дрожащим от напряжения голосом объяснила я. — А оказывается, тварь тебя выцарапывала аж из самой шахты... Вот дьяволы...

Держась почти за воздух, а не за мелкие, невидимые царапины, я пыталась удержать равновесие, глядя притом, как тварь продолжает обшаривать резко хватающими пальцами всё пространство, доступное ей. Уиверн лежал всё так же, на боку, абсолютно беспомощный (летел-то по выступам шахты всё той же несчастной спиной!) и явно это сознающий, потому что прикусил губу и с каким-то странным саркастическим выражением слушал плотоядные повизгивания твари. Его тело опиралось на мою сдерживающую ногу; причём каким-то образом, с помощью того же напряжения, он ещё умудрялся не напирать на неё, но боль от падения давала о себе знать тем, что приваливался он к моей ноге всё чаще. Чем постепенно сдвигал её к пропасти.

— Вытащи с моего бедра меч, — шёпотом сказал он.

— Нагнуться не могу. Слишком узкий выступ, — ответила я.

Мелькающая ручища меня заморозила, и я не сразу поняла, что происходит. А происходило следующее: толстая, она вдруг начала стремительно худеть, превращаясь в обыкновенную, человеческую. И, когда до меня дошло, что теперь-то эта нормальная рука пролезет к нам в эту дыру и спокойно выудит уиверна, конечность вдруг исчезла. А ещё минуты спустя послышалась какая-то возня, потом тишина, в которую мы с Дрейвеном вслушивались с недоумением.

Тишина прервалась неожиданно для нас обоих.

Женский голос, странно сиплый и утробный, как будто её хозяйку сейчас стошнит, недовольно сказал на терралинге:

— Эй, ты! Ты там ещё не шлёпнулся вниз? Если нет, то ползи сюда ближе. Мне легче будет вытащить тебя.

У меня от сердца отлегло. Келли! Ну? Чего медлит уиверн? Сейчас ещё одно его приваливание к моей ноге — и он сбросит меня.

Дрейвен вдруг быстро поднялся на ноги, вывернувшись из-под моей ноги. Что?! Поднялся? Сам?! Но как? Ему даже схватиться не за что для опоры!.. Его движение — моя нога поехала с края выступа! Он поймал меня за талию, прижал к себе.

— Тихо!

Свеча догорела. И вокруг стало темно.

— Почему ты... — начала я и поняла, что говорю ему в грудь.

Лежим. Проснулись. Но уиверн всё равно держит меня, крепко прижимая к себе. Ну и повезло ему: мало того, что он потерял напрочь три года своей жизни, так ещё и в промежуточном состоянии застрял. Слеп, беспомощен и кружит между тем Дрейвеном-Кротом, который был, и Дрейвеном-охотником, в сознание которого сначала вернулся. Так

что заставило его застрять между двумя личностями?

Что-то не о том я думаю в его объятиях. Между прочим, мог бы и отпустить.

— Что ты хотела узнать?

— Много чего, — пробормотала я. — Например, почему ты не захотел сразу откликнуться на предложение Келли помочь?

— Сразу? — Он лёг на спину — с каким-то очень ощутимым вздохом удовольствия. Ах да, спина не болит. — Ты не поняла, да, что там с Келли?

— А что с ней?

— Она и была той тварью, которая меня пыталась сожрать. А когда сообразила, что в обличии твари ей до меня не добраться, начала преобразаться. Итогом стало преобразование в человека, и съесть она меня уже не могла. Потому что появилось сознание. А в сознании, как бы она ни была голодна, людоедство ей претило.

— Зачем тебе меч оставили? — немедленно спросила я. Не знаю, что будет потом, но, кажется, воспоминания вошли в активную фазу: он не просто вспоминает — анализирует. Надо узнать от него всё — даже если информация будет такой жуткой, как про Келли.

— Ты сама сказала — идентификацию устроить. Меня же сразу хотели убить. А потом послать по моим же следам полицию. Сама представь, что было бы, если б полиция обнаружила при мёртвом теле уивернский меч с рукоятью-кортиком, где красовалось моё имя. Даже расследования проводить не надо. Идентифицировали бы — и вердикт: охотник за головами погиб от руки тех, кого преследовал.

— Секунду. — Я приподнялась на локте, заглянула в его лицо. Хм... Глаза закрыты, и не понять, он до сих пор слеп или стал зрячим. — Ты помнишь то, что я сказала? Точнее — вспомнил? Да?

— Обрывками. Как только что-то в тему, сразу вспоминаю.

— А если спрошу — вспомнишь?

— Меч же вспомнил.

— Ладно. Спрошу. Сколько раз на тебя устраивали покушения?

— Не знаю.

— Но ты же сам говорил...

— На меня не только устраивали покушения, но и охотились, чтобы отомстить. Поэтому я не могу точно разделить: это покушение, это охота.

— Понятно, — разочарованно сказала я и тоже легла. Но любопытство заставляло снова и снова чуть не подпрыгивать: столько вопросов, но с какого начать? — Дрейвен, а ты помнишь Руди?

— Помню.

— Он мне карточку оставил, чтобы связаться, когда будет на той планете. Хотел сразу про тебя узнать. Он, наверное, будет рад, что с тобой теперь...

— И что со мной?

Я додумывала мысль и не могла придумать главное. Итак, что именно с уиверном? Решила сыграть легкомысленную и отговорилась:

— С тобой чего только нет. Как ты встретился с Руди? Это тоже было... Страшно? Как с Келли?

Он молчал некоторое время, прежде чем ответить. Причём, за секунды до того как заговорил, я вдруг поняла, что он чуть улыбается.

— Ты слишком много говоришь. И не о том, о чём хотела бы. Я... хочу спать.

Вытянувшись оба солдатами, касаясь рук и ног друг друга, мы замолчали. Мне стало обидно. Я пытаюсь ему помочь, а он... И вдруг ярко вспомнилось, как на одной планете, будучи в услужении у торговцев, я однажды пыталась помочь грузчику, работающему с штабелеванием ящиков в кладовке. Он таскал тяжеленные ящики и складывал их в аккуратные ряды, а я стаскивала эти ящики поближе, чтобы ему легче было. Парнишка был тощий и приземистый, и я его жалела. Но вторая женщина из прислуги, бывшая рядом, отвела меня в сторону и сказала: «Не мешай ему. Он мужчина — пусть работает. Поблажки он не ждёт, да ещё перед тобой форсит — видишь, по несколько ящиков носит. А ты чего его унижаешь? Отойди да восхищайся, какой он сильный да как он здорово работает. Но его работу за него не делай».

Я — что? Опять начинаю выполнять за мужчину его работу? Тогда точно хватит. Больше я ничего не скажу и не сделаю за него. Давай, Дрейвен, выкарабкивайся сам.

Мысли постепенно расплывались, я снова уплывала в сон...

... Коридор. Тьма такая, что глазам больно. Где уиверн? Он же должен быть рядом! Кстати, с чего я взяла, что это коридор? Тишина и тьма уходят в пустоту? Поэтому?

В спину — острый взгляд. Быстро подняла руки определить, где именно я и чем вооружена. Мягкий взмах вокруг себя. Сбоку, справа, — стена. Ладно. Хоть спину поберечь. Ладонями проехала по бёдрам. Половина ужаса утихла. Нож на месте. Пулемёт — тоже. Почему я здесь одна? И почему взгляда больше не чувствую?

— Дрейвен... — одними губами.

В ответ тишина... Касаясь ладонью стены, осторожно пошла вперёд. Хотя какое тут вперёд или назад? Но, прислушавшись к себе, поняла, что нужно идти именно сюда.

Что же здесь происходит? Я уже поняла, что заснула и снова впала в сон уиверна. Но где он сам?.. Ладонь словно упала в углубление. Отдёрнула. Сердце лихорадочно заколотилось. Что это? Сдержала вздох облегчения — слишком шумно начала его для этого места. Снова подняла дрожащую руку, снова осторожно погладила поверхность стены, нашла место, куда запала ладонь. Пальцами обвела прямоугольные очертания. Косяк, дверной. Что дальше?

Слепая... В темноте. Губы начали расползаться в усмешке. Вот тебе и ответ на вопрос, которого никогда не осмелилась бы задать Дрейвену: каково ему в шкуре слепца? Ну, ладно. Зато в моей крови есть те же особенности. И пусть кровь всё равно немного не та... Я прислонилась спиной к стене, вообще закрыла глаза.

По обе стороны от меня пустота. Но справа рваная какая-то. А слева — шевелится. Чьё-то движение, отчего я сразу скользнула рукой по бедру, пальцы жадно вцепились в рукоять пулемёта. Тишина... От которой сердце трепыхается так, что хочется найти какой-нибудь глухой плащ и закрыться, чтобы никто не услышал...

Дальше всё как... Даже не знаю, как это назвать!

Дверь слева от меня резко распахнулась, меня схватили за руку и не втащили даже, а вдёрнули в помещение, не давая свалиться, хотя ноги от мгновенного ужаса подкосились, — вдёрнули сильным рывком. Хлопок дверью. Меня бросили о стену. Прижали, не давая опять-таки упасть. И — неизвестный чуть не напоролся на нож, когда хотел перехватить мои руки.

— Убери, — процедили сквозь зубы.

— Дрейвен?

— Я. Тихо.

Всунула нож в ножны и только открыла рот, чтобы спросить, что происходит... Смолчала. Надо будет — сам скажет... Сердце, угомонись... Больно же...

Любопытно: это та самая комната, из которой он меня в прошлый раз утаскивал в нижние районы, или другая?

Шелест одежды. Уиверн перемещается почти беззвучно, его выдаёт лишь одежда. Он отошёл от меня. Шага на два. Вернулся, нащупал мою руку, отвёл куда-то в сторону. Сбоку от двери — поняла я. И ещё поняла: он кого-то или чего-то ждёт. Хорошо. Подожду и я. Он стоит передо мной — боком, насколько я смогла определить по шуршанию одежды. Лицом к двери. И слушает.

Невольно прислушалась и я.

В коридоре постепенно стали слышными шаги. Пытаясь изо всех сил определить, я сообразила, что идущих двое. Слишком уж шаги быстрые и сбивчивые. Причём идут, как мне показалось, не слишком и прячась. Очень уверенные.

Сердце замерло, когда поняла, что остановились перед дверью, за которой прятались мы с Дрейвеном. Кто это? Те, которые приносили препараты? Или...

Дверь крякнула с треском, ударившим по ушам.

Дрейвен мгновенно сбил меня, не успевшую даже пискнуть, с ног и упал сверху, распахнув полы плаща и закрывая меня ими.

Какого дьявола?! Надо стрелять! Если он безоружный, то у меня-то пулемёт есть!!

Взрыв громыхнул так, что рокот от него волной промчался, наверное, по всему коридору в обе стороны. И был такой мощи, что вскрик двоих утонули в этом грохоте, а нас с уиверном просто отнесло от двери сильной горячей волной и врезало в угол, благо что он оказался совсем рядом. Я забыла о гранатах Дрейвена!

Уиверн не дал мне врезаться в угол головой, привычно защитив её ладонями. Под его плащ стелился дым, от которого першило в горле, да и вес уиверна был далеко не весом пушинки. Но теперь я уже сдалась: он и в самом деле лучше знает, что и когда делать. Так что — пережду неприятные моменты.

Сверху что-то сыпалось, от чего плащ Дрейвена защищал, как защищало меня и его тело. Я чувствовала его: он лежал на мне, опустив голову. И, когда первый испуг прошёл, я даже чуть не улыбнулась, когда поняла: лежим ухо в ухо... Мелкий камнепад прекратился. Дрейвен приподнял голову, скользнув подбородком по моей щеке. И замер. Я — тоже, как и он, изо всех сил вслушиваясь, что происходит в помещении. Что это было? Покушение, заказанное Адэром? Месть тех, кто однажды попался Дрейвену по его страшной работе? Или... полиция, отслеживающая отток лекарств с верхних ярусов?

Тихо. Ни звука. Пора бы бежать. Чего медлит Дрейвен? Или он знает что-то, чего не знаю я? Эта ситуация мне неизвестна. Могу только предполагать...

Наконец Дрейвен шевельнулся.

— Почему ты в моих воспоминаниях?

Я оторопела. Сейчас, в этой ситуации, он меня спрашивает о таком?!

— Не знаю. Наверное, всё то же — спим вместе и видим одно и...

— Лианна... Уиверны видят один сон на двоих только в одном случае...

Снова лёгкий шелест. Ещё больше поднял голову, теперь моего лица не касается. Ещё и приподнялся на локтях, и мне сразу стало легче дышать. Я напряглась, готовая по первому же его сигналу вскочить и бежать. И вдруг почувствовала его тёплое дыхание над собой. Услышала, как он облизал губы. И снова наклонился.

Никаких слов. Тёплые губы коснулись моих. Тишина. Я застыла, не зная, что делать. Может, я чего-то не понимаю, но понимает этот конкретный уиверн? Как он сказал? И

какие, к дьяволу, могут быть сейчас вообще разговоры?.. Почему он остановился? Попробовать самой? Но ведь мужчина... Чего же он ждёт?

Я завозилась под ним, выпрастывая руку и разворачиваясь. Как же здесь, под плащом, душно. Но в комнате наверняка всё ещё летает дым... А мне всё равно хочется увидеть его лицо. На моё шебуршание под ним он молчит — и не двигается. Что он видит, вглядываясь в меня спрятанными под линзами глазами? Что он чувствует? Чуть улыбнулась. А если он захочет узнать, что я чувствую, — не свистнет своим жутким свистом? Нет, он ощущает меня и так. Эмпат же. Если до сих пор слеп... Всё. Вытащила руку. Согнула как смогла в тесном пространстве, пальцами провела по его лицу. По морщинкам — смеётся? Серьёзен?

Сколько глупостей пришлось передумать. А ответ прост. Он тоже боится.

— Дрейвен...

Мои губы скользнули по его ждущему рту движением его имени. Он выдохнул и жадно приник ко мне... И вскоре я уже не понимала ничего: ни где мы находимся, ни почему наплевать на то, что в помещение могут ворваться какие-то смешные «пауки» или какие-то посланные глупым Адэром глупые убийцы... Самое важное было именно в том, что этот чёртов конкретный уиверн мой и только мой! И пусть он думает себе, что хочет, например, такую глупость, что я стала его личной собственностью, потому что откликнулась на его поцелуй, что мне нравится откликаться на его по... ой... уже не только на поцелуй... Какие у него руки... А какое имя... Дрейвен... Дре-эйвен... Дрейв!..

... Солнце Уиверна мягко заглядывало в окна, не зашторенные с вечера.

Я следила, как его пока тёмно-жёлтый свет начинает играть на потолке спальни. Головой я удобно и уютно устроилась на плече мужчины, который спал крепко-крепко. Пусть кто-то скажет, что это не я его вернула. И пусть кто-то скажет, что ему ещё придётся после этой ночи носить линзы. Нет, ему я ничего не скажу о том, что знаю про линзы. Но, кажется, он узнал главное, из-за чего в глубине души вернулся к слепоте. И должен проснуться зрячим. Могу поспорить...

Его дыхание изменилось.

— Могу поспорить, что ты больше не двоишься, — прошептала я.

— Кому чего, а тебе важно только это? — пробормотал он. — Ты не совсем права. Мне бы хотелось ещё кое-что узнать и понять, но уже не смогу.

— Но это потом, — сказала я уже вслух, хоть и негромко. — Тебе сейчас надо готовиться к суду. Даг-ин Рэдманд должен с тобой много беседовать, чтобы сделать тебе хорошую защиту. И потом...

— Лианна... Защита уже не нужна.

— Почему?

— Потому что уиверны только в одном случае видят один сон. И даг-ин Рэдманду только достаточно узнать об этом, как суд будет отменён вообще. Или ты не хочешь, чтобы даг-ин Рэдманд узнал об этом?

Я повернулась и ткнулась носом в его щеку. Обняла за плечо.

— Ты ведь больше никуда — ну, по своей специальности?

— Больше — нет. Хозяйство большое — придётся разбираться в нём на пару с тобой.

Он осторожно приобнял меня, и заглянул в глаза. Я расслабилась — видит! Поэтому он сказал, что хочет ещё кое-что понять, но уже не сможет! Не сможет вернуться на Керу, в её коридорные лабиринты и ярусы! Он и правда узнал главное!

— Чему ты улыбаешься? — невольно улыбнулся и он.

— Вспомнила, каким ты строгим был ночью. А как будет счастлив Брендон!

— Логика истинной женщины, — проворчал он, всё ещё улыбаясь.

— Логика! — подтвердила я. — Ведь это самое главное, что у меня есть — ты и твой сын. Поэтому у меня всё логично. Дрейвен...

— М?

— Ты знал меня всего два дня на Уиверне...

— Ты забыла приплюсовать неделю на Кере.

Да, забыла. И теперь, кажется, понимаю, почему он ослеп наново. Не оттого, что хотел узнать, что именно там произошло. А потому что ему надо было знать, почему его ко мне тянет. Я всё ещё держусь настороже. Но напоминаю себе, что мои слова: того уиверна, с Керы, я могла бы полюбить, — Дрейвен, кажется, воспринял всерьёз.

И с трудом удержалась от насмешливой улыбки: не каждая женщина начинает свой любовный роман через секунды после взрыва мощной гранаты!

Один сон на двоих

Лианна

Уиверны не говорят друг другу: «Я тебя люблю». Они видят друг друга в своих снах — и этого достаточно, чтобы женщина и мужчина поняли, что они любимы взаимно. Оттого на Уиверне нет разводов. Двое всегда вместе. Даже во сне.

Древняя история планеты, полная войн и катаклизмов, выработала в уивернах сдержанность в выражении своих чувств. Но мне, человеку, позволено то, что негласными правилами уивернов недоступно другой женщине, уивернке, так что я часто говорю Дрейвену эти сокровенные слова, любовно глядя в его пронзительно серые глаза: «Я тебя люблю». Он молчит в ответ. Может поцеловать, но чаще насмешливо улыбается. Фи... Меня не проведёшь. Я гуляю в его снах — рядом с ним. Я бегу в его снах бок о бок с ним, но чаще — едва мы закрываем глаза, он переплетает свои пальцы с моими... Мы вместе даже во сне. И это — счастье.

Дрейвен

Между землянами и уивернами есть определённое согласие в поэтическом определении слова «месть». Дрейвен пересмотрел множество высказываний по этому слову. Особенно ему понравилось следующее: месть — это блюдо, которое надо подавать холодным... Конечно, не все земляне однородны в своём составе. Были и такие, что не соглашались совершенно — по религиозным или этическим соображениям — даже с существованием понятия мести. Но у уивернов свои законы.

Дрейвен не чувствовал законченности недавних событий. Всё прошло мимо него. Он не чувствовал логики в своём трёхгодичном невольном забытьи, потому что не смог отомстить. Иногда он смотрел с высоких этажей Драконьего гнезда и думал, как жаль, что нельзя убить дважды. Даже то, что дела Драконьего гнезда, его рода, полностью перешли в его руки, а Лианна в основном занимается самим домом и ребёнком, не отвлекали от мыслей о мести. И это томило его так, что беспокойство перешло в сны.

У Лианны вторая беременность. Она кокетничает: «Неплохо бы, если б появилась девочка!» Но Дрейвен, будучи окончательным эмпатом после слияния двух личностей и уже через сутки сообразив, что она беременна, сразу понял, что будет снова мальчик. Это счастье для уиверна — второй мальчик. Хуже, что на первом месяце, на стадии формирования нервной системы ребёнка, Лианна стала очень чувствительной. Теперь она проникает не только в отчётливые сны Дрейвена, но и в тот лёгкий налёт смутных видений, которых в обычном своём положении не рассмотрела бы. Она не помнит этих снов, но Дрейвен видит её глаза, встревоженные внутренним беспокойством, и понимает, что от таких снов надо избавляться.

Месть — это блюдо, которое подают холодным. А готовить надо с удовольствием и тогда, когда появляются интересные для этого блюда и даже необходимые ингредиенты. И ещё — когда обстоятельства складываются самым лучшим образом.

Сначала Дрейвен сделал то, что сделал бы любой уиверн, который хочет защитить беременную жену от ненужного беспокойства. Его сны вызывали в ней тревогу, значит, он должен успокоиться сам.

В один прекрасный вечер он подошёл к зеркалу и, глядя себе в глаза, совершил ритуал

самовнушения.

Вроде успокоился. Но всё спокойствие пошло прахом, когда перед самым сном с ним связался Монти.

— Дрейв, ты знаешь, что я держу руку на пульсе.

— Знаю.

— Он умирает.

— Можно увидеть его? — после недолгого молчания спросил Дрейвен.

Лианна привыкла, что по своим делам: восстановлению статуса в уивернском обществе и профессиональным делам, с которыми давно надо покончить официально, — Дрейвен часто уезжает в самое невообразимое время суток, поэтому спокойно восприняла его предупреждение, что надо бы, на ночь глядя, посетить в обществе Монти «одно местечко». Только зашла вместе с ним в спальню Брендона, где Дрейвен немного поговорил и поиграл с сыном перед сном, а потом проводила его до входной двери. Чтобы уж заодно поприветствовать Монти.

Уже в машине Дрейвен поинтересовался:

— Кто там директором?

— Уиверн. Ещё трое уивернов на руководящих должностях. Остальные — люди. Но с их разрешения и с официального одобрения они защищены от внушения. Я договорился с одним, чтобы он передавал информацию, когда бывает вне стен лечебницы. И, как только он связался со мной, перезвонил тебе.

— Сколько ему осталось — по твоим прикидкам?

— Неделя. Как максимум. Лучше посмотри ты. У тебя точней.

Они приехали в лечебницу, и в качестве посетителей личный смотритель провёл их в палату. Со времени своей ипостаси на Кере Дрейвен не видел Адэра. Немного предполагал, что предстанет его глазам, но увиденное потрясло даже его.

Адэр лежал на кровати, скрючившись. Точней — не Адэр, а то, что от него осталось.

Кости с обвисшей на них дряблой кожей — и всё это затянато в больничный халат. Халат стерильно белый, поэтому существо внутри него кажется совершенно серым. Оно не похоже ни на человека, ни на уиверна. Облысевшая голова почти спрятана под ладонями, которые кажутся старческими из-за выступающих вен.

Дрейвена поразить трудно. Но зрелище деградировавшего в несколько недель Адэра произвело на него впечатление. Особенно его мосластые пальцы, кажущиеся удлинёнными из-за худобы, пальцы, которыми он закрывал голову. Дрейвену с трудом удалось сосредоточиться на другом: шагнул ближе к кровати и закрыл глаза. Смотритель почтительно жался у двери.

Монти, еле сдерживая гримасу брезгливости, спросил:

— Ну? Что?

— Три дня. Ему осталось три дня. Никакой недели.

Смотритель поспешно сказал:

— Кормим внутривенно, всё в срок.

— От кормёжки здесь уже ничего не зависит, — сквозь зубы сказал Дрейвен и вышел из палаты — с довольно странным для него чувством.

Обратно ехали — молчали. Дрейвен смотрел на сияющие вечерними огнями улицы уивернской столицы и всё думал о том, что в беге времени он даже не предполагал: угасание живого существа может быть таким стремительным.

Он-то всё мечтал: вот закончится суэта с его восстановлением на Уиверне, будет больше свободного времени на семью, а значит — и на завершение личных дел. Мельком мечтал, что даст Адэру щедрую возможность регенерировать и отправится вместе с ним на Керу, где они, по обычаям уивернов, начнут и закончат дуэль на равных — где-нибудь среди трущоб нижних ярусов. Мечталось, что это будет настоящая охота: они начнут бег на сближение с двух противоположных концов яруса, выискивая друг друга, а столкнувшись, защитят своё право на жизнь и на право быть отмщённым. Но... Что делать теперь? Когда время ушло безвозвратно?

Пискнул вирт Монти, сидящего за управлением.

— Да, — бесстрастно сказал Монти, включив громкую связь.

— Даг-ин Монти. По вашему запросу. У нас в реанимации уиверн в коме. В сознание не придёт. Полголовы снесло после воздушной катастрофы. Состояние вегетативное. Подобие жизни поддерживается только при помощи аппаратов. Родители — оба живы. Жена, ребёнок. Отключение аппарата с согласия родственников назначено на завтра. Ждём ваших предложений.

Дрейвен поднял глаза. Монти взглянул на него, слегка приподняв бровь.

Молчание, повисшее в машине, было полным. Вестник терпеливо выжидал, что скажет Монти. Дрейвен перевёл глаза на вирт. Вспомнилось ещё одно изречение землян: «Кто не рискует, тот не пьёт шампанского!» Слишком многое совпало! Последние часы Адэра. Внезапное появление нужного ингредиента. Обстоятельства сомкнулись воедино!..

И Дрейвен выдохнул:

— Хорошо!

Пришлось сделать остановку в пути. Дрейвен пересел на заднее сиденье, и оба принялись лихорадочно обзванивать всех, от кого теперь зависела жизнь Адэра Кейдна. Монти давно знал, чего именно хочет Дрейвен; успел подёргать заранее за многие нити и со многими договориться, поэтому организация оказалась быстрой и на уровне.

Несколько лет тому назад Дрейвен даже не осмелился бы подумать, чтобы сделать такое. Потому что не хватило бы средств на операцию. Это старая Куианна была настолько богата, что могла себе позволить провести её, купив собственные инструменты. Но наследство оказалось таким громадным, что Дрейвен без ущемления своего финансового благополучия мог себе позволить воскрешение живого существа на грани жизни и смерти.

Приехал домой Дрейвен поздно ночью и с облегчением вздохнул, что Лианна уже спит и что не надо накладывать наново самовнушение.

Согласие родственников уиверна, который находился в вегетативном состоянии, на операцию было получено быстро. У них средств не было вообще.

Прямое переливание крови было проведено в присутствии реаниматоров. И в присутствии Дрейвена, который мог, как сильный эмпат, сразу определить, удачна ли она.

Когда увезли безжизненное тело уиверна-донора, Дрейвен постоял у медицинской кушетки, глядя на Адэра и кривя рот, и, наконец, нехотя ухмыльнулся.

— Месяц. Пока. Потом посмотрим.

После недели врачебного присмотра за Адэром в больнице его перевезли в специально снятую квартиру, где теперь за ним следили нанятые специальные медики. Дрейвен ходил сюда как на работу, правда, не показываясь Адэру на глаза. А тот постепенно приходил в себя. Влитая в его жилы свежая кровь уиверна-донора (тот был из нормальной семьи, без родственного смешения крови) усилила его способность к регенерации... Исподтишка

наблюдая за тем, как Адэр становится здоровым и явно начинает вспоминать, Дрейвен только усмехался. Да, земляне правы. Время — великая вещь в деле мести. Потому что становишься взрослей. Потому что понимаешь, какая месть утончённей. И страшней.

Вскоре настал момент, когда из предосторожности Адэра пришлось приковать к кровати, вмурованной в стену, — чтобы не сбежал.

За месяц до рождения сына Дрейвен наконец отослал всех, кто находился при Адэре, и вошёл к нему в сопровождении Монти, оставив кое-кого дожидаться вне комнаты...

Волосы Адэра отросли, он уже занимался под руководством личного тренера, успешно восстановившего его мышечный тонус. И ничего не понимал. Точно так же, как не понимал, почему ему снятся странные сны.

Он сидел на кровати, когда они вошли. Поднял сумрачные зеленовато-серые глаза и вздрогнул так, что звякнули наручники на руках.

Они сели на поднесённые к кровати стулья.

Дрейвен критически оглядел его, незаметно хмыкнул.

— Даг-ин Адэр, как себя чувствуете?

— Вы... — кажется, он хотел спросить, не издеваются ли над ним. Но осёкся.

— Даг-ин Кейдн, — официально заговорил Монти, — мы хотим поставить вас перед фактом, что без вашего на то разрешения, потому как вы находились в неменяемом состоянии, мы просили уважаемых сограждан нашей планеты разрешить для вас продление жизни за счёт жизни другого уиверна.

Адэр морщился, слушая его, но не перебивал. Едва Монти замолчал, он нечаянно звякнул цепью, когда хотел поднять руку убрать со лба отросшие волосы. Опустил руку и уставился в пол. Пытался понять. Понял. Медленно поднял голову.

— Вы... что сделали?!

Монти усмехнулся.

— Даг Флорет, войдите, — подойдя к двери, позвал Дрейвен уивернку, которая уже месяц жила в одной квартире с Адэром, не показываясь последнему на глаза. Месяц — с момента, как он начал соображать. И месяц, как начал видеть странные сны.

Миловидная блондинка, и правда, похожая на цветок, смущённо прижимая руки к груди, осторожно вошла в комнату. Кинула взгляд на ошеломлённого Адэра, чьи глаза наполнялись постепенным узнаванием, и покраснелась.

— У вас есть выбор, даг-ин Кейдн, — монотонно сказал Дрейвен. — Вы выбираете место уступившего вам жизнь уиверна или платите семье отступные за свою свободу. Решать вам. Если вы решитесь на последнее, я объявлю вам сумму отступных.

Они видели один сон на двоих. Кровь родного уиверна в жилах чужого тела взывала к ней каждую ночь...

Что же выберет Адэр?

Когда он поднял глаза на неё, они тихо вышли.

Лианна

Когда родился второй мой мальщ, Дрейвен рассказал мне ещё об одном старинном уивернском ритуале.

Честно говоря, я рада, что Адэр жив. Хотя было время — ненавидела его всей душой. Он живёт теперь под именем того самого погибшего уиверна, чья кровь течёт в его жилах. Родители умершего обращаются к нему, называя именем, дорогим им. Как и жена, которая

постепенно привыкает к нему, к его внешнему виду. Сам Адэр связывался со мной несколько раз, но поговорить мы так и не смогли: я видела лишь, как он смотрит на экран связи и молчит. По коротким фразам Дрейвена, когда я стараюсь узнать о его судьбе, ясно, что Адэр тяжело переносит обращение к себе, как к новой личности. Но в последнее время начинает приспособливаться. Ведь от него зависят многие: его новые родители, его внезапная жена и ребёнок — его крови.

Время лечит. И время помогает понять многое. Дрейвен прав. Он рассказал мне, что сначала хотел сделать с Адэром: прогнать его по коридорам Керы, прежде чем убить. Но время... Время подсказало Дрейвену другую форму мести. Тот, прошлый Адэр, всегда был под дамокловым мечом внезапного безумия — и знал об этом. А теперь он, благодаря новой крови, освобождён. И понимание, что сделал Дрейвен, и превращает его выздоровление в утончённую месть: ты поступил со мной так — я сделаю наоборот. Для уверна знать, что он обязан жизнью другому уверну в качестве мести, — тяжело.

Но перед Дрейвеном я теперь преклоняюсь. Я не говорю ему об этом, но мне кажется, он расцветает от моего обожания. Во всяком случае, наши сны на двоих стали более счастливыми и радостными.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Послесловие автора

Было у меня несколько лет назад такое, что меня буквально погребло под сюжетами, начало которых записывалось, а сами тексты потом забрасывались. И была тема, которая меня очень интересовала, — тема передачи колдовского дара. Вот начало одного из текстов, сейчас трансформированного в «Драконье гнездо».

Издали город переливался тяжёлыми сумрачными огнями. Ещё часа три — и он погрузится в беспокойный сон, а на улицах залягут чёрные тени.

На окраине трое мотоциклистов играли в мотобол. Вместо мяча металась среди ревуших машин измученная, перепуганная девчонка.

В полуночном баре хохотал темноволосый мужчина. Один из его друзей только что отмочил солёную шуточку по поводу певички на эстраде.

В саду, освещённом белыми фонарями, задумчиво гуляла старушка. Она слышала грохот мотоциклов и укоризненно качала головой. Внезапно она схватилась за сердце и осела.

Вне времени и пространства спал угрюмый Зверь. Он рывком поднял лохматую голову — мощная цепь снова заставила его лечь. Но полыхнувшие зеленью глаза постепенно обретали чистоту цвета. Зверь понял: проклятие слабеет.

—
Веда снова не успела увернуться, и её отшвырнуло в сторону. Мельком взглянув на оборванную, сочившуюся кровью штанину джинсов, она вскочила на ноги, но развернуться и сбежать ей не удалось. Со всего маху она ткнулась в металлическую ограду. Громилы на мотоциклах приостановили игру. Веда обернулась к ним и зажмурилась от света фар. Одной рукой она вцепилась в железный прут ограды, другой — лихорадочно провела сверху вниз. Через секунды три она была уже за оградой. Ещё через секунду девушка пропала в смутно чернеющих кустах.

Мотоциклисты переглянулись.

— Помнится, там у них собаки? — вопросительно сказал один.

— Они сами как собаки, — буркнул другой.

— А мы? — с весёлой усмешкой подмигнул третий.

Постояв и подождав немного, они уехали.

... Веда тоже знала про собак. Она кралась между отчаянно грохочущими кустами и чувствовала, как волны страха обдают её сердце то холодом, то сумасшедшим жаром. В момент, когда она решила, что ей повезло, по нервам скрежетнул лёгкий хруст ветки. Застыв от ужаса, девушка смотрела: громадная овчарка медленно подходит к ней.

Холодный мокрый нос ткнулся в её ладонь, горячие клыки стиснули пальцы, но мягко и аккуратно. Веда ощутила, что её тянут куда-то, и покорно, спотыкаясь во тьме, поспешила за собакой.

Через несколько минут она уже задыхалась от сумасшедшего бега, еле поспевая за овчаркой. Девушка ничего не понимала, кроме одного: нужна её помощь. Поэтому несколько не удивилась, когда в стае скулящих псов увидела человека. Маленькая старушка неловко лежала на земле. Запыхавшаяся Веда быстро села рядом с ней, приподняла её безвольную голову, одновременно ища пульс на кисти:

— Что с вами? Сердце? Господи, таблетки при вас? Держитесь, я сейчас вызову кого-

нибудь из дома!

Жалобно визжавшие собаки вдруг смолкли. Старушка открыла глаза и всмотрелась в незнакомое лицо.

— Милая девочка, мы здесь так одиноки. Мне очень жаль, что это оказалась ты. Прости меня, девочка...

Костлявая ладонь вцепилась в девичью кисть с внезапной силой. Веда начала было подниматься, полагая, что женщина хочет встать. Но остановившиеся выцветшие глаза вдруг притянули её взгляд.

Такая вот трансформация из несостоявшейся фэнтези в фантастику.